

ЛАРРИ НИВЕН,
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

МОНОТ ПОУЩЕРА

Ларри Нивен
Джерри Пурнель
Молот Люцифера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127957

Молот Люцифера: Москва; Москва; 1993

ISBN 5-86435-002-8

Аннотация

Знаменитый роман американских авторов, ставший бестселлером № 1, рассказывает о силе человеческого духа, проявленной во время ужасающего всемирного катаклизма.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАКОВАЛЬНЯ	5
ЯНВАРЬ: ЗНАМЕНИЕ	5
ЯНВАРЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ	16
ФЕВРАЛЬ: ОДИН	22
ФЕВРАЛЬ: ДВА	30
МАРТ: ОДИН	38
МАРТ: ИНТЕРЛЮДИЯ	46
МАРТ: ДВА	59
АПРЕЛЬ: ОДИН	64
АПРЕЛЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ	72
АПРЕЛЬ: ДВА	80
МАЙ	88
ИЮНЬ: ОДИН	102
ИЮНЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ	110
ИЮНЬ: ДВА	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Ларри Нивен, Джерри Пурнель

Молот Люцифера

ПРОЛОГ

Когда Солнце еще не воспылало, когда планеты еще не образовались, был только Хаос. И были кометы.

Кое-где хаос, заполнявший космическое пространство, начал сгущаться. Масса его была достаточно велика, чтобы он не рассеялся в пространстве, и сгущение стало необратимым. Образовался бурлящий вихрь. Частицы пыли и замерзшего газа сближались, касались друг друга и слипались. Формировались хлопья, а затем и целые комки замерзших газов. Шли тысячелетия. Образовавшийся вихрь в поперечнике достигал пяти световых лет. Центр его становился все плотнее. Отдельные местные сгущения быстро вращались вокруг общего центра, аккумулируя близлежащую материю: формировались планеты.

Далеко от оси вихря сформировалось это. Представляло оно собой снежное облако. Частицы льда и снега объединялись в рыхлые скопления. Объединялись медленно, очень медленно, присоединяя за раз по несколько молекул. Метан, аммиак, двуокись углерода. Иногда в облако залетали более плотные образования, и оно включало их в себя. Таким образом в его состав вошли железо и камни. Теперь это было уже отдельное, вполне устойчивое скопление. Формировались все новые льдинки и химические соединения, устойчивые только в холоде межзвездного пространства.

Отдельные элементы скопления достигали уже четырех миль в поперечнике, когда случилась беда.

Катастрофа грянула внезапно, и по времени занимала не более пятидесяти лет – ничтожное мгновение по сравнению с жизнью скопления. Центр вихря обрушился внутрь самого себя, и яростным пламенем запольхало новое солнце.

Мириады комет испарились в этом адском пламени. Планеты сразу же лишились атмосферы. Мощный солнечный ветер вымел из центральной области свободные газы и пыль и унес их к звездам.

Но для скопления, однако, изменения эти оказались почти незаметными. От солнца оно находилось в двести раз дальше, чем недавно сформировавшаяся планета Нептун. Это новое солнце для скопления было не более чем необычайно яркой, но постепенно тускнеющей звездой.

А во внутренних областях гигантского вихря продолжалась яростная активность. От жара из камней испарялись газы. В морях третьей планеты образовывались сложные химические соединения. Газовые гиганты бурлили пронесшимися вдоль и поперек нескончаемыми ураганами.

Спокойствие внутренним мирам не ведомо.

Подлинное спокойствие существует лишь там, где начинается межзвездное пространство, во внешней оболочке системы, где плавают миллиарды разделенных громадными расстояниями комет. От каждой до ближайшей ее сестры – как от Земли до Марса. Эти кометы плавают посреди холодного черного вакуума. Здесь, в оболочке, их ленивая дрема может длиться миллионы лет... Но не вечно.

Вечность этому миру не знакома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАКОВАЛЬНЯ

*Против скуки сами боги бороться бессильны.
Фридрих Ницше.*

ЯНВАРЬ: ЗНАМЕНИЕ

*Засохли все лавровые деревья.
Грозя созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены.
А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.
Вильям Шекспир. «Король Ричард II».*

Голубой мерседес свернул с окружного шоссе Беверли Хилз и подъехал к особняку ровно в пять минут шестого. Джулия Суттер изумлена была чрезвычайно:

– Господи, Джордж, да это же Тим! И точно к назначенному времени!

Джордж Суттер подошел к ней и выглянул из окна. Да, это машина Тима. Усмехнувшись, он вернулся к бару. Званные вечера, устраиваемые его женой, считались событиями значительными, а этому вечеру, к тому же, предшествовали недели заботливой подготовки, подготовки и еще раз подготовки. И чего она так боялась, что никто не явится? Психоз этот стал настолько распространенным, что пора бы ему подобрать название.

Вот уже появился Тим Хамнер. Причем появился вовремя. Странно. Тим – из третьего поколения богатой семьи. По меркам Лос-Анджелеса, это старые деньги, и денег у Тима много. Он посещает только те вечера, на какие сам хочет попасть.

Архитектор Суттеров любил, должно быть, сращивать стили. Стены были прямоугольными, и углы здания тоже. А бассейны в саду – мягко изогнутые, самых прихотливых форм. Справа особняк смотрелся как традиционная вилла стиля «монстр» – белые оштукатуренные стены и красная черепичная крыша – а слева как норманнский замок, магическим образом перенесенный в Калифорнию. Для Беверли Хилз это не было необычным, но приезжие с востока всегда изумлялись. Особняк Суттеров располагался вдали от улицы, как и предписывалось отцами города для этой части Беверли Хилз. Настолько вдали, что высокие пальмы, казалось, не имели к нему никакого отношения. К самому зданию, изгибаясь огромной петлей, вела асфальтированная аллея. Возле крыльца стояли восемь слуг для помощи в парковке автомобилей – проворные молодые люди в красных куртках.

Не заглушая мотора, Хамнер вылез из машины. Взвизгнул автоматический напоминатель. В другое время Тим не преминул бы огрызнуться, в сильнейших выражениях проехавшись бы по поводу геморроя своего механика, но сейчас не обратил на этот визг никакого внимания. Глаза его были задумчивы, рука хлопала по карману, затем полезла вовнутрь. Слуга-парковщик заколебался – на чай дают обычно только перед отъездом. Но Хамнер не спеша с задумчивым видом прошествовал мимо него, и тот двинулся к машине исполнять свои обязанности.

Хамнер посмотрел вслед одетому в красное юнцу. Может, этот парень, а может, и другой из них интересуется астрономией. Эти ребята здесь почти всегда либо из Лос-Анджелесского Университета, либо из Университета Лойолы. А что, быть может... Он тут же с

неохотой признался себе, что такого быть не может. Тим вошел в дом. Рука его то и дело как бы случайно залезала в карман – ощутить, как шуршит под пальцами телеграмма.

Огромные двойные двери распахнулись, открывая обширное внутренне пространство здания. Прихожая от остальных помещений отделялась высокими арками, выложенными красным кирпичом – намек на стены, долженствующие разделять комнаты. Пол во всем доме был один и тот же: коричневый кафель, расписанный яркими мозаичными узорами. Здесь вполне можно было разместить сотни две гостей, если не больше. А возле бара сейчас собралось не более дюжины... Они весело и оживленно беседовали – немного более громко, чем следовало бы. Гости выглядели как-то затерянно среди этого пространства, сплошь заставленного столами. На столах – свечи и расшитые скатерти. В однотипной одежде – слуги. Их почти столько же, сколько гостей. Всего этого Хамнер не замечал – он вырос в подобной же обстановке.

Джулия Суттер отделилась от крошечной группы гостей и поспешила навстречу Тиму. Губы ее были накрашены, лицо поднято, и лицо это было намного моложе ее самой. В дюйме от щеки Тима она губами сделала движение, похожее на поцелуй. «Тимми, я так рада видеть вас!». Затем заметила его сияющую улыбку.

Она слегка отшатнулась, глаза ее сузились.

Как бы поддразнивая его, но с подлинной тревогой в голосе:

– Боже мой, Тимми, чего вы накурились?

Тим Хамнер был высоким и костлявым, но с маленьким намеком на брюшко – как раз таким, чтобы не создавалось впечатления об излишней приглаженности фигуры. Его лицо было как бы создано для меланхолии – давало знать себя происхождение. Семья его владела дающим весьма высокий доход кладбищем и моргом. Однако сейчас его лицо было прорезано ослепительной улыбкой, а в глазах сиял странный блеск.

– Комета Хамнера-Брауна, – сказал он.

– О! – Джулия вытаращила глаза. – Чего?

Услышанное не имело для нее никакого смысла. Комету купить нельзя. Она пыталась сдерживать волнение, а глаза ее тем временем прыгали то к мужу – успел ли он уже выпить еще одну рюмку? – то к двери – не пришел ли еще кто-нибудь из гостей? Приглашения были сформулированы достаточно ясно, и самые важные гости, пожалуй, уже пришли – пришли рано, не так ли? – и они не должны долго дожидаться, пока...

Снаружи донеслось низкое урчание мотора какой-то мощной машины. Через узкие обрамляющие дверь окна она увидела, как из темного лимузина высыпало с полдюжины народу. Тим сможет позаботиться о себе сам. Она похлопала его по руке:

– Очень мило, Тим. Извините меня, хорошо?

Поспешная, выражающая что-то интимное улыбка, и Джулия исчезла.

Если это сколько-то и смутило Хамнера, то он этого ничем не проявил, а направился напрямик к бару. Сзади него Джулия спешила приветствовать самого важного гостя – сенатора Желлисона – и его свиту. Он всегда прихватывал с собой не только членов семьи, но и помощников.

Когда Тим Хамнер добрался до бара, улыбка его стала еще более ослепительной.

– Добрый вечер, мистер Хамнер.

– Добрый вечер. У меня сегодня замечательное настроение. Можете поздравить меня, Родригес. Мое имя собираются присвоить комете!

Майкл Родригес, протиравший за стойкой бокалы, слегка смутился.

– Комете?

– Ага. Комета Хамнера-Брауна. Она приближается, Родригес. Примерно в... м-м... июне... плюс-минус пара недель... ее можно будет видеть. – Хамнер извлек телеграмму и с треском развернул ее.

– Здесь, в Лос-Анджелесе, мы ее все равно не увидим, – Родригес вежливо улыбнулся. – Чем могу быть вам полезен?

– Шотландского. Ее вы сможете увидеть. Она, возможно, величиной с комету Галлея. – Хамнер взял бокал и огляделся. Целая группа собралась вокруг Джорджа Суттера, а люди сейчас притягивали Тима, как магнит. В одной руке у него была телеграмма, в другой – бокал с выпивкой. Джулия, тем временем, встретив, вводила в дом новых гостей.

Сенатор Артур Клей Джеллисон чем-то напоминал кирпич. Он был скорее мускулист, чем тучен. Грузный, общительный человек, украшенный густой седой шевелюрой, он был дьявольски фотогеничен и его могла узнать в лицо добрая половина страны. Сейчас его голос звучал так же, как и во время телевизионных передач: мягкий резонирующий голос, такой, что казалось, будто сенатор обретал некую таинственную значимость.

У Маурин Джеллисон, дочери сенатора, были длинные темно-рыжие волосы и бледная чистая кожа. И красота, от которой в другое время Тима Хамнера охватил бы приступ застенчивости. Но когда Джулия Суттер обернулась и – наконец-то! – сказала: «Так что там насчет...», он даже не улыбался.

– Комета Хамнера-Брауна! – Тим взмахнул телеграммой. – Китт-Пиккская обсерватория подтвердила мои наблюдения! Это действительно комета, моя комета, и ей присваивают мое имя!

Маурин Джеллисон чуть приподняла брови. Джордж Суттер осушил свой бокал, и лишь после этого задал очевидный вопрос:

– А кто такой Браун?

Хамнер пожал плечами. Выпивка из лишь чуть отпитого бокала плеснула на ковер. Джулия нахмурилась.

– Никогда раньше не слышал о нем, – сказал Тим. – Но Международный Астрономический Союз утверждает, что он обнаружил комету одновременно со мной.

– Так значит, вы – владелец половины кометы, – сказал Джордж Суттер. Тим искренне рассмеялся.

– Джордж, если вы когда-нибудь станете владельцем половины кометы, я куплю у вас все те акции, которые вы так старательно пытались мне продать. И целую ночь буду поить вас за свой счет. – Двумя глотками он расправился со своей выпивкой.

Подняв глаза, он обнаружил, что слушатели рассеялись, и направился обратно к бару. Джулия, завладев рукой сенатора Джеллисона, вела знакомить его с новичками. По пятам за ними следовали помощники сенатора.

– Половина кометы – это очень много, – произнесла Маурин. Тим обернулся и обнаружил, что она по-прежнему находится рядом с ним. – И как вы вообще смогли разглядеть хоть что-то через этот смог?

В голосе звучал интерес. И глядела она с интересом. И никто не мешал ей уйти со своим отцом. От шотландского у него потеплело в горле и в желудке. Тим принялся рассказывать о своей горной обсерватории. Ее – обсерваторию – отделяют от горы Вильсон не так уж и много миль, но, тем не менее, она находится достаточно далеко в глубине гор Анджелес, чтобы свет Пасадены не мешал наблюдениям. Там у него есть запасы пищи, есть помощник, и он месяцами проводит ночные наблюдения неба. Он следит за уже известными астероидами, за спутниками планет, он приучает свои глаза и мозг наизусть помнить небо. Наблюдая, он постоянно ожидал найти току света там, где ее быть не должно, заметить аномалию, которая...

В глазах Маурин появилось знакомое выражение.

– Я уже надоел вам? – спросил он.

Она стала извиняться.

– Нет, нет, ну что вы, просто... так, случайная мысль.

– Я знаю, что меня иногда заносит.

Она улыбнулась, покачала головой. Ее роскошные темно-рыжие волосы всколыхнулись, пустились в пляску.

– Нет, мне действительно интересно. Папа – член подкомиссии по финансированию науки и астронавтики. Он любит отвлеченные научные исследования, и от него это перешло ко мне. Просто я... Вот вы – человек, знающий, чего он хочет, и вы нашли то, что искали. Не о многих можно сказать то же самое. – Она внезапно стала совсем серьезной.

Тим смущенно рассмеялся.

Мне что, исполнить на бис?

– Ну... вот что вы будете делать, если вы высадились на Луне, и тут выяснилось, что куда-то потеряли программу исследований?

Хм... Не знаю. Я слышал, конечно, что у высаживающихся на Луне бывают некоторые трудности...

– Ладно, пускай вас это не беспокоит, – сказала Маурин. – Сейчас вы не на Луне, так что наслаждайтесь.

Очищая улицы от смога, вдоль холмов Лос-Анджелеса дул сухой и горячий ветер, известный под названием «Санта Анна». В рано наступивших сумерках танцевали огни уличных фонарей. Гарви Рэнделл и его тень Лоретта катили в зеленом «торнадо» с открытыми стеклами. Приятно: летняя погода в январе. Доехали до особняка Суттеров. Гарви притормозил машину возле одетого в красную куртку слуги-парковщика. Подождал, пока Лореттаотрегулирует на лице тщательно отработанную улыбку. Они вместе проследовали через огромный парадный вход.

Сцена – обычная для вечеринок, устраиваемых в Беверли Хилз. Сотня людей рассыпана промеж маленьких столиков, и еще сотня собравшихся кучками. Музыкальный ансамбль в углу наигрывал что-то веселое. Прилипший к микрофону певец наглядно демонстрировал всем, в каком он экстазе.

Поздоровавшись с хозяйкой, они разделились. Лоретта нашла себе собеседников, а гарви по самой многочисленной группе засек расположение бара, где и получил свой любимый двойной джин с тоником.

Рикошетом до него доносились иногда обрывки разговоров. «...Понимаете, мы запрещаем ему заходить на белый ковер, и получилось так, что кот стоял в самой середине этого ковра, а пес, как часовой, ходил, карауля, по периметру...»

«...и вот, на сиденье прямо впереди меня в самолете – прекрасная юная цыпочка. Просто потрясающая цыпочка, хотя все, что я мог видеть – это ее затылок и волосы. Я уже начал подумывать, как бы это ее снять, и тут она оборачивается и говорит:» Дядя Пит! А вы что здесь делаете?...«

»...парень, это здорово помогает! Когда я звоню и говорю, что это член комиссии Роббинс, я как бы заново сдаю экзамен. С тех пор, как мэр научил меня, у покупателя больше нет права выбора. А также права на ошибку...«

Все эти кусочки и обрывки профессионально укладывались в памяти Гарви: он занимался телевизионной документалистикой. Не слушать он не мог, хотя ему и не хотелось слушать, действительно не хотелось. Окружающие его люди нравились ему. Иногда ему даже хотелось иметь такой же образ мышления, как и у них.

Он огляделся, высматривая Лоретту, но она была недостаточно высока ростом, чтобы выделяться в этой толпе. Зато его взгляд наткнулся на высоко взбитую неправдоподобно-оранжево-рыжую прическу Бренды Тей, с которой Лоретта говорила перед тем, как Гарви направился к бару. Расталкивая локтями желающих выпить, он двинулся в сторону Бренды.

– Двадцать миллиардов баксов – и за все это мы смогли лишь прогуляться по скалам! На эти проклятые ракеты доллары – миллиардами! – текут как вода меж пальцев. И зачем мы на них столько тратим, когда за такие деньги мы могли бы получить...

– Кучу дерьма коровьего, – сказал Гарви.

Джордж Суттер обернулся в изумлении.

– О, Гарви... Привет!.. Вот и с» Шаттлом» то же. Именно то же самое. Деньги просто утекают сквозь пальцы...

– Эти деньги уходят не на ветер, – чистый, мелодичный громкий голос прервал разглагольствования Джорджа, и игнорировать его было невозможно. Джордж остановился на полуслове.

Гарви посмотрел на нее – эффектную, рыжеволосую, в зеленом вечернем платье, оставляющем плечи открытыми. Ее взгляд встретился с его взглядом. Гарви первым отвел глаза. Затем улыбнулся и сказал:

– Ваши слова означают то же, что и «кучу дерьма коровьего»?

– Да, только более обоснованно, – она усмехнулась, а Гарви, вместо того, чтобы убрать улыбку, продолжал ухмыляться. Она тут же бросилась в атаку.

– Мистер Суттер, НАСА не тратило на «Аполлон» деньги, предназначенные для улучшения производства скобяных изделий. Мы оплачиваем и исследования, направленные на улучшение производства скобяных изделий, для этого есть свои деньги – и есть скобяные изделия. Деньги же, затраченные на знания, не есть деньги, утекшие, как вода сквозь пальцы. Что же касается «Шаттла», то это – плата за то, чтобы попасть туда, где мы можем познать нечто действительно важное, и плата эта не так-то уж и высока...

Руки Гарви игриво коснулись женское плечо и грудь. Должно быть, Лоретта. Это и была Лоретта. Он протянул ей порцию спиртного – свой полупустой бокал. Она начала что-то говорить, но он жестом призвал ее к молчанию. Возможно, чуть более грубо, чем обычно, но ее протестующий взгляд он игнорировал.

Рыжеволосая знала свое дело хорошо. Если точно подобранные доводы разума и логики можно считать выигрышем – она выиграла. Но к тому же она выиграла и нечто большее: на нее были обращены взгляды всех мужчин. И все они слышали ее протяжный и медленный южный говор, подчеркивающий каждое слово. И слышали ее голос, такой чистый и музыкальный, что всякий другой на его фоне казался бормочущим и заикающимся.

Это неравное состязание закончилось тем, что Джордж обнаружил, что его бокал пуст, и удрал в направлении бара. С торжествующей улыбкой девушка повернулась к Гарви, и он кивнул ей в знак приветствия.

– Меня зовут Гарви Рэнделл. А это – моя жена Лоретта.

– Маурин Джеллисон. Очень приятно. – На полсекунды она нахмурилась. – А, вспомнила. Вы были последним американским репортером в Камбодже. – Церемониальный обмен рукопожатиями с Гарви и Лореттой. – Не ваш ли вертолет был сбит при охоте за новостями?

– Даже дважды, – гордо сказала Лоретта. – Гарви на себе вынес оттуда пилота. Нес его пятьдесят миль по вражеской территории.

Маурин степенно кивнула. Она была моложе Рэнделлов лет на пятнадцать, но, похоже, прекрасно умела владеть собой.

– А теперь вы здесь. Вы, наверное, местные?

– Я – да, – сказал Гарви. – А Лоретта – из Детройта...

– Большущий городище, – механически заметила Лоретта.

– Но я-то родился в Лос-Анджелесе, – Гарви не мог позволить Лоретте сказать о себе хотя бы половину правды. – Мы – здешняя редкость: местные уроженцы, туземцы.

– А чем вы теперь занимаетесь? – спросила Маурин.

– Кинодокументалистикой. Обычно – кинохроникой.

– А кто вы – я знаю, – с неким благоговейным замешательством сказала Лоретта. – Я только что видела вашего отца, сенатора Джеллисона.

– Верно, – Маурин задумчиво посмотрела на супругов, затем широко улыбнулась. – Вот что. Если вас интересуют новости, то здесь есть кое-кто, с кем вам не помешало бы встретиться. Тим Хамнер.

Гарви нахмурился. Имя казалось знакомым, но откуда – он никак не мог вспомнить. – Так зачем?

– Хамнер? – сказала Лоретта. – Молодой человек с наводящей страх улыбкой? – она хихикнула. – Он сейчас несколько пьян. И никому слова не дает сказать. Он владеет половиной кометы.

– Он самый, – сказала Маурин и заговорщицки улыбнулась Лоретте.

– А еще он владеет мылом, – сказал Гарви.

Маурин с недоумением посмотрела на него.

– Просто вспомнил, – сказал Гарви. – Ему досталась по наследству компания «Мыло Кальва».

– Может быть. Но кометой он гордится больше, – сказала Маурин. – И я не порицаю его за это. Мой старый папочка возможно и станет когда-нибудь президентом, но он и близко никогда не подойдет к открытию кометы. – Она стала оглядывать помещение, пока не обнаружила искомое. – Вон там. Высокий мужчина, цвет костюма – белый и темно-красный. Вы узнаете его по улыбке. Встаньте рядом с ним, и он сам вам все расскажет.

Гарви почувствовал, как Лоретта тянет его за руку, и с неохотой отвел свой взгляд от Маурин. Когда он оглянулся, ее уже кто-то отловил. Пришлось идти за следующей порцией выпивки.

Как всегда, Гарви Рэнделл выпил слишком много. И хотелось бы знать, зачем вообще он ходит на эти званые вечера? На самом деле он все же знал: в таких вечерах Лоретта видит способ участия в его жизни. Единственная попытка взять ее в поход вместе с сыном закончилась полным провалом. Когда они вышли к намеченному месту, ей хотелось только поскорее бы добраться до какого-нибудь фешенебельного отеля. Чувство долга заставляло ее посещать с Гарви мелкие бары и места общественных увеселений, но при этом было очевидно, что ей стоит большого труда скрывать, как она несчастна.

На вечеринках же, подобных этой, она чувствовала себя как рыба в воде. А сегодня ей все особенно удавалось. Она ухитрилась даже завязать беседу с сенатором Джеллисоном. Гарви оставил ее беседовать с сенатором и отправился за новой порцией спиртного. «Пожалуй, Родригес, побольше джина». Бармен улыбнулся и смешал коктейль, не комментируя. Гарви взял напиток. Рядом, за маленьким столиком, сидел Тим Хамнер. Он смотрел на Гарви, но глаза его были подернуты пеленой: он ничего не видел. И – улыбка. Гарви подошел к его столику и опустил в другое стоявшее рядом с ним кресло.

– Мистер Хамнер? Гарви Рэнделл. Маурин Джеллисон сказала, что мне следует произнести одно слово: комета.

Лицо Хамнера засветилось. Улыбка стала еще шире, хотя казалось, что такое было вообще невозможно. Он достал из кармана телеграмму и взмахнул ею:

– Верно! Сегодня наблюдение было подтверждено! Комета Хамнера-Брауна.

– Вы рассказываете не с самого начала.

– Так она вам ничего не сказала? Ну, что ж. Я – Тим Хамнер. Астроном. Нет, не профессиональный, но оборудование у меня как у профессионалов. И я знаю, как с ним обращаться. Я – астроном-любитель. Неделю назад я обнаружил пятнышко света недалеко от Нептуна. Раньше его не было в этой области неба. Я продолжил наблюдения за ним – оно двигалось. Я достаточно долго изучал его, чтобы убедиться в этом, и затем сообщил о нем. Это – новая

комета. Китт-Пикк подтвердил мои наблюдения. Международный Астрономический Союз решил присвоить комете мое имя... и имя Брауна.

Именно в этот момент Гарви Рэнделла, как удар молнии, пронзила зависть. И столь же быстро она исчезла. Это он сам сделал, чтобы зависть убралась. Затолкал на дно своей памяти, откуда позднее он сможет вытащить ее и рассмотреть повнимательнее. Гарви от этого стало стыдно. И не будь этой вспышки – вспышки зависти – он задал бы более тактичный вопрос:

– А кто такой Браун?

Лицо Хамнера не изменилось.

– Гэвин Браун – мальчик, живущий в Сентервилле, штат Айова. Он сделал себе телескоп из куска зеркала и сообщил о комете тогда же, когда и я. По правилам Международного Астрономического Союза, это считается одновременным наблюдением. Если бы я не ждал до полной уверенности... – Хамнер пожал плечами и продолжил: – Сегодня я разговаривал с Брауном по телефону. И послал ему билет на самолет – хочу с ним встретиться. Он не соглашался сюда ехать, пока я не пообещал, что покажу ему солнечную обсерваторию на Маунт Вильсон. Все, что его действительно интересует – это солнечные телескопы. А комету он открыл случайно!

– А когда эту комету будет видно? То есть, – поправил себя Рэнделл, – будет ли ее вообще видно?

– Сейчас еще слишком рано говорить об этом. Следите за передачами новостей.

– Я не собираюсь следить за передачами новостей. Я собираюсь сам сообщать новости, – сказал Гарви. – И ваша комета – это новость. Расскажите мне еще что-нибудь о ней.

Хамнер и сам горел желанием сделать это. Он тут же заверещал о своей комете, Гарви кивал и улыбка его становилась все шире. Замечательно! Этот поток слов сообщал, что оборудование для астрономических наблюдений стоит весьма недешево (к тому же, в придачу с фотооборудованием). Дорогостоящее прецизионное оборудование. Но ребенок с изогнутой иглой вместо крючка на ивовой палке вместо удилища может поймать столь же крупную рыбу, что и миллионер.

Миллионер Хамнер.

– Мистер Хамнер, если окажется, что эта комета представляет интерес для документального кино...

– Что ж, вполне возможно. Открытие таким и должно быть. Ведь астрономы-любители имеют такое же значение, как и...

Зациклился, ей богу!

– Я вот что хотел спросить у вас. Если мы решим сделать об этой комете документальный фильм, захочет ли компания «Мыло Кальва» стать заказчиком этого фильма?

Выражение лица Хамнера изменилось лишь чуточку – но все-таки изменилось. Гарви мгновенно переменял свое мнение об этом человеке. У Хамнера слишком большой опыт общения с людьми, охотящимися за его деньгами. Он энтузиаст, но вовсе не дурак.

– Скажите, мистер Рэнделл, не вы ли делали тот фильм об аляскинском леднике?

– Да.

– Дерьмо.

– Конечно, дерьмо, – согласился Гарви. – Заказчик настоял на праве полного контроля. И получил это право. И воспользовался им. Мне ведь не досталась в наследство процветающая компания, – «да ну вас к черту, мистер Комета».

– А мне досталась. И это, пожалуй, неплохо. А фильм о дамбе Врат Ада тоже вы делали?

– Да.

– Мне этот фильм понравился.

– Мне тоже.

– Хорошо. – Хамнер несколько раз подряд кивнул. – Понимаете, возможно, это будет неплохой заказ. Даже если комета не будет видна – а я думаю, что видна она будет. Часто деньги тратятся на черт знает что, реклама обычно такая дрянная, что никто смотреть ее не хочет. А рассказать о комете – дело, возможно, не менее важное. Так что, Гарви, придется вам взяться за это дело.

Они направились к бару. Вечер уже шел к завершению. Джеллисоны уехали, но Лоретта нашла себе другого собеседника. Гарви узнал его: городской советник. Тот не раз уже бывал на студии Гарви, преследуя одну и ту же цель – сделать передачу о городском парке. Он, вероятно, решил, что Лоретта сможет повлиять на Гарви. Что было совершенно неверно. И что Гарви сможет повлиять на телекомпанию или ее лос-анджелесскую студию. Что было уже совершенно невероятно.

Родригес пока был занят, и они остались стоять возле бара.

– Для изучения комет существует много различных типов приборов. Существует превосходное новейшее оборудование, – говорил Хамнер, – такое, как большой орбитальный телескоп, использовавшийся пока только однажды – для изучения Когоутека. Во всем мире ученые пытаются изучать отличительные особенности комет. Чем отличается Когоутек от Хамнера-Брауна. В Калифорнийском Технологическом. Или планетарные астрономы из ИРД. Им всем захочется узнать побольше о Хамнере-Брауне.

«Хамнер-Браун» он произносил с резонированием, было очевидно, что слова эти имели для него определенный вкус, и вкус этот ему нравился.

– Комет в небе, видите ли, не так уж и много. Они – остатки гигантского газопылевого облака, из которого сформировалась Солнечная система. Если мы сможем больше узнать о кометах, посылая, например, к ним космические зонды, мы будем больше знать о том первоначальном облаке, на что оно походило до того, как обрушилось внутрь себя, породив Солнце, планеты, их спутники и все прочее.

– Да вы – трезвый, – от удивления вслух заметил Гарви.

Эти слова просто поразили Хамнера. Затем он рассмеялся.

– Я собирался сегодня напиться в честь этого события, но, похоже, я больше говорил вместо того, чтобы пить.

Освободился Родригес и выставил перед ними бокалы со спиртным. Хамнер поднял свой со знаком приветствия.

– Дело в том, что ваши глаза блестели, – сказал Гарви. – Поэтому я и решил, что вы пьяны. Но в том, что вы говорили – смысла много. Сомневаюсь, что будет запущен зонд, но – чем черт не шутит! – это вполне возможно. Вы говорите о чем-то большем, чем просто съемка документального фильма. Послушайте, а может, есть шанс? Я имею в виду, можно ли сделать так, чтобы к этой комете отправили зонд? Дело в том, что я знаю кое-кого в аэрокосмической промышленности и...

И, подумал Гарви, из этого можно было бы сделать книгу. Удастся ли только найти для этого хорошего редактора? И нужен еще Чарли Баскомб со своей камерой...

– А как далеко от Земли она пройдет? – спросил Гарви.

Хамнер пожал плечами.

– Орбита еще не рассчитана. Возможно, что очень близко. Во всяком случае, перед этим ей предстоит еще обогнуть Солнце. И двигаться тогда она будет заметно быстрее. Хотя она прошла уже долгий путь из кометного Гало, которое дальше орбиты Плутона, *очень долгий* путь, я не могу надежно рассчитать ее орбиту. Мне придется ждать, пока это сделают профессионалы. И вам тоже придется ждать.

Гарви кивнул, и они осушили свои бокалы.

– Но идея эта мне нравится, – сказал Хамнер. – *Научный интерес к Хамнеру-Брауну будет огромным в любом случае.* Но неплохо было бы преподнести сведения о ней и широкой публике. Идея эта мне нравится.

– Но, – осторожно сказал Гарви, – для того, чтобы всерьез заняться такой работой, нужно иметь твердые обязательства заказчика. Вы уверены, что «Мыло Кальва» заинтересована сделать такой заказ? Передача может привлечь внимание публики, а может – и не привлечь.

Хамнер кивнул. – Когоутек, – сказал он. – На этом уже обжигались раньше, и никому не хочется снова обмануться на том же самом.

– Да.

– Можете рассчитывать на «Кальву». Будем полагать, что изучать кометы важно даже в том случае, если разглядеть их нельзя. Ибо заказ обещать вам я могу, а прибытие кометы по устраивающему нас адресу – нет. Возможно, ее вообще не будет видно. Не обещайте публике сверх заранее известного.

– У меня репутация человека, честно сообщающего факты.

– Если не вмешивается заказчик, – добавил Хамнер.

– Даже в этом случае. Факты я излагаю честно.

– Хорошо. Но как раз сейчас никаких фактов нет. Могу только сказать, что Хамнер-Браун – весьма большая комета. Она должна быть большой, иначе я не смог бы ее увидеть с такого расстояния. И, похоже, она пройдет очень близко от Солнца. Возможно, что зрелище будет весьма неплохое, но точно предсказать это пока невозможно. Может быть, хвост ее расплывется по всему небу... а возможно, солнечный ветер вообще полностью сдует его. Это зависит от кометы.

– М-да. Но, – сказал Гарви, – сможете ли вы назвать хотя бы одного репортера, который потерял свою репутацию из-за Когоутека? – и кивнул в ответ на однозначный жест. – Вот именно. Ни одного. Публика ругала астрономов за наглое вранье, но репортеров не ругал никто.

– А за что же было их ругать? Они же только цитировали астрономов.

– Согласен, – сказал Гарви. – Но цитировали-то тех, кто говорил то, что было нужно. Вот, допустим, два интервью. В одном говорится, что Когоутек будет Великой Рождественской Кометой, в другом – что да, комета будет, но разглядеть ее без полевого бинокля будет невозможно. Как вы думаете, какое из них будет показано в выпуске новостей?

Хамнер засмеялся, затем осушил свой бокал. К ним подошла Джулия Суттер.

– Вы заняты, Тим? – спросила она. И, не дожидаясь ответа: – Ваш кузен Барри здорово надрался. Он на кухне. Не могли бы вы доставить его домой? – она говорила тихо, но настойчиво.

Гарви почувствовал к ней ненависть. А был ли сам Хамнер трезвым? И вспомнит ли он утром хоть что-то из этого разговора? Проклятье.

– Конечно, Джулия, – сказал Хамнер. – Извините, – сказал он, обращаясь к Гарви. – Не забудьте, наша серия о Хамнере-Брауне должна быть честной. Даже если это будет стоить дороже. «Мыло Кальва» может себе позволить это. Когда вы хотите приступить к работе?

Должно быть, есть все же в мире хоть какая-то справедливость.

– Немедленно, Тим. Надо будет снять вас с Гэвином Брауном на Маунт Вильсон. И его комментарии при осмотре вашей обсерватории.

Хамнер усмехнулся. Ему это понравилось.

– Хорошо, завтра созвонимся.

Лоретта тихо спала на соседней кровати. Гарви долго пристально смотрел в потолок. Слишком долго. Знакомое состояние. Придется вставать.

Он встал. Приготовил какао в большой кружке, отнес его в свой кабинет. Киплинг радушно приветствовал его там, и, открыв дверь, Гарви рассеянно потрепал ладонью уши немецкой овчарки. Внизу в полутьме лежал Лос-Анджелес. Санта Анна полностью сдула смог. Сейчас, даже в этот поздний час, шоссе казались реками движущегося света. Сетки фонарей отмечали главные улицы. Гарви заметил – впервые – что свет фонарей оранжево-желтый. Хамнер говорил, что все эти огни здорово мешают наблюдениям с горы Маунт Вильсон.

Город простирался перед ним и уходил в бесконечность. В тени, во тьме квартиры грохотались одна на другую. Светились голубые прямоугольники плавательных бассейнов. Автомобили. В воздухе мигает с определенными интервалами яркий огонек – полицейский вертолет, патрулирующий город.

Гарви отошел от окна. Подошел к письменному столу, взял книгу. Положил ее. Снова потрепал уши собаке. И очень осторожно, не доверяя себе и стараясь не делать резких движений, поставил какао на стол.

Во время походов по горам, на привалах, он никогда не испытывал бессонницы. Когда темнело, он просто залезал в спальный мешок и спал всю ночь. Бессонница мучила его только в городе. Когда-то, годы назад, он еще мог бороться с ней: лежал неподвижно на спине. Теперь он по ночам вставал и бодрствовал до тех пор, пока не ощущал сонливость. Только по средам бессонница не вызывала никаких трудностей.

По средам они с Лореттой занимались любовью.

Когда-то он уже пытался сломить эту привычку, но это было давно, годы назад. Да, Лоретта залезала к нему в постель и ночью по понедельникам. Но не всегда. И ни разу не залезала днем или когда светало. И никогда при этом им не было так хорошо, как по средам или субботам. Особенно средам. Потому что в среду они уже знали, что предстоит, они были к этому готовы. А теперь обычай этот совсем укоренился – словно отлили из бронзы.

Он стряхнул эти мысли и сконцентрировался на своей удаче. Итак, Хамнер согласен. Будет документальный фильм. Он задумался над возникающими проблемами. Нужен специалист по фотографии при слабом свете. Время появления кометы будет, скорее всего, определено с ошибкой. Это будет забавно. И надо поблагодарить Маурин Джеллисон за намек на Хамнера, подумал он. Милая девушка. Яркая. Гораздо более здравомыслящая, чем большинство встречавшихся мне женщин. Плохо, что там была и Лоретта...

Эту мысль он придушил столь быстро, что едва успел осознать ее. Многолетняя привычка. Он знал слишком много мужчин, убедивших себя, что ненавидят своих жен, но на самом деле не испытывавших к ним даже неприязни. Не всегда по ту сторону забора трава зеленее – так учил Гарви его отец. И уроки, полученные от отца, он никогда не забывал. Отец его был строителем и архитектором, всю жизнь обращался в Голливуде, но так и не заполучил крупного контракта, на котором мог бы разбогатеть. Зато часто бывал на голливудских званных вечерах.

У отца находилось время, чтобы путешествовать вместе с Гарви по горам. И на привалах он рассказывал Гарви о продюсерах, о кинозвездах, о сценаристах – о всех тех, кому приходится тратить больше, чем зарабатывать. О тех, кто создает себе образ, не существующий, возможно, в реальной жизни. «Невозможно быть счастливым, – говаривал Берт Рэнделл, – если думаешь, что жена глупа, зато хороша в постели. Или – что она хорошо смотрится на вечеринках. Нельзя быть счастливым, постоянно думая об этом, потому что думаешь – и сам постепенно начинаешь в это верить. Проклятые города приучают людей верить прессе, но никому не удастся жить согласно придуманным писателями грезам».

И это – действительно правда. Грезы могут быть опасны. Лучше обращать свои мысли только на то, что имеешь. А имею я, подумал Гарви, не мало. Хорошая работа, просторный дом, плавательный бассейн...

Но все это еще не оплачено, – сказал чей-то злобный голос в его голове. А на работе ты не можешь позволить себе делать то, чего тебе хотелось бы.

Гарви проигнорировал эту реплику.

В кометном гало есть не только кометы.

Отдельные клубы и сгущения вблизи центра гигантского вихря – этого газового вращающегося океана, уничтожившего в конце концов самого себя, образовав Солнце – конденсировались в планеты. Пламенный жар новорожденной звезды сорвал газовые оболочки с ближайших планет, превратив их в слитки расплавленного камня и металлов. Планеты, расположенные дальше, остались в своем прежнем виде – гигантские газовые шары. Спустя миллиарды лет человечество назовет их именами своих богов. Но существовали еще и сгущения, расположенные очень далеко от центра вихря.

Одно такое сгущение образовало планету размером с Сатурн, и эта планеты продолжала увеличивать свою массу, собирая окружающее вещество. Лишь свет далеких звезд освещал ее великолепные широкие кольца. Поверхность ее постоянно стрясалась: ядро было страшно раскалено энергией, выделившейся при коллапсе. Гигантская орбита этой планеты была почти перпендикулярна плоскости орбит внутренних планет системы. Полный путь через кометное гало – один оборот вокруг Солнца – занимал у этой планеты сотни тысяч лет.

Иногда вблизи черного гиганта оказывалась бредущая по своему пути комета. И тогда ее могло втянуть в кольцо или протянувшуюся на тысячи миль атмосферу. Иногда чудовищная масса планеты сталкивала комету с орбиты и вышвыривала в межзвездное пространство, где та и исчезала навсегда. А иногда черная планета сталкивала комету внутрь гигантского вихря, в адский огонь внутренней системы.

Двигались они медленно, плывя по устойчивым орбитам – эти мириады комет, выживших при рождении Солнца. Но прохождение черного гиганта делало их орбиты хаотическими. Комета, которую столкнули внутрь системы, может – частично испарившись – вернуться обратно. Но ее снова повернет внутрь этого космического Мальстрема, снова и снова – пока от нее ничего не останется, кроме облака. Облака из камней.

Но многие кометы вообще не возвращаются назад. Никогда.

ЯНВАРЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ

В вашем квартале вы должны быть в первых рядах тех, кто может вырубить электросеть северо-востока. Ист-Виллидж-Юзерс с гордостью объявляет первый ежегодный шабаш волков-оборотней. Шабаш начнется в 3 часа дня 19 августа 1970 г. Давайте еще раз испытаем надежность электросети. Включите все электробритвы, какие только сможете достать. Помогите компаниям по производству и распределению электроэнергии улучшить их финансовые отчеты: потребляйте столько энергии, сколько сможете, и даже больше, но и в этом случае изыщите возможность потребить еще хотя бы чуточку. А для этого – включайте электронагреватели, кондиционеры и другие приборы, потребляющие много электроэнергии. Включив холодильник на максимум и оставив его дверцу открытой, вы сможете охладить большую квартиру – что весьма забавно. Вечером Дня Кутежа Потребления мы соберемся в Центральном парке, чтобы повят на Луну. ВКЛЮЧАЙТЕ ВСЕ! ШТЕПСЕЛИ – В РОЗЕТКИ! ВЫРУБАЙТЕ ЭЛЕКТРОСЕТЬ! Больницы и подобные им учреждения предупреждены, что им следует принять соответствующие меры предосторожности.

Ист-Виллидж-Юзер, июль 1970 г. (подпольная листовка)

В ясный день видно далеко. Отсюда, с верхнего этажа административного здания ядерного комплекса «Сан-Иоаквин», главному инженеру Барри Прайсу было отлично видно огромное, похожее на ромбовидное блюдце, пространство, которое когда-нибудь станет морем, а пока являлось калифорнийским сельскохозяйственным центром. Долина Сан-Иоаквин протянулась отсюда на двести миль к северу и на пятьдесят – к югу. На низком холме, на двадцать футов поднимавшемся над совершенно плоской долиной, возвышался незаконченный ядерный комплекс. Этот холм был самой высокой точкой во всей видимой отсюда местности.

Даже в эти утренние часы была заметна суматоха деловой активности. Строительные бригады работали в три смены, они работали по ночам, по субботам и воскресеньям и, будь на то воля Барри Прайса, они работали бы на Рождество и на Новый год. Совсем недавно закончен реактор N1 и сделан неплохой зачин для N2. Начато рытье котлованов для номеров 3 и 4... Но все идет не так, как надо. Номер 2 закончен, но законники запустить его не разрешают.

Его письменный стол завален бумагами. Волосы Прайса всегда очень короткие, узкие усы щеголевато подстрижены. Одет он почти всегда в то, что его бывшая жена называла инженерной униформой: брюки – цвета хаки, рубаша с эполетами – цвета хаки, туристская куртка, тоже с эполетами, – опять же цвета хаки; на поясе болтается микрокалькулятор (когда волосы Прайса были еще сплошь темными, это выполнялось не всегда), в нагрудных кармашках – карандаши. А в специальном кармане куртки – неизменный блокнот. Когда приходилось (теперь все чаще) присутствовать на судебных заседаниях или служебных разборах, устраиваемых мэром Лос-Анджелеса и его советниками по энергетике и охране окружающей среды, давать показания перед Конгрессом, комиссией по ядерной промышленности или комиссией по соблюдению государственного законодательства, Прайс очень неохотно

одевал серый фланелевый костюм и галстук. Но возвратясь в родные пенаты, он тут же радостно облачался в свое боевое одеяние – и будь он проклят, если станет переодеваться ради каких-то посетителей.

Кофейная чашка была уже совершенно пуста, поэтому последняя отговорка отпадала. Он включил интерком:

– Долорес, я уже готов принять пожарников.

– Их еще нет, – сказала Долорес.

Передышка. Хоть ненадолго. Ненавидя то, чем вынужден заниматься, он снова занялся бумагами, пробормотав про себя: я инженер, черт возьми. Если бы я хотел тратить все свободное время на официальные бумаги или на суды, я стал бы юристом. Или профессиональным преступником.

По нарастающей – сожаление, что он взялся за эту работу. Он специалист по энергетике, причем чертовски хороший специалист. Это он доказал, став самым молодым главным инженером пенсильванского завода Эдисона. А также руководя Милфордским ядерным комплексом, добившись максимальной эффективности и рекордного для всей страны уровня безопасности. Он сам стремился получить свою нынешнюю должность, хотел, чтобы ему поручили «Сан-Иоаквин», и заполучил его – великолепный комплекс, четыре тысячи мегаватт электроэнергии, когда проект будет завершен. Но он профессионал в том, чтобы строить и руководить, а не давать объяснения. Он хорошо знает, как иметь дело с техникой. А также с конструкторами, со строителями, монтажниками силовых линий и электриками. Его энтузиазм в области всего, что относится к ядерной энергетике, передавался тем, с кем он работал. И что из этого получилось? – подумал он. Теперь я все свое время трачу на эти бумаги.

Вошла Долорес. В руках – более чем важные, весьма настойчивые документы, на которые необходимо отреагировать. Все они касаются отчетности и все исходят от людей достаточно высокопоставленных, чтобы отрывать от работы главного инженера. Он глянул на кипу документов и памятных записок, положенных Долорес в ящик для входящей документации.

– Смотри-ка, – сказал он. – И ведь каждая бумажка здесь – дело рук политиканов.

Долорес подмигнула:

– Иллегитими нон кардорундум.

Барри подмигнул в ответ:

– Все не так просто. Пообедаем?

– Конечно.

В ее быстрой улыбке промелькнуло недвусмысленное обещание. Его охватило возбуждение. Барри Прайс спит со своей секретаршей! Полагаю, подумал он, что узнай об этом наверху, весь департамент, пожалуй, перевернулся бы вверх дном. Ну и черт с ним. Мир обрушился на него. Здание загудело от слабой вибрации турбин – ощущение, порождаемое мегаваттами, вливающимися в сеть электроснабжения, мегаваттами, насыщающими Лос-Анджелес и его индустрию.

На самом же деле ничего этого не было. Турбины в прямоугольном здании внизу, под ним, были прекрасными машинами, вершиной человеческой изобретательности. Чудо инженерии, весящее сотни тонн и сбалансированное до микрограммов, способное вращаться с фантастической скоростью и при этом совсем не вибрировать... Почему же люди никак не могут осознать это, почему не всем дано понять красоту замечательных машин? Великолепие машин?

– Приободритесь, – сказала Долорес, как бы прочитав его мысли. – Бригады работают. Может быть, как раз сейчас заканчивают.

– Ну разве не стоило бы заявить об этом широкой публике? – произнес Барри. – Нет, пожалуй, все же не стоит. Чем меньше о нас сообщают, тем лучше для нас. Все здесь шиворот-навыворот.

Долорес кивнула и подошла к окну. Взгляд ее перенесся через долину Сан-Иоаквин по направлению к Темблор Рэйндж, в тридцати милях отсюда. – В ближайшие дни...

– Да, – мысль об этом радовала. Южная Калифорния должна быть обеспечена электроэнергией. А с истощением запасов природного газа остаются только две возможности – либо уголь, либо ядерная энергия. Но сжигая уголь, взамен получаешь дым, туман и смог. «У нас лишь один путь, – говорил Барри. – И каждый раз, когда мы получаем ассигнования или когда раздается голос в нашу поддержку – это выигрыш. Сообщения о наших успехах должны получать все законники и политиканы». Он знал, что проповедь эта бесполезна для верующих в иных богов, но она помогала ему разговаривать с теми, кто мог бы испытывать к проекту симпатию. С понимающими.

На его столе загорелась лампочка и Долорес, вспыхнув на прощание с улыбкой, поспешила к двери – приветствовать очередную делегацию. Барри собрал свои силы: еще один долгий и трудный день.

Лос-Анджелес, суматошные утренние часы. Машины движутся непрерывными потоками. Несмотря на Санту-Анну, дувшую прошедшей ночью, – легкий смог и запах выхлопных газов. С побережья – клочья тумана, рассеивающиеся под порывами теплого ветра, дувшего с материка. В эти суматошные утренние часы дороги обычно переполнены – но вовсе не бестолковыми водителями. Большинство ездят одним и тем же маршрутом в одно и то же время каждое утро. В них уже заложена программа. Вот полюбуйтесь: машины подъезжают, строго соблюдая заведенный порядок, и отъезжают точно в соответствии с этим порядком.

Эйлин не однажды уже подмечала это. Несмотря на комиксы, благодаря которым над калифорнийскими водителями смеялся весь мир, порядок на шоссе они соблюдали много лучше, чем водители, которых Эйлин видела в любом другом месте. Что означало, что для вождения машины не требовалось слишком много внимания. К тому же, в ней тоже была заложена программа.

Сложившийся шаблон теперь изменялся у нее редко. Пять минут на чашку кофе – последнюю перед выездом на шоссе. Чашку поставить на маленькую подставку, оставшуюся от Дж.С.Уитни. Еще пять минут на возню с гребенкой. Теперь она уже достаточно проснулась, чтобы делать какое-то дело. Теперь – полчаса, чтобы добраться до компании сантехнического оборудования Корригана, город Бурбанк, а за это время можно успеть многое, если работать с диктофоном. Без диктофона Эйлин не удалось бы совладать с нервами, ее колотило бы в приступах бешенства от беспомощности при каждом малейшем заторе.

«Вторник. Не забыть о деле с водяными фильтрами, – сказал ей ее же голос. – Пара наших клиентов установила эти чертовы штуки, не зная, что там не хватало нескольких деталей». Эйлин кивнула. Об этом деле она уже позаботилась. Ей удалось утихомирить гнев деятеля, внешне напоминающего баржу и, по слухам, превращающегося в одного из крупнейших предпринимателей долины. Это показательно: можно лишиться крупной сделки из-за какой-то рядовой продажи. Она включила перемотку, затем продиктовала: «Вторник. Работникам склада проверить все имеющиеся фильтры. Обратит внимание на наличие всех необходимых частей. И послать письмо изготовителю.» Затем снова перемотала ленту.

Эйлин Сьюзан Ханкок тридцать четыре года. Она милая, но не очень – из-за рук, все время находящихся в движении, улыбки, славной, но вспыхивающей слишком внезапно, как сигнальная лампочка, и походки: у нее была привычка обгонять прохожих.

Однажды символически ей было сказано: она обгоняет других в физическом и эмоциональном отношении. При этом не было сказано «в интеллектуальном», а если бы и было, она бы не поверила. Однако это, в общих чертах, было бы правильно. Ей явно задано было

стать чем-то большим, чем секретарша, причем задолго до того, как появилось что-то вроде движения за права женщин. Ей и удалось добиться немало и это несмотря на то, что пришлось поднимать на ноги младшего брата.

Если она и говорила об этом, то только со смехом – очень уж оригинальной выглядела ситуация. Брат заканчивает колледж за счет помощи старшей сестры – но сама она колледж не заканчивала. Брат женился благодаря ее содействию – но сама она замуж так и не вышла. Однако, правда на самом деле была вовсе не в этом. Учеба в колледже была ей просто противна. Хотя иногда, возможно, у Эйлин появлялось желание (о котором она никогда никому не говорила) поступить в действительно хороший колледж. Поступить туда, где человека учат думать. В таком колледже, может быть, она и смогла бы учиться. Но просиживать в аудиторах, где почасовики читают лекции, основываясь на уже прочитанных ею книгах – да ну его к черту, такое обучение! Так что учебу она отвергла отнюдь не по финансовым соображениям.

Что же до замужества, то просто не нашлось никого, с кем она могла бы ужиться. Она пыталась сделать это – с лейтенантом полиции, и наблюдала, как он нервничает от того, что живет с ней без разрешения городского управления. Их союз, начавшийся так хорошо, полностью распался менее, чем за месяц. Был у нее еще один мужчина, но у него была жена, уходить от которой он не собирался. Был третий, уехавший на восток в командировку на три месяца и не вернувшийся даже по прошествии четырех лет. И был еще...

А ведь я все делала правильно, говорила она себе, вспоминая.

Мужчины говорили, что она – женщина нервного типа или что у нее чрезмерная активность щитовидной железы – в зависимости от полученного образования и словарного запаса. И отношения с ней сохранять не пытались. Ум у нее был едкий и использовала она его слишком часто. Ей была ненавистна нудная и пустая болтовня. Разговаривала она слишком быстро, а без этого голос ее мог бы быть приятным. Голос, чуточку хриплый от чрезмерного количества сигарет.

Уже восемь лет она ездила этим маршрутом. Машинально – не замечая – перестроилась в четвертый ряд. Сделала поворот. Однажды, год назад, она проехала здесь прямо, свернула в улочку, припарковала машину и отправилась обратно пешком, с интересом изучая лабиринт зданий. Улицы наводили на мысль о спагетти, вылепленных из бетона. Ей было немного неловко – она воспринимала себя, как какую-то растяпу-туристку. Но все равно шла и смотрела.

«Среда, – сказала запись. – Робин собирается попробовать уладить то дело. Если это удастся, я – помощник менеджера. Если нет – шансов никаких. Вот проблема...»

От предвкушения возможного служебного продвижения уши и горло Эйлин зарделись. И руки задвигались слишком быстро, чтобы править рулем. Но она по-прежнему все хорошо слышала. Ее, предназначенный для среды, голос говорил: «Он хочет переспать со мной. Ясно, что тогда он не просто острит и заигрывал. Если дать ему от ворот поворот, упущу ли я тогда свой шанс? Должна ли я ради этого лечь с ним в постель? Или я настолько уже завязла в делах, что не вижу ничего доброго?»

– Все это дерьмо, – тихо сказала Эйлин, перемотала ленту и еще раз прослушала эту запись.» Я пока не решила, принять ли от Робина Джестона приглашение на обед. Не забыть бы стереть эту запись. Не хочу, чтобы он сгорел со стыда, если кто-нибудь сопрет диктофон. Как было у Никсона «.

Эйлин выключила диктофон. Но проблема осталась по-прежнему с ней и по-прежнему терзала обида, что она вынуждена жить в мире, где приходится решать такого рода проблемы. Чтобы отвлечься, она стала сочинять текст письма этому мерзавцу-изготовителю, пославшему фильтры без проверки наличия всех деталей, и ей стало значительно легче.

Сибирь. Поздний вечер. Закончился трудовой день врача Леониллы Александровны Малик. Последним пациентом была четырехлетняя девочка, дочь одного из инженеров научно-исследовательского космического центра, расположенного здесь, в пустынных областях севера Советского Союза.

Середина зимы, с севера дует холодный ветер. За стенами больницы громоздятся сугробы и даже здесь, в помещении, Леонилла чувствовала, какая на улице холодина. Холод был ненавистен ей. Родилась она в Ленинграде, так что с северными зимами была знакома, однако продолжала надеяться, что ее все же переведут в Байконур или даже в Капустин Яр, на Черное море. Обижало ее то, что она вынуждена лечить попавших сюда не по своей воле, хотя, разумеется, не могла изменить этого. Для педиатра работы здесь было совсем немного – кругом снежная пустыня. Но помимо врачебной, она имела подготовку космонавта. И продолжала надеяться, что будет назначена в космический полет.

Возможно, что уже скоро. Говорят, что американцы готовят женщин-астронавтов. Если выяснится, что американцы посылают в космос женщину, Советский Союз сделает то же самое, и быстрее. Последний советский эксперимент с женщиной-космонавтом завершился неудачей. Леонилле было любопытно, что же на самом деле не поладилось у Валентины. Она была знакома как с самой Валентиной, так и с космонавтом – ее мужем. И ни он, ни она не говорили никогда, почему же ее корабль стал кувыркаться, лишив Советский Союз совершить первую в истории посадку космического корабля при возвращении из космоса. Во время своего полета Валентина была гораздо старше, чем Леонилла сейчас. Примитивные были тогда времена – сейчас дела обстоят иначе. Но работы у космонавта по-прежнему немного, все основные решения принимаются службой наземного контроля. Глупая система, подумала Леонилла. Ее собратья-космонавты (все мужчины разумеется) были об этом того же мнения, хотя, конечно, не высказывали вслух.

Она вложила в автоклав последний из использованных сегодня инструментов. Собрала сумку. Космонавт или нет, она оставалась врачом, и куда бы ни шла, брала с собой свой профессиональный инструментарий. На тот случай, если кому-либо понадобится ее помощь. Надела меховую шапку и тяжелое кожаное пальто. Чуть поежилась, слушая, как воет за стенами ветер. В соседнем кабинете работало радио. Передавали новости. Леонилла задержалась, слушая. Нечто важное.

Комета. Новая комета.

Интересно бы узнать о планах ее исследования. Леонилла вздохнула. Если для ее изучения будет послана экспедиция, то Леонилле попасть в нее не светит. Пилот, врач, инженер системы жизнеобеспечения – этими профессиями она владеет. Но не профессией астронома. Это – работа для Петра, либо Василия, либо Сергея.

И в самом деле дела обстоят плохо. Но интересно – новая комета.

Через три миллиона лет после формирования на планете Земля разразилась беда. Всю поверхность заполнил ядовитый зеленый мутант – форма жизни, напрямую использующая солнечный свет.

Эффективный механизм использования энергии дал зеленому мутанту большое преимущество. Он был силен, сверхактивен, смертоносен. Распространившись везде, завоевав весь мир, он изливал потоки отравлявшего воздух кислорода. Свободный кислород сжег прежде доминировавшие на Земле формы жизни – они превратились теперь в удобрения для мутанта.

Примерно в то же время беда постигла эту комету. Ее путь впервые прошел недалеко от черного гиганта.

Планета источала жар. Водород и гелий вскипели от инфракрасного света. Затем пути кометы и гиганта разошлись. Вернулось спокойствие. Комета по-прежнему плыла сквозь

холодную беззвучную черноту, но – несколько уменьшилась. И с чуточку изменившейся орбитой.

ФЕВРАЛЬ: ОДИН

Иначе говоря, структуру производства надо описывать таким образом, чтобы у рабочего исчезал страх, что он является лишь колесиком безличной и бездушной машины. Идеальное же решение этой проблемы – выработка концепции, что работа, какой бы она ни была, есть служение Богу и обществу, и потому она – выражение человеческого достоинства.

Эмиль Бруннер. Гиффордовские лекции. (1948 г.)

Бульвар Вествуд проходит недалеко от Национального радио – и телевидения» Эн-Би-Си»и дома Рэнделла (на Беверли Гленн). Это было главной причиной, по которой Гарви любил посещать здешние бары. К тому же, здесь была мала вероятность наткнуться на кого-нибудь из чиновников-сослуживцев или приятелей Лоретты.

Улица была полна студентов всех типов – бородатых и одетых в поношенные джинсы; гладко выбритых и носящих джинсы дорогостоящие; выглядевших жутко – намеренно придавших себе такой облик – и юнцов со старомодно-консервативной внешностью, а также всевозможных промежуточных разновидностей. Гарви брел среди студентов. Миновал специализированный книжный магазин. Специализация – свободная любовь. Следующий книжный магазин – «Магазин для взрослых мужчин». Да, пожалуй, никто иной, кроме взрослых мужчин сюда и не заглянет. Еще один – для любителей научной фантастики. Возможно, там достаточно книг по астрономии и о кометах, рассчитанных на среднего читателя. Прочитав что-нибудь из этого, он сможет затем пойти в магазин студгородка Лос-Анджелеского Университета и взять там уже более научный материал.

Здание женской религиозной общины с зеркальными стеклами в окнах. За ним – вывеска, на которой готическими буквами написано: «Первый национальный гарантированный бар» ^{note 1}. Внутри – табуреты, три маленьких столика, четыре кабинки, игральные автоматы и проигрыватель. Отделка стен такая, что нравится только постоянным посетителям. На стойке – запасы авторучек, в промежутках между надписями стены отмыты дочиста. Местами краска счищена, чтобы открыть записи, сделанные годами ранее – археология эпохи поп-культуры.

Полумрак бара поглотил Гарви, двигавшегося, как усталый старик. Когда глаза привыкли к сумраку, он увидел Марка Ческу, сидящего на табурете. Он протолкался поближе к Ческу и оперся локтями о стойку.

Ческу было тридцать с лишним, но по-сути, он возраста не имел. Вечно молодой человек в начале своей карьеры. Гарви было известно, что Марк прослужил четыре года в военноморском флоте, поступал в несколько колледжей, начал было учиться в Лос-Анджелесском Университете, а сейчас работал в общежитии студентов младших курсов. Он иногда даже называл себя студентом, но никто не верил, что ему удастся когда-нибудь окончить хотя бы колледж. Одет он был в старые джинсы, тенниску, велосипедные тапки и измятую шляпу землекопа. У него были длинные черные волосы и запущенная борода. Под ногтями – грязь и на джинсах – свежие полосы грязи. Но вообще-то заметно, что недавно он мыл руки, и одежда его также недавно стирала. Просто у него не было патологического желания отскребывать себя дочиста.

Когда Марк не улыбался, вид у него был угрожающим, несмотря на респектабельный пивной живот. Однако, улыбался он часто. Но к некоторым вещам он относился слишком серьезно и примыкал иногда к буйнящей толпе. Это было частью выработанного им для себя

образа. А еще Марк Ческу может – если захочет – посоревноваться с профессиональными мотогогонщиками, но обычно ему не хочется.

Он обеспокоенно посмотрел на Гарви и сказал:

– Вы неважно выглядите.

– У меня такое состояние, что я хочу убить кое-кого, – сказал Гарви.

– Если это так, я могу подыскать подходящего для этого человека, – сказал Марк и замолчал, позволяя обдумать сказанное.

– Нет. Я имел в виду своих боссов. Если я кого и хочу убить, так это своих боссов, да будут прокляты их бессмертные души.

Отказавшись таким образом от предложения Марка, Гарви заказал банку и два стакана. Он знал, что Марк на самом деле не пойдет на убийство. Просто это была часть выбранного им для себя образа – всегда знать обо всем больше других. Гарви обычно забавляло это, но сейчас настроение у него было совсем не игривое.

– Мне надо добиться от них кое-чего, – сказал Гарви. – И они прекрасно знают, что придется пойти мне навстречу. Да и как они, черт бы их побрал, могут об этом не знать? Есть даже надежный заказчик! Но эти сукины дети хотят играть по-своему... Но если один из них свалится завтра с балкона, на убеждение нового мне придется угрожать не меньше месяца, а я не могу позволить себе тратить время впустую. – Сказанное не нанесет ущерба юмору Ческу. Парень может оказаться полезным. При общении с ним настроение улучшается и, возможно, он и в самом деле может организовать убийство. Никогда нельзя знать наверняка.

– Так для чего им придется пойти вам навстречу?

– Для кометы. Я собираюсь сделать серию документальных фильмов о новой комете. Открывший ее парень – уж так случайно получилось – владеет семьюдесятью процентами акций компании, заказавшей фильм.

Ческу хихикнул и кивнул.

– Это весьма неплохое дельце. Мне давно хотелось сделать фильм такого рода. И, к тому же, это было бы весьма познавательно. Не то, что последнее мое кинодерьмо – интервью с предсказателями гибели Земли. Причем у каждого – своя версия конца света. Первый из них тогда еще не закончил свой рассказ, а мне уже захотелось перерезать себе глотку и покончить со всем этим.

– Так почему дела идут вкривь и вкось?

Гарви вздохнул и отпил пива.

– Понимаете ли... Есть, скажем, четыре деятеля, которые имеют право сказать мне «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». На самом деле все даже гораздо сложнее. И вот эти нью-йоркцы не желают мириться с производством заказных серий. Но при этом никто не может гарантировать, что они не скажут затем «нет» – после того, как, не колеблясь, потребовали, чтобы я подписал соглашение и представил им смету. Пользы от этого дерьма нет ни малейшей, однако у них право решающего голоса. Четыре чертовых воротилы, держащие в руках подлинную власть. Ну, да ладно, с этими-то я еще могу поладить. Но остается еще пара дюжин тех, кто не может помешать выходу в эфир даже самых идиотских программ, но хочет показать, что он – тоже важная персона. И чтобы это доказать друг другу они могут – если захотят – действительно остановить съемки фильма. Возражений будет выдвинуто столько, сколько они смогут придумать. И при всем этом – интересы заказчика прежде всего, не так ли? Не понадобится долго добиваться, когда же «Кальва» взбеленится. Куча дерьма. И мне приходится всегда действовать в таких условиях. – Гарви внезапно осознал, что у него словесный понос. – Слушай, давай сменим тему.

– Хорошо. Вы обратили внимание, как это место называется?

– Гарантированный первый федеральный бар. Остроумно, оно украдено у Джорджа Кирлина.

– Точно. Люди очень часто пользуются чужими идеями. А знаете, что такое «страхование у Безумного Эдди»?

– А как же. Машины, купленные у свихнутого Мунтца. А что насчет «раковой клиники Жирного Джека»?

– Раковая клиника, она же покойницкая, Жирного Джека, – ответил Ческу.

Петля, давившая на горло Гарви, постепенно расслаблялась. Он отпил еще пива, затем прошел в освободившуюся кабинку: там можно было откинуться, опираясь спиной на стенку. Марк последовал за ним и занял место напротив.

– Эй, Гарви, когда мы снова отправимся путешествовать? Ваш мотоцикл еще на ходу?

– Да. – Год назад... нет, черт возьми, уже два с половиной года... он послал все к дьяволу и позволил Марку утащить себя в поездку по побережью. Они пили в маленьких барах, беседовали с другими путешественниками и останавливались на привалы там, где им хотелось. Ческу заботился о мотоциклах, а Гарви оплачивал счета. Счета, впрочем, были невелики. То были совершенно безмятежные дни. – Мотоцикл на ходу, но шанса воспользоваться им у меня нет. А когда эта серия пойдет в работу, времени не останется совершенно.

– Я могу помочь в этой работе?

Гарви пожал плечами. – Почему бы и нет? – Марк часто работал с Гарви – таскал камеры и оборудование, а то и просто был в роли мальчика на побегушках. – Если вам удастся хоть ненадолго удерживать язык за зубами.

– Такова уж у меня натура. Я меланхолик-всезнайка.

Бар потихоньку уже заполнился народом. Проигрыватель перестал играть и Марк встал. «Для всех вас»– сказал он, извлек из-за стойки двенадцатиструнную гитару и разместился на стуле в дальнем конце помещения. Это тоже было частью обычая – Ческу пел во всех барах за еду и за выпивку. Во время той поездки по побережью в каждом втором баре между Лос-Анджелесом и Кармелем они получали за счет пения Марка по бесплатному бифштексу. Пел Марк хорошо, он мог стать и профессионалом, но для этого ему не хватало выдержки и терпения. Ни на одном месте работы ему не удавалось продержаться более недели. Марку казалось, что люди, имеющие постоянный заработок – чародеи, обладающие неким непостижимым для него секретом.

Марк взял пробный аккорд, сыграл вступление. Мелодия – старой ковбойской песни «Чистая прохладная вода».

Целый день подряд – в телевизор взгляд.
Телевизор вместо культуры,
культуры...
Мыльных опер водоворот,
Фильмы целые дни напролет —
Чтобы забыл о культуре,
О... самом сладчайшем – культуре.

Гарви одобрительно хохотнул. Толстяк бармен поставил перед Марком банку пива и тот выразил признательность, мотнув головой.

Солнышко село и города тело
Вопит – вопит о культуре,
культуре...
Судью и мента разбирает смех:
Они растоптали культуры грех.
Самой сладчайшей... культуры.

На какое-то время Марк перестал петь – терзал гитару. Звенели аккорды, некоторые – явно неверные, но некоторые – верные на удивление. Будто Марк искал что-то, чего никак не мог найти.

Телевизор включи. Смотри и молчи.
Твой разум уже не кричит.
В телевизор взгляд – и ты уже распят.
Распят рядом с культурой, культурой...
Ты уже забыл, кем ты раньше был,
И твой разум давно уже остыл.
И тебя, и меня телевизор купил
И продал – вместе с культурой.
Вместе с самым сладчайшим – культурой.

Гитара смолкла и Марк квакающим голосом возвестил:

– Еще больше вы сможете узнать об этом, посмотрев фильм старины Богарта «САМОЕ СЛАДЧАЙШЕЕ – КУЛЬТУРА». Леонард Бернштейн в сопровождении Лондонского симфонического оркестра и группы «Роллинг Стоунз». Поражающее воображение показ, что же такое КУЛЬТУРА. Самое сладчайшее – культура. Граждане, сегодня состоятся дебаты между президентом союза сельскохозяйственных рабочих и двадцатью двумя обезумевшими от голода домохозяйками. Основными аргументами домохозяек в дебатах будут кухонные ножи. Это и есть КУЛЬТУРА. САМОЕ СЛАДЧАЙШЕЕ – КУЛЬТУ-РА.

Господи, подумал Гарви. Господи, проиграть бы запись всего этого у нас на производственном совещании. Он откинулся на стенку бара, ему было очень хорошо. Но скоро ему придется отправиться домой. А там – жена и Энди, и Киплинг. И сам дом, который он так любит, но который так дьявольски дорого стоит.

Горячий сухой ветер «Санта Анна» дул вдоль бухты Лос-Анджелеса. Гарви ехал с открытыми окнами, пиджак брошен рядом на сиденье, на нем сверху – скомканный галстук. Фары высвечивали зеленые холмы, покрытые облетевшими деревьями. Между холмами – пальмы. Кругом – непроглядная летняя тьма Калифорнийского февраля. Для Гарви в этом не было ничего необычного.

Он ехал, мурлыкая про себя песенку Марка. Когда-нибудь я запущу по телесети запись этой песенки и ее услышат три четверти деловых людей Лос-Анджелеса и Беверли-Хилз. Наполовину расслабившись, он мечтал. Грезы рассеивались лишь когда впереди идущая машина замедляла ход и, как на волнах, раскачивались вспышки тормозных огней.

На вершине холма он свернул направо, к Мулхолланду, затем снова направо, в Бенедикт-каньон, съехал немного вниз по холму и опять повернул направо – на Лису. Переулок Лисы был одной из многих коротких улочек, образованных построенными лет пятнадцать назад домами. Один из этих домов принадлежал Гарви – благодаря Посейдонской кредитно-сберегательной компании. Чуть далее по Бенедикт-каньону был поворот на Силеодрайв, где Чарли Менсон доказал всему миру, что цивилизация – вещь хрупкая и недолговечная. После ужасного воскресного утра 1969 года на Беверли Хилз не осталось дома, где не было бы ружья или сторожевой собаки. Просроченные разрешения на ношение огнестрельного оружия были возобновлены в считанные дни. И с тех пор, несмотря на пистолет, Гарви, ружье и собаку, Лоретта мечтала уехать отсюда. Ей хотелось жить в безопасности.

Дом. Большой белый дом с зеленой крышей. Дом, с фасада украшенный газоном, раскидистым деревом и маленькой верандой. Его можно хорошо продать – это самый доро-

гостящий дом этого квартала. Но Гарви отлично понимал, что «самый дорогостоящий» — понятие относительное.

К дому вела обычная подъездная асфальтированная аллея — не огромная круглая площадка, как у дома напротив. Не сбавляя скорости, Гарви повернул к дому, на подъездной аллее замедлился и дал радиосигнал для открытия двери. Машина как раз подъехала к дому, когда дверь, уехав вверх, открылась. Гарви мысленно поздравил себя за превосходный расчет времени. Дверь гаража закрылась за ним и он позволил себе мгновение отдохнуть, сидя в темноте. Гарви очень не любил ездить по улицам тогда, когда они запружены машинами, но, тем не менее, чуть ли не каждый день — причем дважды! — ему приходилось ездить именно в эти часы. Надо принять душ, подумал он. Затем вылез из машины, вышел снова на улицу и подошел к черному ходу.

— Вы, Гарви? — прозвучал похожий на мычание баритон.

— Я, — ответил Гарви. Волоча за собой грабли, по газону своего дома к нему шел Горди Ванс, сосед Рэнделлов слева. Он облокотился на забор и Гарви сделал то же самое. При этом ему подумалось, что это карикатурно напоминает болтовню домохозяек. Только Лоретте не нравится Мария Ванс. И, к тому же, трудно представить, чтобы они беседовали, облачаясь на забор. — Ну, Горди, как идут дела в вашей банке.

Губы Горди дрогнули, изобразив на мгновение улыбку.

— Нормально. Однако, подготовка ваша недостаточна для того, чтобы делиться с вами впечатлениями о ходе инфляции. Но вот что: вы не смогли бы освободиться на выходные? С расчетом на то, что можно было бы совершить пешую прогулку? Со скаутами. По снегу. Уже одно это звучит здорово. Чистый снег. С трудом верится, что не более, чем в часе пути в лесах Анджелесских гор лежит глубокий снег и среди сосен и елей свистит пронзительный холодный ветер. Не более, чем в часе — а мы стоим здесь, в темноте, в одних рубашках с короткими рукавами.

— Скорее всего, нет, Горди. У меня появилась хорошая работа. — Господи, надеюсь, что она действительно появилась! — Уж вы лучше не рассчитывайте на меня.

— А как насчет Энди? С расчетом на то, что я назначил бы его предводителем передовой группы в этой вылазке?

— Он еще немного для этого молод...

— Ну, не совсем. Опыт у него уже есть. А сейчас со мной будут, в основном, новые ребята, для которых это будет первая вылазка. Так что можно назначить Энди.

— Хорошо. Тем более, что занятий в школе у него сейчас нет. А куда вы собираетесь идти?

— На Клаудберст Саммит ^{note 2}.

Гарви широко улыбнулся. Хотя он ни разу не видел лаборатории Хамнера, расположена она была неподалеку от этого места. Путешествуя, он, должно быть, проходил мимо нее с дюжину раз.

Последовало обсуждение деталей. Поскольку дует Санта Анна, то снег, не считая вершин, везде растаял. Но на вершинах, конечно же, он остался. Сугробы там — как на севере. Горди и дюжина скаутов. Звучит это, как забавная шутка. Но это и было забавой.

— Знаете, Горди, — Гарви уныло покачал головой, — в дни моего детства пеший поход на Клаудберст занимал целую неделю. А теперь туда можно доехать за час. Прогресс.

— Да уж. Но это и в самом деле прогресс, не так ли? Имея в виду, что теперь можно с утра съездить туда, а потом успеть на работу.

— Да, верно. Черт возьми, мне так хотелось бы пойти с вами. — В условленное время на своих машинах они отправятся в путь. Сначала час езды. Потом пойдут пешком. Потом, достав из рюкзаков все необходимое, разобьют лагерь. И будет гореть сырое дерево в походном костре. И обезвоженная и консервированная пища для туристов на вкус будет как амбро-

зия. И кофе, и ночь, и ветер, от которого некуда скрыться, и ты слушаешь, как он свистит над тобой... Однако, к комете все это не имеет ни малейшего отношения. – Как жаль, что не могу.

– Ладно. Я сам поговорю с Энди. Проверьте только его снаряжение для моего похода. Хорошо?

– Конечно.

На уме Горди было еще кое-что, что ему хотелось сказать. «Не позволяйте Лоретте снаряжать сына. По горам тяжело ходить и так, без того барахла, которое она ему навяжет. Грелки. Запасное одеяло. Возможно, даже будильник.»

Гарви вернулся обратно в гараж – за курткой и галстуком. Выйдя из гаража, он пошел теперь другой дорогой – на задний двор. Он подумал, а что, если спросить у Горди: «Как вам нравится название» Принадлежащий Горди банк «. Друзья встречаются здесь за чашкою кофе». Судя по тому, как выглядело его лицо, когда Гарви упомянул о банке, это бы не прошло. Там какие-то трудности. Временные затруднения.

На заднем дворе, за бассейном, Энди играл сам с собой в баскетбол. Рэнделл остановился и молча наблюдал за ним. В мгновение ока – прошел, должно быть, год, а кажется, будто за неделю – Энди превратился из мальчика в... превратился в фигуру из палок. Теперь он – руки и ноги и длинные кости, предназначенные для баскетбола. Энди резко сорвался с места и с изысканной расчетливостью бросил мяч. Пританцовывая, поймал прискакавший назад мяч, переменял позицию, постукивая им о землю, и снова взорвался в великолепном броске. При этом Энди не улыбнулся, а лишь удовлетворенно кивнул.

Мальчишка неплох, подумал Гарви.

Штаны на Энди были новые, но лодыжек они уже не прикрывали. В сентябре ему исполнится пятнадцать и пора будет поступать в высшую школу. Надо будет отправить его в Гарвардскую мужскую высшую школу – лучшую в Лос-Анджелесе. Только на то, чтобы получить в ней место, уйдет уже целое состояние. А на зубного врача уже и сейчас уходят многие тысячи. И потом будет уходить еще больше... И насос для накачки воды в бассейн издает уже какие-то странные звуки. И клуб электронной музыки, в который вступил Энди (как раз перед тем, как парню захотелось иметь собственный небольшой компьютер – ну кто может порицать его за это?). И...

Рэнделл тихо вошел в дом, довольный, что Энди не заметил его.

ПОДРОСТОК – ПОТЕНЦИАЛЬНО ЦЕННОЕ ИМУЩЕСТВО. ОН МОЖЕТ РАБОТАТЬ – ПОМОГАТЬ ТЯНУТЬ ЛЯМКУ. ГРУЗ МОЖНО БУДЕТ РАЗДЕЛИТЬ, ПЕРЕЛОЖИВ ЧАСТЬ НА ЮНЫЕ ПЛЕЧИ. И МУЖЧИНЕ СТАНЕТ ЛЕГЧЕ.

В мусорном ведре на кухне – оберточная бумага. Значит, Лоретта делала покупки. Рождества без расходов не бывает и на письменный стол Гарви лягут новые счета. А по радио он слышал отчет фондовой биржи. Акции падают.

Лоретты видно нигде не было. В раздевалке перед ванной Гарви содрал с себя одежду и забрался под душ. Бившая сверху горячая вода смывала с него напряжение. Мозг Гарви отключился. Ему представлялось, что он – кусок мяса, обмываемый струей воды. Всего лишь. Как если бы его мозг **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** отключился.

Совесь у Энди есть. Бог свидетель, никогда я не заставлял его чувствовать себя виноватым. Ну, дисциплина – конечно же. Наказывал, ставил в угол, даже шлепал... Но когда наказание закончено – оно закончено, и вины больше не существует. Но что такое вина, он все же знает. Если бы Энди стало известно, сколько он мне стоит – в долларах и центах... в годах моей жизни. Если бы ему стало известно, что именно из-за него я живу так, как живу – сидя в дерьме, держась за эту проклятую работу и гоняясь за премиями, которые позволяют нам держаться на плаву... Что сделал бы Энди, если бы ему стало известно все это? Сбежал бы? Стал бы подметать улицы Сан-Франциско, пытаясь вернуть мне эти деньги? Как, однако, чертовски хорошо, что ему ничего этого не известно.

Сквозь шум воды прорезался чей-то голос. Рэнделл вынырнул из мира своих размышлений и увидел Лоретту, улыбающуюся за стеклом дверцы душа.

– Эй, как дела? – сказала она.

Он помахал ей рукой. Лоретта восприняла это, как приглашение. Рэнделл смотрел, как она медленно раздевается. Похотливыми движениями снимает с себя одежду. А потом быстро, чтобы вода не брызгала наружу, она проскользнула в дверь душа... И это была не среда. Гарви обнял ее. Они поцеловались и вода била по их телам. Но это была не среда.

– Как дела? – спросила она.

С самого начала их знакомства он научился читать по ее губам – во что она не верила до сих пор.

– Думаю, они согласятся, – ответил Гарви.

– Не вижу, почему им не согласится. В этом не было бы смысла. Если они будут медлить, то тему эту перехватит «Си-Би-Эс».

– Верно. – Магия душа и секса исчезли. Фу-у.

– Разве нет способа объяснить им, что они поступают глупо?

– Нет, – Гарви повернул вентиль и вода потекла тоненькой струйкой.

– Почему нет?

Потому что они и сами это знают. Но играют они не в ту же игру, что и мы.

– Все зависит от тебя. Если бы ты хоть раз настоял на своем... – Под душем волосы Лоретты намокли и потемнели. Обняв его, она смотрела ему в лицо. Смотрела так, как если бы пыталась убедить его – он должен настоять на своих принципах и заставить начальство осознать допущенные им, начальством, ошибки.

– Да, все зависит от меня. И потому, если что-то пойдет не так, именно на меня повалится шишки. Повернись, я потру тебе спину.

Она повернулась к нему спиной. Гарви потянулся за мылом. Его мыльные руки заскользили по коже спины Лоретты медленными, осторожными движениями... Но при этом он думал: «Разве ты знаешь, что они могут со мной сделать? На улицу они меня никогда не выкинут. Но в один прекрасный день меня переведут в другой кабинет, поменьше. Затем заберут ковер. Затем уберут телефон. Пройдет время – и обо мне уже никто не слышит, все забыли, что я вообще существую. А ведь сейчас мы тратим каждый заработанный мною цент.»

Ему всегда нравилась спина Лоретты. Гарви переворошил свои мысли – не появилось ли в них вожделение? – и ничего не обнаружил.

Такой она была с самого начала. Всю свою жизнь. Ничего не боявшаяся. Но она просто не понимает. Марка я могу переспорить. И он будет пить мое пиво и говорить о чем-нибудь другом, если я дам ему понять, что на эту тему я беседовать не желаю. Но Лоретте я дать понять этого не могу... Так что мне сейчас нужно? Выпить...

Лоретта помыла ему спину. Затем они вытерли друг друга купальными полотенцами. Она еще раз попыталась объяснить ему, как справиться со сложившейся ситуацией. Она понимала, что что-то идет не так, как надо. И, как обычно, пыталась понять, что именно, и пыталась помочь.

Десятками тысяч оборотов позже, когда по Земле, зажатой мертвой хваткой ледникового периода, начали распространяться люди, черный гигант снова появился на ее пути.

Комета сейчас была заметна больше, чем прежде. Тысячи миллионов лет она росла, собирая по дороге снежные кома. Теперь она достигала четырех с половиной миль в диаметре. Жар инфракрасного излучения планеты разогрел ее поверхность. В центре кометы вскипели водород и гелий и стали просачиваться наружу. Окруженный кольцами черный диск затмил крошечное Солнце. Этот диск занимал треть неба и источал жар.

Планета прошла мимо и вновь воцарилось спокойствие. Раны, нанесенные ей этой встречей, комета залечила – столетия и миллионы лет не значат ничего в кометном Гало. Но час этой кометы пробил. Черный гигант сбил ее с орбиты.

Медленно, влекомая слабым притяжением Солнца, комета начала свое падение внутрь гигантского вихря.

ФЕВРАЛЬ: ДВА

По-видимому, с самого момента своего образования внутренние планеты подвергаются непрекращающимся бомбардировкам. Марс, Меркурий и Луна почти непрерывно испытывают удары объектов, размером варьирующихся от микрометеоритов до тех тел, которые раскололи Луну и привели к образованию огромного лавового пространства, получившего название Океан Бурь. Первоначально считалось, что Марс, поскольку его орбита граничит с поясом астероидов, подвергается наиболее сильной бомбардировке. Но исследования Меркурия показали, что Марс не является выдающимся в этом отношении и что плотность бомбардировки всех внутренних планет примерно одинакова...

Программа «Маринер». Предварительный отчет.

Вездеход битком был набит оборудованием: камеры, магнитофоны, лампы, софиты, аккумуляторы. Превеликое множество барахла, без которого телеинтервью обойтись не может. На заднем сиденье – телеоператор Чарли Баскомб и звукотехник Мануэль Аргуилес. Все, как обычно, если не принимать во внимание, что на переднем сиденье – Марк Ческу.

Из здания «Эн-Би-Си» вышел Гарви. Кивком подозвал Марка. Они прошли к стоявшим в ряд «Мерседесам» – администрация студии оставляла здесь свои машины.

– Вот что, – сказал Гарви, – должность ваша называется ассистент постановщика. Теоретически это означает, что вы должны руководить. Такая должность дана вам потому, что этого требуют правила профсоюза.

– Так, – сказал Марк.

– Но руководить вы не будете. Вы – мальчик на побегушках.

– Я – меланхолик-всезнайка, – уныло сказал Марк.

– Не надо выворачивать мои слова наизнанку и обижаться тоже не надо. Просто поймите. Моя команда уже давно работает со мной. Они знают, что кому надо делать. А вы – не знаете.

– Я тоже знаю.

– Замечательно. Вы нам можете быть весьма полезны. Но только помните, что нам не нужно, чтобы...

– Чтобы я говорил всем и каждому, как ему следует выполнять свою работу, – лицо Марка расплылось в широкой улыбке. – Мне нравится работать с вами. Мешать я не буду.

– Хорошо, – Гарви не уловил в голосе Марка ни тени иронии и потому почувствовал себя лучше. Можно было бы еще сказать, что предстоящее интервью беспокоит его, но легче от этого не стало бы. Один его знакомый заметил однажды, что Марк подобен джунглям: все замечательно, но нужно рубить и рубить – рубить беспрерывно, иначе они (он) закроют от тебя солнце.

Вездеход резко взял с места. Вместе с Гарви Рэнделлом он побывал во многих местах – от аляскинского трубопровода до низин Байи. Побывал даже в Центральной Америке. Они были старыми друзьями – вездеход и Гарви. Это был «Интернешнл Харвестер» – большой, четыре ведущих колеса, три сиденья, мощный двигатель. Уродливый, как невеста что, но чрезвычайно надежный. Вездеход доехал до шоссе Вентура и свернул к Пасадене. Все молчали. Машины по дороге попадались редко.

– Знаете, – сказал Гарви, – мы все время сетуем, что никто у нас ничего не делает. Но чтобы взять это интервью, мы проделываем путь в пятьдесят миль и займет это у нас менее часа. А когда я был маленьким, для такого путешествия готовили бутерброды и надеялись, что успеют добраться до наступления темноты.

– На чем же тогда ездили? На лошадях? – спросил Ческу.

– Нет. Просто в Лос-Анджелесе тогда не было шоссе.

– А-а-а.

Они проехали через Глендейл и на Линда Виста свернули на север, к Роуз Боул. Чарли и Мануэль обсуждали ставки на скачках, проигранные ими несколько недель назад.

– По-моему, ИРД относится к Калифорнийскому Технологическому, – сказал Гарви.

– Да, так оно и есть, – сказал Марк.

– Наверняка, не случайно его разместили так далеко от Пасадены.

– Там испытывают реактивные двигатели, – сказал Марк. – ИРД – Институт реактивных двигателей. Но все думают, что там занимаются взрывами, потому что Калифорнийский Технологический перевел институт подальше, в Арройо, – он махнул рукой, указывая на здания. – А затем, как раз на этом краю Лос-Анджелеса, как раз возле института образовалось самое богатое предместье города.

Охранник уже ждал их. Он присоединился к ним и провел машину на отгороженный участок возле одного из самых больших зданий. Здесь свил свое гнездо ИРД и все здания вокруг принадлежали ему. Высокая центральная, из стекла и стали, башня выглядела чужеродной на фоне старых стандартных «временных» зданий, возведенных ВВС двадцать лет назад.

Их уже ждала здесь сотрудница отдела по связи с печатью и общественностью. При входе в здание – стандартная процедура: распишитесь здесь, приколите значки. Изнутри здание походило на самое обычное учреждение, но не совсем: в коридорах валяются перфокарты, и почти ни на одном сотруднике нет ни пиджака, ни галстука. В углу большого холла покрылся пылью трехметровый цветной глобус Марса. Для сотрудников работники телевидения были делом весьма обычным. В ИРД были созданы космические зонды «Маринер» и «Пионер», ИРД запускал к Марсу «Викинги».

– Пришли, – сказала их провожатая.

Вид кабинета был весьма внушительным. Вдоль стен – книги. На досках – какие-то непонятные уравнения. Книги, книги и всюду, где только можно положить, в том числе и на дорогом – из тиса – письменном столе – перфокарты.

– Доктор Шарпс, Гарви Рэнделл, – сказала провожатая. Она осталась стоять возле двери.

Чарльз Шарпс надел очки с большими стеклами, перекрывавшими все поле зрения. Очень модерновые очки и длинное бледное лицо Шарпса смахивало из-за них на мордочку насекомого. Волосы черные, прямые, коротко подстриженные. Пальцы непрерывно двигаются – то играют с фломастером, то ныряют в карман. На вид ему около тридцати, но, возможно, что на самом деле больше. На нем галстук и спортивная куртка.

– Давайте говорить откровенно, – сказал Шарпс. – Вы хотите, чтобы я рассказал о кометах. Это лично для вас или для публики?

– И то, и другое. Просто расскажите перед камерой так, чтобы это смог понять даже я. Если это не слишком трудно.

– Слишком трудно? – Шарпс рассмеялся. – Разве это может быть слишком трудно? Ваша фирма сообщила НАСА, что хочет сделать документальный фильм о космосе и НАСА устроил по этому поводу барабанный бой. Так, Чарлин?

Провожатая кивнула:

– Они попросили нас сотрудничать с вами.

– Сотрудничать, – Шарпс снова рассмеялся. – Да провалиться мне на этом месте, если это не поможет нам выбить дополнительную монету. Когда начнем?

– Пожалуй, прямо сейчас, – сказал Гарви. – Пока мы будем болтать, мои люди устанавливают аппаратуру. Вы просто не обращайте на них внимания. Как я полагаю, вы – местный специалист по кометам.

– Не вы один полагаете так, – сказал Шарпс. – На самом-то деле, мне более по нраву астероиды, но должен же кто-то заниматься и кометами. Я пришел к выводу, что интересуется вас, главным образом, Хамнер-Браун.

– Действительно.

Гарви поймал взгляд Чарли. Команда готова. Гарви кивнул. Мануэль прислушался, глядя на индикатор, и сказал: – Начали.

Марк, сделал шаг, встал перед камерой: – Интервью с Шарпсом.

Хлопушка щелкнула с громким «кляк». Шарпс подпрыгнул. Интервьюируемые всегда подпрыгивали, впервые слыша это «кляк». Чарли занимался камерой, направляя ее на Шарпса. Задающего вопросы Гарви он снимет позднее, уже без Шарпса.

– Скажите, доктор Шарпс, будет ли Хамнер-Браун видна невооруженным глазом?

– Не знаю, – сказал Шарпс. На лежащей перед ним перфокарте он быстро изобразил что-то непонятное – возможно двух спаривающихся чудовищ озера Лох-Несс. – Через месяц мы будем знать больше. Уже известно, что она приблизится к Солнцу на расстояние орбиты Венеры, но... – он замолчал и посмотрел на камеру. – Какого уровня объяснение вам хотелось бы?

– Говорите, как сами считаете нужным, – сказал Гарви. – Сделайте так, чтобы я понял это, и тогда мы решим, как преподнести это широкой публике.

Шарпс пожал плечами: – Хорошо. Итак, вот как Солнечная система выглядит извне, – он показал на стену. Рядом с доской висел большой чертеж с изображением орбит планет. – Планеты и их спутники всегда находятся там, где им положено находиться. Их танец – обращение друг вокруг друга по гигантским замкнутым орбитам. Каждая планета, каждый спутник, каждый ничтожный камушек пояса астероидов танцует ньютоновский танец гравитации. Из общего тона чуть выпадает Меркурий – и из-за этого нам пришлось пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной.

– Это как? – спросил Гарви. – Я, конечно, предпочитаю разбираться во всем самостоятельно, но что это за чертовщина?

– Меркурий? Просто орбита его каждый год чуточку меняется. Не много, но больше, чем положено по Ньютону. Хорошее объяснению этому факту нашел человек, которого звали Эйнштейн. И при этом оказалось, между прочим, что Вселенная устроена заметно более странным образом, чем нам до этого представлялось.

– Ага! – Но, надеюсь, чтобы разобраться в кометах нет необходимости привлекать теорию относительности?

– Нет, нет. Однако, на орбиту кометы воздействует и еще кое-что, кроме гравитации. Странно, не правда ли?..

– Да. И нам снова придется пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной?

– Что? Нет, на этот раз все проще. Посмотрите... – Шарпс вскочил на ноги и подошел к доске. Бормоча себе под нос, принялся искать мел.

– Вот, пожалуйста, – Марк вынул из кармана кусок мела и протянул Шарпсу.

– Благодарю. – Шарпс быстро нарисовал белый круг и параболическую кривую. – Это – комета. Теперь: пусть она проходит близко от планет, – он нарисовал два круга. – Земля и Венера.

– Мне казалось, что планеты движутся по эллиптическим орбитам, – сказал Гарви.

– Так оно и есть, но в данном масштабе можно рисовать и так – разница не существенна. Посмотрите теперь на орбиту кометы. Обе ветви кривой выглядят одинаково – какая ведущая в систему, такая и выводящая. Парабола – прямо из учебника, не так ли?

– Так.

– Теперь: как же выглядит комета, когда удаляется от солнца прочь? Плотное ядро, ком из мелкой пыли и газа, – он снова рисовал, – и хвост, состоящий из загрязненного пылью газа. Хвост направлен от Солнца. Вперед от покидающей систему кометы. Хвост. Огромный хвост, достигающий иногда ста миллионов миль в длину. Но при этом он – почти идеальный вакуум. Так и должно быть, а если бы он был более плотным, комете не хватило бы вещества на заполнение обширного пространства.

– Понятно.

– Замечательно. И снова – из учебника. Вещество, находящееся в голове кометы, вскипает и выбрасывается из нее. Это – разряженный газ и частички пыли. Такие крошечные, что солнечный свет воздействует на них. Световое давление Солнца гонит их прочь и хвост, таким образом, направлен всегда от Солнца. Вы со мной согласны? Хвост следует за кометой, входящей в систему, и опережает комету, покидающую систему. Но... Вещество кометы вскипает неравномерно. Когда комета входит в систему в первый раз, она представляет собой твердую массу. Так мы считаем. Как на самом деле – не знает никто. Создано несколько моделей, удовлетворяющих наблюдаемым фактам. Сам я более склоняюсь к модели «снежно-пылевой шар». Комета состоит из камней и пыли – грязи – облепленной и скрепленной льдом из замерзших газов. Некоторое количество водяного льда. Метан. Двуокись углерода – «сухой лед». Цианиды и азиды. Вещества различных видов. Скопления этих газов испаряются и вырываются струями – то в одну сторону, то в другую. Получается что-то вроде реактивных двигателей и орбита кометы постоянно немного изменяется. – Шарпс снова заработал мелом. Мел он держал как-то по-странному – сбоку. Когда он закончил, входящая ветвь стала неровной и скачущей, а выходящая – распылилась, став похожей на кометный хвост. – Итак, сейчас мы не знаем, как близко от Земли она пройдет.

– Понятно. И вы не знаете, насколько велик будет хвост.

– Правильно. Возможно, эта комета до сих пор ни разу не приближалась к Солнцу. Она не такая, как комета Галлея, которая возвращается каждые семьдесят шесть лет, становясь с каждым разом все меньше. Каждое прохождение вблизи Солнца лишает комету части ее вещества. Вещество, составляющее хвост кометы, теряется ею навсегда. Таким образом, хвост с каждым прохождением уменьшается. И в конце концов остается только ядро, состоящее из груды камней. И метеоритные дожди. Почти все падающие звезды – это осколки старых комет, попавшие в окрестности Земли.

– Но эта комета – новая...

– Верно. И, следовательно, у нее должен быть впечатляющий хвост.

– Помнится, вроде бы то же самое говорили о комете Когоутека.

– А мне помнится, вроде бы, что утверждавшие это оказались не правы. Хотя и поступили в продажу значки, изображавшие Когоутек так, как она должна была бы выглядеть. Понимаете, не существует способа узнать об этом заранее. Но лично я считаю, что Хамнер-Браун будет видна хорошо. И она должна пройти довольно близко к Земле.

Внутри расплывшегося конуса выходящей из системы кометы Шарпс изобразил точку. – Вот где будем мы. Но пока комета не минует Землю, мы почти ничего не увидим, потому что для этого надо будет смотреть прямо на Солнце. Вести наблюдения в таких условиях трудно. Но когда она нас минует, видно ее будет хорошо. Бывали кометы, хвост которых расплзался на полнеба. Их было видно даже днем. В этом столетии больших комет у нас не было – что-то они припозднились.

– Эй, док, – сказал Марк. – Вы нарисовали Землю прямо на ее дороге. Мы не столкнемся?

Гарви бросил на Марка взгляд – взгляд, подобный кинжалу.

Шарпс рассмеялся:

– Шанс – один из миллиарда. Сейчас вы видите Землю, как нарисованную на доске точку. Но, если бы я нарисовал Землю в нужном масштабе, вы не смогли бы вообще разглядеть ее. Как не смогли бы и разглядеть ядро кометы. Таким образом: какова вероятность, что столкнуться две исчезающие малые точки? – он нахмурился, глядя на доску. – Разумеется, хвост скорее всего, пройдет там, где будет находиться Земля. Возможно, несколько недель мы будем находиться в ее хвосте.

– И к чему это приведет? – спросил Гарви.

– Мы проходили сквозь хвост кометы Галлея. Никакого вреда это не принесло. Только небо довольно ярко светилось и...

На сей раз взгляд Гарви возымел свое воздействие и остановил его.

– Ваш коллега прав, – сказал Шарпс.

«Я и сам знаю это». Гарви спросил:

– Доктор Шарпс, почему Хамнер-Браун так заинтересовала астрономов?

– Дорогой мой, изучая кометы, мы можем узнать многое. Например, как возникла Солнечная система. Кометы старше Земли. Они состоят из первоначального вещества. Возможно, эта комета находилась за орбитой Плутона все эти миллиарды лет. Господствующая сейчас теория предполагает, что Солнечная система сконденсировалась из газопылевого облака, из клуба этого облака, вращавшегося в межзвездном пространстве. Большая часть оставшегося вещества была развеяна взрывом от зажигания Солнца, но некоторое количество осталось и образовало кометы. Состав хвоста кометы мы можем проанализировать. Именно так изучалась Когоутек. И астрономов Когоутек не разочаровала. В ход были пущены инструменты и методы, которых раньше у нас не было... «Скайлэб»... и многое другое было пущено в ход.

– И принесло ли это пользу? – подсказал Гарви.

– Пользу? Результаты были великолепные! И теперь мы можем еще раз провести такие же исследования! – Шарпс драматически взмахнул руками. Гарви быстро взглянул на свою команду. Камера работала, у Мануэля был взгляд удовлетворенного звукотехника, с аппаратурой все было в порядке.

– Будет ли послано – когда настанет время – и для этой кометы что-нибудь вроде «Скайлэба»? – спросил Гарви.

– «Скайлэба»? Нет. Но осталась еще капсула «Аполлона», которую мы можем использовать. И все оборудование института в нашем распоряжении. И есть еще военные ракетносители, пентагоновские игрушки, ни на что большее и не пригодные. Нам бы онигодились. Если бы нам дали их прямо сейчас, можно было бы ни о чем больше не беспокоиться, – лицо Шарпса помрачнело. – Но их нам не дадут. Плохо, чертовски плохо. А ведь с помощью ракет мы смогли бы действительно как следует исследовать Хамнер-Браун. Мы бы многое узнали.

Камера и прочая аппаратура снова были упакованы. Телевизионная группа вышла в сопровождении той же самой провожатой. Гарви задержался, прощаясь с Шарпсом.

– Не хотите ли кофе, Гарви? – спросил Шарпс. – Если, конечно же, не очень торопитесь.

– Не откажусь.

Шарпс нажал кнопку на консоли аппарата связи. «Ларри, принесите, пожалуйста, кофе». Обернулся к Гарви:

– Идиотская ситуация. Страна полностью зависит от технологии. Остановись колеса дня на два и нас захлестнут бунты. Ведь нет города, где не витал бы бунтарский дух. Пред-

ставьте Лос-Анджелес или Нью-Йорк, лишённые электроэнергии. Или, заглянув подальше: остановились заводы, производящие удобрения. Или ещё дальше: на одно десятилетие убрать всю современную технологию. Что произойдет с нашим жизненным уровнем?

– Конечно, мы – цивилизация, основанная на высокоразвитой технологии..

– Однако, – голос Шарпса был твердым; очевидно, он намеревался закончить свою мысль, – однако проклятые идиоты не желают уделять науке и технологии ни малейшего внимания – даже хотя бы десяти минут в день. И сколько народу вообще знают, чем они занимаются? Откуда берутся ковры? Откуда берется одежда, которую все носят? Что такое карбюратор? И в чем – корни нашего изобилия? Вы – знаете? А из тех, кто имеет право голоса, хоть один из тридцати – знает? Они не желают тратить и десяти минут в день на технологию, на которой зиждется вся жизнь. Поэтому не удивительно, что ассигнования на фундаментальные исследования постоянно урезаются, так что скоро сойдут на нет. За это мы еще поплатимся. В один прекрасный день нам будет позарез необходимо то, что могло быть разработано многими годами ранее – и разработано не было... – он прервал себя. – Скажите, Гарви, будет ли эта телевизионная штука, над которой вы работаете, чем-то серьезным? Или это обычная мелочь для научной программы?

– Серьезнейшей, – сказал Гарви. – Это будет серия о том, как важно исследовать комету Хамнера-Брауна. И, между прочим, о том, как важна вся наука в целом. Разумеется, никто не гарантирует, что люди при этом не переключатся на программу «Я люблю Люси».

– Да... О, благодарю вас, Ларри. Ставьте кофе прямо сюда.

Гарви ожидал, что принесут чашки и кофемолку. Но вместо этого помощник Шарпса внес на инкрустированном подносе поблескивающий термос и кофейный сервиз с серебряными ложечками.

– Не стесняйтесь, Гарви. Это хороший кофе. Мохаджава?

– Точно, – сказал помощник.

– Хорошо, – Шарпс махнул рукой, отпуская Ларри. – Гарви, почему ваша телекомпания так заинтересовалась кометой?

Гарви пожал плечами:

– Потому что для этого нашелся заказчик. Так получилось, что заказчиком является «Мыло Кальва». И так уж получилось, что контроль над «Мылом Кальва» в руках Тимоти Хамнера. И так уж получилось...

Речь Гарви была прервана взрывом хохота. Узкое лицо Шарпса весело сморщилось. – Замечательно! – Затем он задумчиво посмотрел на Гарви. – Серия... Скажите, Гарви, а если в отношениях с руководством студии нам поможет один политик... очень поможет... можно ли в этой серии будет обыграть его участие? Создать ему атмосферу благожелательности? Разрекламировать?

– Конечно. Хамнер даже настоял бы на этом. Да и у меня, вроде, возражений нет...

– Великолепно. – Шарпс поднял свою кофейную чашку. – Ваше здоровье. И – спасибо, Гарви. Огромное спасибо. Думаю, в дальнейшем нам придется видеться довольно-таки часто.

Шарпс подождал, пока Гарви Рэнделл покинет здание. Сидел он неподвижно и тихо, очень тихо – что было для него необычным. Где-то в области желудка у него разливалось тепло. Это может сработать. Это просто должно сработать. Наконец, резким движением он включил интерком:

– Ларри, соедините меня с Вашингтоном, с сенатором Артуром Джеллисоном. Пожалуйста.

Потом – нетерпеливое ожидание гудка телефона.

– Я соединяю вас, – сказал помощник.

Шарпс поднял трубку. – Шарпс. – Снова ожидание – пока секретарша соединит с сенатором.

– Чарли?

– Да, – сказал Шарпс. – У меня есть для вас предложение. Вы слышали о комете?

– О комете? А-а, о комете. Странно, что об этом упоминаете и вы. Мне довелось встретиться с парнем, который ее открыл. Оказывается он щедро вносил деньги в мой фонд. Но прежде я с ним никогда не встречался.

– Хорошо. Это важно, – сказал Шарпс. – Случай, выпадающий раз в столетие...

– То же самое говорили о Когоутеке...

– Да черт с ним, с Когоутеком! Послушайте, Арт, есть возможность получить ассигнования на космический зонд?

– Сколько?

– Ну, тут есть два варианта. Второй лучше – если только вообще что-нибудь удастся... Первый – Институт может запустить автоматический зонд с записывающей аппаратурой – что-нибудь типа того, что запускают на «Тор-дельта».

– Нет проблем. На это я вам смогу выделить, – сказал Джеллисон.

– Но второй вариант лучше. Что нам действительно нужно – так это корабль с экипажем. Скажем, «Аполлон» с двумя людьми на борту. Плюс оборудование – вместо третьего члена экипажа. С корабля можно получить хорошие фотографии. Не просто фотографии хвоста или оболочки кометы – есть отличные шансы сфотографировать ей голову. Вы понимаете, что это значит?

– Не совсем, но если вы говорите, что это важно... – мгновение Джеллисон помолчал. – Извините. Я, действительно понимаю, но шансов на это нет. Ни единого. Во всяком случае, невозможно рассчитывать на «Аполлон», коль скоро наш бюджет...

– Нет, рассчитывать можно. Я предварительно обсудил это с Роквеллом. Задача менее стоящая, чем хотелось бы НАСА, но попытаться можно. Я нас есть...

– Все это не имеет никакого значения. Я не смогу выделить для этого денег.

Шарпс нахмурился, глядя на телефон. Неприятное жжение в районе желудка усилилось. Артур Джеллисон – его старый друг. И шантаж Чарли Шарпсу всегда был не по душе. Но...

– Даже, если русские готовят ради этой кометы к полету «Союз»?

– Что?! Но они не...

– О, они – да, – сказал Шарпс. «И это – не то, чтобы ложь, но и не правда. Просто предвидение...»

– А у вас есть доказательства этого?

– Будут через несколько дней. Будьте уверены, они собираются посмотреть на Хамнер-Браун с как можно более близкого расстояния.

– Я буду по уши в дерьме.

– Прошу прощения, сенатор?

– Я буду по уши в дерьме.

– А...

– Вы играете со мной в кошки-мышки, так, Чарли? – требовательно спросил Джеллисон.

– Не совсем. Поймите, Арт, это действительно важно. Просто необходимо послать в космос корабль с экипажем – хотя бы для того, чтобы у людей не пропал интерес к космическим полетам. А вы, после того, как состоится полет управляемого людьми корабля...

– Да-а. Но у меня по-прежнему ни малейшего шанса добиться этого. – Снова – более продолжительное – молчание. Затем Джеллисон сказал не столько Шарпсу, сколько себе:

– Итак, русские готовятся. И, несомненно, при этом они многое выиграют.

– Убежден, что они готовятся.

Снова молчание. Чарли Шарпс почти не дышал.

– Ну, хорошо, – сказал Джеллисон. – Я поразнюхаю тут, в верхах, и посмотрю, какая будет реакция. Но было бы лучше, если бы вы говорили со мной откровеннее.

– Сенатор, через неделю у вас будут неопровержимые доказательства.

– Хорошо. Попытаюсь тогда их использовать. У вас есть еще что-нибудь ко мне?

– В данный момент – нет.

– Замечательно. Спасибо за совет, Чарли, – сенатор положил трубку.

Неожиданный он человек, подумал Шарпс. Он слегка улыбнулся – сам себе. Ну, что ж, будем продолжать начатое дело. Резким движением он снова включил интерком. – Ларри, соедините меня с Москвой, я хочу поговорить с доктором Сергеем Фадеевым. Да, сколько там времени – я знаю. От вас только требуется соединить меня.

«Сказание о Гильгамеше» было одним из немногих независимых друг от друга преданий, которые начали рассказывать люди, расселившиеся в полосе плодородных земель. Это было на Земле, в Азии...

Комета почти не изменилась. Она пока еще находилась за пределами гигантского вихря. Ее миновал бывший спутник, удравший от своей планеты – позднее люди назовут его Плутоном – выглядя при этом размером с монету в четверть доллара, которую держат на расстоянии вытянутой руки. Солнце было всего лишь раздражающе яркой точкой. Изливающийся из этой точки жар был во много раз меньше, чем жар черного гиганта в момент наибольшего сближения с кометой. Поверхность кометы состояла сейчас в основном из водяного льда. Лед отражал большую часть падавшего на комету тепла. И тепло уносилось к звездам.

А время шло.

Климат на Марсе, после долгого пути развития, зашел в тупик: Марс потерял почти всю свою воду. А по Земле продолжали распространяться люди: они смеялись, сражались и умирали.

А комета продолжала свое падение. Потоки солнечного ветра – протоны, разогнанные до колоссальных скоростей – обдирали ее поверхность. Улетучилась значительная часть ее водорода и гелия. Гигантский вихрь становился все ближе.

МАРТ: ОДИН

*И Бог повесил радугу над нами
В знамение того, что ждет нас
Теперь уж не вода, а пламя.
Старинный спиричуэлс.*

Марк Ческу посмотрел на дом и присвистнул. Стил – калифорнийско – поздне-английская готика. Белые, хотя и не безупречно – оштукатуренные стены, в углах – массивные деревянные брусья. И действительно – самое настоящее дерево. Кое-где, например, в Глендейле, дома строят тоже в аналогичном стиле, но там не дерево, а фальшивые полосы фанеры.

Большой дом, стоящий посреди большого зеленого участка. Марк подошел к парадной двери и позвонил. Дверь тот час же распахнулась. Открыл ее юнец с длинными волосами и узенькими, словно нарисованными карандашом, усиками. Он взглянул на берейторские брюки и ботинки Марка, глянул на огромные коричневые чемоданы, поставленные Марком на крыльцо.

– Нам ничего не надо, – сказал он.

– А я ничего и не предлагаю. Я – Марк Ческу из «Эн-Би-Си».

– О, извините! Вы не представляете, как часто нас навещают торговцы в разнос. Входите, пожалуйста. Меня зовут Джордж. Я – домашний слуга, – он поднял один из чемоданов. – Тяжелый.

– Да. – Марк огляделся по сторонам. Картины. Телескоп. Глобусы – Земли, Марса и Луны. Стекланные статуэтки. Хрустальная посуда. Всякое барахло для пеших путешественников. Сама комната – будто предназначенная для театральных представлений. Перед диваном стоял телевизор.

– Такое впечатление, будто какой-то сучий черт просто разбросал здесь весь этот хлам, – сказал Марк.

– Наверное, так оно и было. Сюда, ставьте ваш чемодан сюда. В них, в чемоданах, что-нибудь хитроумное?

– Не сказал бы – если вы знаете, что такое видео записывающая аппаратура.

– Вообще-то, знать должен, – сказал Джордж. – Я – студент – театрального факультета. Лос-Анджелесский университет. Но мы это еще не проходили. Было бы неплохо, если бы вы показали мне, как все это работает.

– Невтерпеж? Хотите быстрее начать расходовать пленку?

– Не-е. Я пока только репетирую. «Дикая утка». Хорошая роль. А пленку вам израсходует мистер Хамнер.

– Вот его мне и хотелось бы узнать.

– В таком случае вам придется подождать. Его еще нет дома. Пива хотите?

– Звучит приятно, – Марк проследовал вслед за Джорджем на кухню. Кухня была большая, сверкающая хромом и огнеупорной пластмассой. Две сдвоенные раковины для мытья посуды, две газовые плиты. Большая полка, заставленная подносами. А еще полки – книжные – и стол, на котором лежали поваренные книги, последние романы Мак-Ги и «Актерское обучение» Станиславского. Лишь на романах и учебнике Станиславского имелись следы того, что эти книги хоть как-то использовались.

– Мне казалось, что Хамнеру скорее по душе пришлось бы подыскать себе студента-астронома.

– Передо мной и был студент-астроном, – сказал Джордж, доставая пиво. – Но они с Хамнером регулярно цапались.

– Ага, и Хамнер изничтожил его.

– Нет, он отослал его в свои горные владения. Хамнеру стычки по нраву, но только не тогда, когда он у себя дома. Работать у него легко. К тому же, в моей комнате стоит цветной телевизор и я могу пользоваться бассейном и сауной.

– Надо же, – Марк мелкими глотками попивал пиво. – В этом доме, похоже устраиваются веселые вечера.

Джордж рассмеялся:

– Чертовски похоже. Но, наверное, эти вечера устраиваются, когда я на репетициях. Или эти вчера похожи на сегодняшний.

Марк внимательно осмотрел Джорджа. Тоненькие усики. Какого черта Хамнер взял его сюда подумал он.

– Может, Хамнер развратник? Или что-нибудь в этом роде?

– О, господи, нет, – сказал Джордж. – Нет, просто он не часто позволяет себе разгуляться. На последнем нашем спектакле я познакомился с одной подругой. Милая девушка, из Сиэтла. Хамнер встречался с ней пару раз – и все. Ирен сказала, что когда они остались наедине, он был вежлив и вел себя по-джентльменски... а потом просто прыгнул на нее.

– А ей следовало бы от него отпрыгнуть.

– То же самое сказал ей и я. Но ей отпрыгивать не хотелось. – Джордж по петушиному склонил голову набок. – А вот прибыл и мистер Хамнер. Узнаю его машину.

Через боковую дверь Тим Хамнер прошел в маленькую, но великолепно обставленную комнату. Только здесь он подумал, что он – дома. Лишь в этой комнате он чувствовал себя как дома, здесь ему было удобно, хотя, так или иначе, использовал он все здание. А вообще-то, Хамнеру его дом не нравился. Куплен он был за большие деньги, и этих денег он стоил. Здесь было достаточно места, чтобы Хамнер мог разместить свои коллекции, но на домашнее жилище он походил мало.

Хамнер налил себе немного шотландского виски и опустился в кресло. Ноги поставил на маленькую скамеечку. Ему было хорошо – сегодня он замечательно выполнил свои неявные обязанности. Побывал на совете директоров компании, выслушал все доклады и поздравил президента компании с полученной за прошедший квартал прибылью. Тим, естественно, предпочел бы оставить занятие делать деньги тем, кому они нравятся, но его двоюродный брат, поддавшись такой скромности, потерял все, что имел. Полезно иногда показывать тем, кто управляет твоими делами, что ты заглядываешь им через плечо.

Мысли его с совещания перекинулись на секретаршу компании. Перед совещанием она весьма любезно болтала с Тимом, но когда он предложил ей завтра пообедать вместе, она предложила перенести свидание на более отдаленное будущее. Но, возможно, если бы он ей назначил свидание, она все же пришла бы. Из-за своей чрезвычайной вежливости. Но Тим не стал делать этого. Возможно, подумал он, я смог бы договориться с нею на ближайшую пятницу. Или на какой-нибудь день следующей недели. И если бы она отказала, не оставил бы без ответа – почему именно.

Он услышал, что Джордж с кем-то разговаривает и лениво удивился – кто бы это мог быть? До сих пор от Джорджа не было никакого беспокойства и никаких неприятностей. Это – единственное, что примиряло Тима с пребыванием того в этом доме. Единственное, что его устраивает. А затем он вспомнил. А, да это же кто-нибудь из «Эн-Би-Си»! Принес отснятые материалы, понравившиеся Тиму, но в фильм не вошедшие. Тим ощутил приступ энтузиазма. И стал переодеваться.

К шести часам явилась Пенелопа Вильсон. На имя «Пенни» она никогда в жизни не отзывалась – как бы не настаивала на этом ее мать. Глядя на нее в дверной глазок, Тим вдруг вспомнил, что от имени «Пенелопа» она отказалась тоже. Она предпочитала свое второе имя, но как оно звучало – Тим не мог вспомнить.

«Наберись смелости». Он широко распахнул дверь и – не скрывая, как это для него мучительно – вскричал: – Быстрее, как твое второе имя?

– Джойс. Привет Тим. Я пришла первой?

– Да. Очень элегантно выглядишь. – Он помог ей снять пальто. Знакомы они были целую вечность, во всяком случае – со школьных лет. Пенелопа Джойс ходила в ту же подготовительную школу, что и сестра Тима, а также с полдюжины его двоюродных сестер. Здесь она была почти совсем своя. У нее был широкий рот и слишком крупная, почти квадратная нижняя челюсть. А фигура... Точнее всего было бы сказать, что фигура у Пенелопы Джойс была основательной. Хорошенько она начала тогда, когда поступила в колледж.

Сегодня она выглядела – и в самом деле – элегантно. Длинные вьющиеся волосы уложены в сложную прическу. Простого покроя неяркое платье, сшитое из ласкающей глаз материи. Тиму захотелось потрогать это платье. Он достаточно долго жил со своей сестрой, чтобы понять, сколько труда требуется для пошива такого платья – хотя и не имел ни малейшего понятия, как это делается.

Ему хотелось, чтобы ей понравилось в этом месте. И чтобы одобрение было немедленным. Она оглядела комнатку, а он ждал. И удивлялся про себя, почему никогда прежде ее сюда не приглашал. Наконец, она перенесла свой взгляд на него. На лице – выражение, которого Тим не видел со школьных времен, когда Пенелопа полагала себя непогрешимым судьей во всех моральных вопросах.

– Миленькая комнатка, – сказала она. И – разрушая впечатление – хихикнула.

– Очень рад слышать это от тебя. Действительно чрезвычайно рад.

– Правда? Неужели мое мнение для тебя так важно? – поддразнивая, она скорчила гримасу, памятную еще с детства.

– Да. Через несколько минут здесь соберется вся эта чертова компания и большинство из них тоже никогда здесь не были. У тебя такой же склад мышления, что и у них, так что если понравилось тебе, понравится и им.

– Гм. Полагаю, вы правы – так мне и надо.

– Эй! Я вовсе не подразумевал... – она снова подсмеивалась над ним. Он протянул ей бокал со спиртным и они сели.

– Я удивлена, – промурлыкала Пенелопа. – Мы не виделись уже два года. Почему ты пригласил меня на сегодняшний вечер?

Тим – частично – к подобному вопросу был готов. Пенелопа всегда была прямым человеком. Он решил сказать правду.

– Я подумал – кого мне хотелось бы видеть здесь сегодня вечером? Весьма эгоистично, не так ли? На вечере, посвященном моей комете... Я подумал о Джиме Уотерсе, лучшем ученике моего класса, затем о своих родных и – о тебе. Лишь потом я понял, что вспомнил я о тех людях, на которых мне хотелось произвести впечатление. Огромное впечатление.

– На меня?

– На тебя. Помнишь наши беседы? Я ведь так и не смог сказать тебе, чем бы мне хотелось заниматься, что я считаю главным делом своей жизни. Все мои родственники и все, с кем я рос – все они либо делают деньги, либо коллекционируют произведения искусства, либо увлекаются гоночными автомобилями. Или чем-нибудь в том же роде. А мне – мне хотелось только одного – наблюдать небо.

Она улыбнулась:

– Я, и в самом деле, польщена, Тим.

– А ты – и в самом деле – элегантно выглядишь.

– Да. Спасибо.

С ней было приятно беседовать. Тим решил, что это – хорошее открытие. Но тут зазвонил дверной звонок. Пожаловали остальные приглашенные.

Вечер получился замечательно. Поставщики готовых блюд к столу сделали свою работу добросовестно, так что с угощением трудностей не было. Несмотря на отсутствие Джорджа, который мог бы помочь в этом. Тим обнаружил, что настроение у него хорошее, и расслабился.

Гости внимательно слушали. Они слушали, а Тим рассказывал им, как это происходило. Холод, тьма, и так – часами, так – пока ведется наблюдение, пока изучается составленный звездами рисунок, пока регистрируешь наблюдаемое. Бесконечные часы сосредоточенного изучения фотографий. И все это – без результатов, если не считать удовольствия от познания Вселенной. И гости слушали. Слушал даже Грег, который обычно не скрывал своего презрения к богачам, не уделяющим своим деньгам должного внимания.

Здесь, в доме Тима, собрались, в основном, лишь его родственники, но он был радостно возбужден, напряжен, испытывал нервную дрожь. Он увидел, как Барри улыбнулся и покачал головой – и понял, о чем тот подумал: «И на что только люди тратят свою жизнь». Но на самом деле он просто завидует мне, подумал Тим, и мысль эта была восхитительно приятной. Он взглянул на свою сестру, смотрящую на него с нескрываемым интересом. Джилл всегда умела читать его мысли. Она всегда была ему ближе, чем брат Пэт. Но именно Пэт вышел к бару, жестом показывая, что хочет что-то сказать.

– Сам черт, наверное, не разберет, – сказал Пэт, – что творится в таком доме, как твой, Тим. – Он качнул головой в сторону матери, расхаживающей по дому, разглядывая приборы. В этот момент она как раз зачарованно смотрела на непонятные ей чертежи и таблицы. – Могу спорить, что знаю, о чем она сейчас думает. А ты?

– Что я?

– О том, что ты приводишь сюда девочек. Устраиваешь здесь черт знает что.

– Не твое, черт побери, дело.

Пэт пожал плечами. – Весьма плохо. Слушай, мне и самому, бывало, иногда хотелось... да черт с этим. Но, честное слово, тебе уже пора бы. Ты не бессмертен. Мать права.

– Конечно, – сказал Тим. Какого черта Пэт затронул эту тему? Об этом еще будет говорить мать – сегодня, и раньше, чем наступит ночь. «Тимми, ну почему ты все еще не женишься?»

Когда-нибудь я отвечу ей, подумал Тим. Когда-нибудь я ей все выскажу. «Потому что каждый раз, когда я встречаю девушку, с которой, как мне кажется, я мог бы прожить целую жизнь, ты заявляешь, что она не стоит и плевать, и девушка исчезает. Вот почему».

– Мне хочется есть, – объявила Пенелопа Джойс.

– О Боже, – Джилл похлопала ее по животу. – И куда это все у тебя вмещается? Хотелось бы узнать твой секрет. Только не говори, что все дело – в покрое твоих платьев. Грег считает, что твои творения нам не по карману.

Пенелопа взяла Тима за руку: – Пойдем, покажешь, где у вас лежат кукурузные хлопья. И меня знобит. Дашь мне бокал чего-нибудь.

– Но...

– Они смогут обслужить себя сами. – Она повела его к кухне. – Пусть они поговорят о тебе в твоём отсутствии. От этого их восхищение только усилится. Ведь ты сегодня – главная персона.

– Ты так думаешь? – заглянул ей в глаза. – Никак не могу определить, когда ты просто подшучиваешь надо мной.

– Вот и хорошо. Где тут у вас масло?

Фильм получился замечательным. Это Тим понял, когда увидел, как смотрят фильм его родственники. Как они смотрели, увидев *его* на телеэкране.

Камера Рэнделла панорамой показывала наблюдающих за небом астрономов-любителей. «Большинство комет открыто любителями, – сказал голос Рэнделла. – Широкой пуб-

лике мало известно, какую неоценимую помощь получают большие обсерватории от этих наблюдающих за небом людей. Но некоторые любители, в сущности, вовсе и не любители». Кадр сменился. Теперь на экране Тим Хамнер показывал свою горную обсерваторию, а его помощник Мартин демонстрировал оборудование. Тиму показалось, что этот отрывок сделан слишком коротким, но когда он увидел реакцию своего семейства – увидел, что они ошеломлены – он понял, что Гарви Рэнделл сделал все правильно. Его родным не хотелось, чтобы этот отрывок так быстро сменился следующим. А всегда надо делать так, чтобы людям хотелось продолжения – хотя бы еще чуть-чуть...

– А некоторые любители, – сказал голос Рэнделла, – любители в большей степени, чем другие. – Камера быстро переключилась на улыбающегося десятилетнего мальчика, стоящего рядом с телескопом. Телескоп выглядел весьма внушительно, но при этом было очевидно, что он – самодельный. – Гэвин Браун из Кентервилля, штат Айова. – Гэвин, как получилось, что ты вел наблюдение в нужный момент и искал в нужном месте?

– Я вовсе и не искал, – голос Брауна был неприятным. Он был юным, застенчивым и говорил слишком громко. – Я занимался регулировкой телескопа, потому что хотел наблюдать за Меркурием в дневное время. А если хочешь найти Меркурий, все надо отрегулировать и настроить очень точно, потому что Меркурий находится очень близко к Солнцу, и...

– И таким образом ты случайно обнаружил Хамнер-Брауна, – сказал Рэнделл.

Грег Макклив рассмеялся. Джилл бросила на своего мужа негодующий взгляд.

– Объясни, пожалуйста, Гэвин, – сказал Рэнделл. – Ты заметил комету много позже мистера Брауна, но оба вы сообщили о ней одновременно, потому что твое сообщение последовало почти сразу... Как ты понял, что это – новая комета?

– Этого небесного тела раньше там не было.

– Ты хочешь сказать, что знаешь все небесные тела на этом участке неба? – спросил Рэнделл. Экран в это время демонстрировал фотографию участка неба, где была обнаружена Хамнер-Браун. Небо, сплошь усеянное звездами.

– Конечно. А разве не всем известно расположение небесных тел?

– Ему-то известно, – сказал Тим. – Он пробыл здесь неделю, и – клянусь! – мог бы по памяти рисовать звездные карты.

– Он жил здесь? – спросила мать Тима.

– Конечно. В свободной комнате.

– Вот как! – неодобрительно заметила она и уставилась в телевизор.

– А где сегодня Джордж? – спросила Джилл. – Придет позже? Мама, ты знаешь, домашний слуга Тима встречается с Линдой Гиллрей.

– Передайте мне кукурузные хлопья, – сказала Пенелопа Джойс. – А где сейчас Браун, Тим?

– Вернулся обратно в Айову.

– А мыло из-за этого будет продаваться лучше? – спросил Грег, показывая на экран.

– С «Кальвом» все в порядке, – сказал Тим. – Рост продажи по сравнению с прошлым годом – на двадцать шесть и четыре десятых процента...

– Господи, да оно расходуется лучше, чем я думал, – сказал Грег. – Кто у вас занимается рекламой?

Рекламная вставка закончилась и программа возобновилась. Но о Тиме Хамнере больше уже не упоминалось. Однажды открытая, комета Хамнера-Брауна стала теперь достоянием всего мира. Теперь на переднем плане красовался Чарльз Шарпс. Он говорил о кометах и о том, как важно изучать Солнце, планеты и звезды. Тим себя разочарованным не почувствовал, но решил, что остальные почувствовали. Кроме Пэта, неотрывно глядевшего на Шарпса и кивающего ему в унисон. Пэт отвел от экрана взгляд и сказал:

– Если бы я стал профессором в молодые годы, как он, я бы тоже, наверное, открыл бы комету. Ты с ним хорошо знаком?

– С Шарпсом? Никогда не встречался. Знаю его только по экрану телевизора, – ответил Тим. – Как и он меня.

Грег подчеркнуто поглядел на свои часы.

– Мне к пяти утра нужно быть уже на рабочем месте. Рынок сходит с ума. А после этого фильма свихнется окончательно.

– А? – Тим недоуменно нахмурился. – Это еще почему?

– Кометы, – сказал Грег, – это небесные знамения, предвещающие изменения к худшему. Просто удивительно, как много вкладчиков верит в это, и причем верит совершенно серьезно. Не говоря уже о том чертеже, который нарисовал этот профессор. Я имею в виду чертеж, на котором комета сталкивается с Землей.

– Но на рисунке не было этого, – запротестовал Пэт.

– Тим? Такое может случиться? – требовательно спросила мать.

– Конечно же, нет! – сказал Тим. – Разве вы не слышали? Шарпс сказал, что вероятность столкновения – один к миллиарду.

– Это я понял, – сказал Грег. – Но еще он сказал, что кометы иногда сталкиваются с Землей. А эта пройдет очень близко к ней.

– Но при этом он не подразумевал столкновения, – возразил Тим.

Грег пожал плечами.

– Однако, я знаю, что такое рынок. Поэтому утром, как только начнут заключаться сделки, я должен быть уже у себя в кабинете.

Зазвонил телефон. Тим озадаченно глянул на аппарат. Прежде, чем он успел подняться, Джилл взяла трубку. Она выслушала то, что сказали ей по телефону, и вид у нее тоже стал озадаченным.

– Это из отдела информации твоей компании. Они спрашивают, можно ли соединить тебя с абонентом, звонящим из Нью-Йорка?

– А? – Тим встал, взял трубку. Стал слушать. В это время на экране телевизора представитель НАСА объяснял, что они могут, запросто могут, еще как могут послать для изучения кометы космический зонд. Тим положил трубку.

– Вид у тебя ошеломленный, – сказала Пенелопа Джойс.

– А я в самом деле ошеломлен. Звонил один из продюсеров. Меня приглашают на «Ежевечернее шоу». Вместе с доктором Шарпсом. Так что, Пэт, мне суждено все же познакомиться с ним.

– Программу Джонни я смотрю каждый вечер, – сказала мать и в голосе ее чувствовалось восхищение. Люди, получающие приглашения на «Ежевечернее шоу» – это большие знаменитости.

Фильм Рэнделла (фильм во!) заканчивался. Под конец показали фотографии Солнца и звезд, сделанные со «Скайлэба», и заодно твердо заверили, что для изучения кометы Хамнера-Брауна будет послан космический корабль с экипажем. Затем пошла коммерческая информация и гости Тима начали расходиться. Тим – не в первый уже раз осознал, насколько же они все на самом деле далеки от него. Ему действительно не о чем было говорить с главой маклерской фирмы или с человеком, застраивающим город домами, даже если они – его зять и родной брат. Оказалось, что он и Пенелопа (нет – Джойс) остались наедине. Он смешал себе и ей по коктейлю.

– Ощущения, как после неудавшегося спектакля, – сказал Тим.

– «В Бостоне неприятности и весь город в крестах», – поддразнила Джойс.

Он рассмеялся.

– Ага. Не видел «Пылающее небо»с... ей богу, с тех пор, как ты играла в этой пьесе. Ты права. Ощущения у меня именно такие.

– Фу.

– Фу?

– Фу. У тебя всегда появлялись подобные мысли без каких-либо для того оснований. И сейчас оснований тоже нет. Сейчас ты можешь гордиться. Но что дальше? Откроешь еще одну комету?

– Нет, не думаю, – он выжал лимон в джин с тоником и протянул ей бокал. – Я сам не знаю. Чтобы делать то, чем мне действительно хотелось бы заниматься, я недостаточно подкован в теории.

– Так займись изучением теории.

– Может, и займусь. – Он походил кругами по комнате, затем присел рядом с ней. – В крайнем случае, буду писать мемуары. Ваше здоровье!

Она подняла свой бокал, словно салютуя, но не насмехаясь над ним. – Ваше здоровье!

– Но чем бы я не занялся, я буду продолжать наблюдать за этой кометой. – Тим потягивал содержимое бокала мелкими глоточками. – Рэнделл хочет сделать еще один фильм... И если мои дела пойдут не слишком плохо, мы этот фильм сделаем.

– Дела? Твои дела вызывают у тебя беспокойство?

– Опять издеваешься надо мной.

– На этот раз – нет.

– Гм. Ну, хорошо, я сделаю еще один фильм, потому что мне этого хочется. И мы постараемся сделать так, чтобы ради этой кометы послали космический корабль. Если эту затею удастся разрекламировать как следует, то корабль будет запущен. И на его борту будет кто-нибудь типа Шарпса – кто-нибудь, кто действительно разбирается в кометах. Благодарю.

Она положила ладонь ему на руку:

– Не за что. Делай, что задумал, Тим. Из присутствующих на сегодняшнем вечере никто не сделал и половины из того, что ему хотелось сделать. А ты уже на три четверти выполнил намеченное и без задержек доделываешь остальное.

Он взглянул на нее и подумал:

– «Если я на ней женюсь, то мама вздохнет с большим облегчением». Она – выпускница привилегированной женской школы и из породы, знакомой ему по сестре Джилл. Девушки из этой породы обычно уезжают потом учиться в колледжи восточных штатов, а каникулы проводят в Нью-Йорке. Пренебрегают они одними и теми же нормами и правилами. Матерей своих они не боятся. Они прекрасны, и с ними – страшно. Тяга к сексу, такая сильная у ребят-подростков, у них без труда подавляется. И потому красота этих девушек становится для ребят ослепительной, а когда она еще и сочетается с безграничной самоуверенностью... Девушка, подобная Джилл – это страшно, страшно для парня, который никогда в себя не верил.

Но Джойс его не пугала. Для этого она была недостаточно красивой.

Она нахмурилась.

– О чем ты сейчас думаешь?

О, Господи, нет! Он не может ответить честно на этот вопрос.

– Так, многое вспомнилось... – Вот он остался с Джойс один на один. Должен ли он быть более развязным? Она, конечно же, осталась одна потому, что все остальные разошлись. Если он сейчас попробует...

Но смелости Тиму не хватило. Точнее, сказал он сам себе, мне не хватило теплоты. Да, она элегантна, но какой смысл ложиться в постель с хрустальной вазой? Он встал, подошел к телевизору. – Может, посмотрим еще какую-нибудь передачу?

Какое-то время она колебалась, внимательно глядя на него. Затем, с тем же неотрывным вниманием, допила свой коктейль и поставила бокал на стол.

– Спасибо, Тим, но пойду-ка я лучше спать. У меня завтра с утра есть кое-какие дела.

Уходя, она сохраняла на лице улыбку. Тиму показалось, что эта улыбка получилась несколько насильственной. А может, с интересом подумал он, я просто шлепнулся мордой в грязь?

Гигантский вихрь был невыносимо тесным. Космические тела всевозможных размеров вращались друг вокруг друга, искривляя пространство, и топология его непрерывно изменялась. Планеты и их спутники были сплошь покрыты шрамами. Планеты с атмосферой, такие как Земля и Венера – усеяны кратерами. Поверхности Марса, Луны и Меркурия сплошь покрыты кольцеобразными грядами гор и морями застывшей магмы.

Шанс спастись у кометы еще был. Гравитационные поля Юпитера и Сатурна могли вышвырнуть комету обратно – в холод и тьму. Но для этого Сатурн и Юпитер должны были занимать другое положение, и комета продолжала свое падение, ускоряясь, вскипая.

Вскипая! Летучие химические соединения струями били из тела кометы, выбрасывая клубы кристалликов льда и пыли. Комету теперь окружало облако блестящего тумана. Казалось бы, это облако могло как щит прикрыть комету от жары – но нет, наоборот: туман, развеявшийся на тысячи кубических миль, перехватывал солнечный свет и отражал его на поверхность кометы. Жар лился на нее теперь со всех сторон.

С поверхности жар просачивался вглубь головы кометы. Из нее вырывались новые скопления газа, вызывая эффект, подобный действию двигателей космического корабля. Голову кометы бросало из стороны в сторону. Планеты, их спутники и астероиды, когда она проходила мимо них, воздействовали на нее своим притяжением – и тоже изменяли ее курс. Заблудившаяся, слепая комета. Падающая комета. Умирающая. Она миновала Марс. Ее уже было невозможно разглядеть внутри облака пыли и кристалликов льда. А облако это размером было, примерно, с Марс.

Телескоп с Земли нащупал ее. Она выглядела мерцающей точкой недалеко от того места, где был виден Нептун.

МАРТ: ИНТЕРЛЮДИЯ

Ни одному космонавту не довелось пройти по твердой поверхности Луны, по ее камням. Потому что всюду, где они ступали, под их ногами была «грязь» – пылеобразный слой, образовавшийся в результате непрерывной, на протяжении геологических эпох, бомбардировке поверхности Луны метеоритами. Эта бомбардировка так искрошила поверхность, что та стала представлять из себя слой толщиной в несколько метров из мельчайших обломков камня.

Доктор Джон А. Вуд. Смитсоновский институт.

Фред Лаурен немного подрегулировал телескоп. Телескоп был большой: четырехдюймовый рефрактор на массивной треноге. Эта квартира стоила Фреду немало, даже слишком много, но она была ему необходима – чтобы наблюдать. Вся ее обстановка состояла из дешевой кровати, нескольких подушек, брошенных прямо на пол, и большого телескопа.

Наблюдал Фред за темным окном в четверти мили отсюда. Скоро она должна вернуться домой. Она всегда возвращается именно в это время. Кто она? Чем занимается? Она одинока – никто не провожает ее. Внезапная мысль ужаснула Фреда, а затем он почувствовал себя совсем паршиво. А вдруг она встречается с красивым мужчиной где-нибудь в другом месте? Они вместе обедают, а потом отправляются к нему на квартиру. Может, как раз именно сейчас этот мужчина кладет свои грязные лапы на ее грудь. Руки у него, конечно же, волосатые, грубые – руки слесаря – и вот эти руки скользят вниз, они ласкают, продвигаются вниз, следуя изгибам ее гладкого живота... НЕТ? Она не из таких. Она не позволит никому проделывать с собой такое. Не позволит.

Но все женщины позволяли и позволяют. Даже его мать. Фред Лаурен содрогнулся. Против воли пришли воспоминания: ему только девять лет, он зашел к матери попросить ее о чем-то, а она лежала в кровати, и на ней лежал мужчина, которого Фред называл дядей Джеком. Мать стонала и извивалась, а дядя Джек тут же соскочил с кровати.

– Ты, ублюдок маленький, я тебе отрежу сейчас, черт побери, твои яйца! Что, посмотреть захотелось? Думаешь, увидишь что-нибудь интересное? Стой на этом месте и, если скажешь хоть слово, я оторву твою писку!

И Фред смотрел. А его мать позволяла этому мужчине делать с ней все, что угодно.

Окно засветилось. Она пришла! Фред затаил дыхание. Она – одна? Одна.

С собой у нее была большая продуктовая сумка, которую она сразу же отнесла на кухню. Сейчас она выпьет свою обычную порцию, подумал Фред. Лучше бы она не пила так много. Выглядит усталой. Он наблюдал, как девушка смешивает себе мартини. Она взяла кувшин и пошла с ним на кухню. Фред не стал смотреть, что она там делает, хотя и мог бы – для этого надо чуть изменить положение телескопа. Ожидание раздражало его. У нее было почти треугольное лицо с высокими скулами, маленький рот и большие темные глаза. Волосы длинные и вьющиеся – светлые, крашенные. В пахе волосы были почти черные. Фред прощал ей этот маленький обман, хотя по началу и был несколько шокирован.

Она вернулась обратно, неся кувшин и чайную ложечку. В магазине подарков, в следующем по улице доме, продавалась посеребренная специальная ложечка для мартини, и Фред часто останавливался, рассматривая эту безделушку. И пытаясь совладать с собой, чтобы не купить эту ложечку – для нее. Может быть, тогда бы она пригласила его к себе на квартиру. Она не пригласит его, пока он не купит ей подарков, а этого он сделать не может: ведь он знает, что ей нравится, и ей обязательно захочется узнать, откуда он это знает. Фред

Лаурен подался немного вперед, чтобы коснуться ее, коснуться сквозь волшебное зеркало телескопа... коснуться лишь мысленно, в безнадежном томлении.

Сейчас, сейчас она сделает это. Чтобы поменьше утруждаться на работе, она надевает на себя как можно меньше. Работает она в банке, и хотя служащим там девушкам разрешается носить брюки и прочие безобразные изделия, вошедшие в моду в текущем году, она их не носит. Колин не носит их. Он знает, как ее зовут. Он хотел положить немного денег на ее счет в банке, но не посмел. Одевается она хорошо, одевается так, что заслуживала продвижения по службе, и ее, действительно, повысили – теперь она работала в отделе новых вкладов, и там Фреду поговорить с ней уже не удастся. Он радовался за нее, что ее повысили, но в то же время ему хотелось, чтобы она оставалась работать на прежнем месте, в справочной, где можно было бы сделать так: вот он входит, направляется к ее окошку и...

Она сняла с себя голубое платье и бережно повесила его в единственный в ее комнате шкаф. А квартира у нее очень маленькая: всего одна комната, ванная и крошечная кухня. Спит она на кушетке.

Нижнее белье у нее было старое, потрепанное. Фред не раз видел, как она штопала его по ночам. Под комбинацией она обычно носила черные кружевные трусики. Сквозь комбинацию можно было разглядеть их цвет. А иногда она одевала трусики розовые, с черными полосками.

Скоро она пойдет принимать ванну. В ванне Колин моется подолгу. За это время Фред мог бы успеть дойти до ее дома и постучать в дверь. И она бы открыла. Однажды она открыла дверь не одевшись, а только набросив на себя полотенце, а за дверью стоял монтер телефонной компании. В другой раз она так же открыла дверь управляющему домом, и Фред знал, что смог бы симитировать его голос. Он не раз заходил вслед за управляющим в бар и слушал, как тот говорит. Она бы открыла дверь и...

Но этого ему делать не следует. Он знает, что случится, если она откроет ему дверь. Он знает, что произойдет. Уже в третий раз. Третье изнасилование. И снова его запрут с этими мужчинами, с этими НЕЛЮДЬМИ. Фред вспомнил, как именовали его в камере мужчины, что они вытворяли с ним. И приглушенно заскулил – как можно тише, будто она могла услышать его.

Она одела халат. Ее обед уже разогревался в духовке. Она села, включила телевизор. Фред галопом пересек комнату и включил свой. Переключил его на тот же канал. Снова быстро приник к телескопу. Теперь он, глядя поверх ее плеча, мог не только видеть экран ее телевизора, но и слышать звук. Будто они смотрят телевизор вместе – она и Фред.

По этому каналу шла передача о комете.

Длинные, худощавые, безволосые мужские руки были сильными. Сильнее, чем казалось на первый взгляд. Они скользили по телу Маурин – искусные, опытные руки. «Мурррр», сказала Маурин. Она внезапно притянула к мужчине к себе, изогнулась, лежа на боку, и обхватила его своими длинными ногами. Он мягко отодвинул ее и продолжал гладить. Он нежно играл ею, как... как реактивным двигателем при посадке на Луну. Эта мысль пронзила его мозг. Странная мысль, неудобная. Губы его скользили по ее груди, язык совершал быстрые движения, на мгновения касаясь кожи. И он добился: она растворилась в нем. Она сейчас уже забыла о технике любви. Но он – не забыл: он никогда не терял над собой контроля. Он не кончит раньше нее, в этом она может быть уверена, но сейчас – не время для мыслей, сейчас должно быть лишь содрогание от волн ощущений...

Она очнулась, ее сознание вернулось из дальнего странствия. Они лежали, обнявшись, и дышали в едином ритме. Наконец, он шевельнулся. Она приподняла его голову, ухватившись за кучерявые волосы. Стоя, он был с ней одного роста – астронавты обычно невысоки – а когда лежал на ней, то ее голова оказывалась на уровне ее горла. Вытянувшись, она поцеловала его и удовлетворенно вздохнула.

Сейчас ее мозг снова работал четко. Мне хотелось бы влюбиться в него, сказала она себе. А почему бы и не влюбиться? Он ведь такой неуязвимый.

– Джонни, ты хоть когда-нибудь расслабляешься?

Прежде, чем ответить, он поразмышлял.

– Знаешь, о Джоне Гленне рассказывают следующую историю... – Он перекатился и оперся на локоть. – Парни из отдела космической медицины решили проверить воздействие стресса на его работоспособность. Гленн был опутан кучей проводов, идущих к различным приборам – фиксировалось биение сердца, потоотделение и так далее. Он в это время прогонял на имитаторе программу полета «Джемини». В середине программы за его спиной уронили железную чушку на железную же плиту. От грохота зазвенела вся лаборатория, где проводился эксперимент. Потом уронили еще раз и еще... А сердце Гленна продолжало тикать все так же, – палец Джонни нарисовал в воздухе индейский вигвам. – У него не дрогнул ни один мускул. Он выполнил всю программу и лишь затем сказал: «Сучьи вы дети».

Он наблюдал, как она смеялась, а затем слегка грустно сказал:

– Мы не имеем права на слабости или ошибки. – Сел. – Если мы собираемся не отклоняться от твоей программы, то нам пора вставать.

– Да. Наверное. Вставай первым.

– Хорошо, – он, нагнувшись, поцеловал ее и спрыгнул с кровати. Она услышала шум душа и в голове промелькнула мысль присоединиться к нему. Но сейчас это его не возбудит. Сейчас она сказала то, о чем упоминать не следовало. Сейчас он захлестнут воспоминаниями о своей рухнувшей карьере. Рухнувшей не из-за допущенной им ошибки, а потому, что Америка ушла из космоса.

Халат она обнаружила там, где он оставил его для нее. Предвидение. «Мы не имеем права на слабости или ошибки». Если ты что-то делаешь – делай это вовремя и наилучшим образом. Несущественно, какое именно дело ты делаешь – ползешь ли по потерпевшему катастрофу «Скайлэбу», восстанавливая его в условиях орбитального полета или занимаешься любовью – делать все надо так: КАК НАДО. И делать без суетни.

Они познакомились в Хьюстоне, где Джонни Бейкер, работающий в комитете по астронавтике, был назначен сопровождающим для сенатора Джеллисона и его свиты. У Бейкера была жена и двое детей подросткового возраста. Он был джентльменом в полном смысле этого слова и, когда сенатору пришлось неожиданно уехать, пригласил Маурин вместе пообедать. И целую неделю, пока сенатор пребывал в Вашингтоне, составлял ей компанию. И были еще прогулки на катере во Флориде...

Но джентльменом в полном смысле этого слова оставался только до того момента, когда они вернулись в мотель за забытым кошельком... и до сих пор ей непонятно, кто же кого тогда соблазнил? До тех пор она еще ни разу не спала с женатыми мужчинами. А также никогда не спала с мужчинами, если не была влюблена в них. Но что там любовь! – в нем было нечто, против чего Маурин устоять не могла. У него была в жизни единственная цель, и он был способен добиваться ее осуществления абсолютно любыми способами.

А она – пока молода, хоть и побывала уже раз замужем, и не давала обета блюсти целомудрие, и... да пошли они к черту, эти навязчивые думы, девочка! Маурин быстренько скатилась с кровати и включила телевизор. Включила только для того, чтобы он злобно зашипел – чтобы разорвать цепочку горестных размышлений.

Но я вовсе не такая дрянная, как кажется.

Вопрос о его разводе решится окончательно на следующей неделе и с этим я ничего поделать не смогу. Энн об этом ничего не знает. Пока не знает. Но, может, он и не собирался с ней разводиться? Если в этом виновата я – ладно, пусть Энн ничего не знает. Пока не знает. Мы с ней по-прежнему будем добрыми друзьями.

Он не всегда был таким, сказала ей как-то Энн. До полета он был другим. До полета он был занят лишь одним: все время он был занят тренировками, а я составляла лишь маленькую толику его жизни... и все же была для него хоть чем-то. Но потом он получил свой шанс, все пошло прекрасно, мой муж стал героем, а я оказалась без мужа.

Энн случившееся непонятно, подумала Маурин. А мне понятно. Дело не в самом полете, а в том, что этот полет был ПОСЛЕДНИМ, и если ты – Джонни Бейкер, и всю свою жизнь трудился и тренировался, готовясь только к одному этому, а теперь это одно никому уже не будет нужно...

Единственная цель жизни. Примерно, как у Тима Хамнера. Джонни ведом лишь одной единственной целью и, может быть, можно принять, проникнуться этой целью – хотя бы частично. Ага: у Джонни отобрали единственную в его жизни цель, а самое важное, что совершила в своей жизни Маурин Джеллисон, была стычка с вашингтонской правительницей.

Стычка эта еще не забылась, далеко не забылась, подумала Маурин.

Аннабелл Коул – человек, свободный в своих действиях, возможностей неограниченных и совершенно непредсказуемый. Полгода назад ее встревожила угроза вымирания одного из видов улиток. Еще через полгода, возможно, встревожит угасание исполнительских традиций среди австралийских аборигенов. А сейчас ее не тревожит ничто, она лишь обвиняет всех мужчин, сколько их есть на белом свете, во всем плохом, что когда-либо случилось. И никто не смеет по-настоящему возразить. Никто не смеет – не независимо от того, на какие проблемы обращают свой взор Аннабелл Коул и ее приспешники.

Недавно Аннабелл связалась с Маурин среди ночи – понадобилась поддержка ее отца. Тогда-то Маурин и разозлилась. Аннабелл хотелось, чтобы конгресс выделил средства на исследования по созданию искусственной матки – необходимо освободить женщин от месяцев рабства, на которое обрекает их перестройка тела.

И я сказала ей, подумала Маурин, я сказала ей, что детоношение есть составляющая часть секса, и если она не хочет беременности, то ей придется отказаться и от секса. Так я ей и сказала! А у самой у меня ребенка так никогда и не было!

Конечно, папочка может разрушить некоторые важные связи, завязанные его дочерью, но уж с этой проблемой Маурин справится. Когда через полгода Аннабелл найдет новый повод для беспокойства, у Маурин будет уже достаточно сподвижников, и тогда она через назначит кого-нибудь Аннабелл встречу. Все это она уже продумала. Но беспокоит ее вот что: ощущение, что стычка с Аннабелл Коул оказалась наиболее важным делом в ее жизни!

– Я сейчас налью нам выпить, – воззвал Джонни. – А ты пока приняла бы душ – передача начнется буквально через минуту.

– Хорошо, – отозвалась она. И подумала: а он? Женатый мужчина? Создать ему условия для другой карьеры. Дать возможность удрать из комитета. Дать ему другой вариант дальнейшей жизни вместо писания мемуаров. Если он постарается – ему любое дело по плечу... Но почему же для самой себя она не может отыскать цель в жизни?

Комната выглядела типично мужской. Книги, модели боевых самолетов, на которых летал Джонни Бейкер, «Скайлэб» с поломанными решетчатыми панелями. Большая картина в раме, на которой человек в открытом космосе в раздутом, неуклюжем костюме пробирался к разрушенной панели «Скайлэба» – безликая, непривычных форм фигура. Человек не был связан с кораблем тросом, он пробирался, рискуя погибнуть, если хоть на мгновение потеряет контакт со «Скайлэбом». И была бы эта смерть в одиночестве. Под картиной висела медаль НАСА.

Напоминания о прошлом. И только о прошлом. Не было ни рисунков, ни фотографий «Шаттла», запуск которого снова отложен. И не было никакого упоминания о Пентагоне,

нынешнем месте службы Джонни. Две фотографии детей (на одной фотографии на заднем плане – Энн. Глядит со снимка с грустью и недоумением).

В поле зрения показалась рука Джонни. Рука взяла было стакан, но тут же забыл и о руке и о стакане. Маурин глядела ему в лицо, а он даже не создавал что на него смотрят. Джонни Бейкер видел только экран.

Параболические орбиты, пересекающие стабильные круговые орбиты планет. Старые фотографии комет Галлея, Брукса, Каннинггема и других, завершающиеся фотографией расплывшейся точки – кометы Хамнера-Брауна. У человека на экране, были большие, похожие на глаза насекомого очки. Человек говорил яростно и напористо:

– О, когда-нибудь столкновение неизбежно. Но, вероятно, столкнемся мы не с астероидом. Орбиты астероидов слишком близки к стабильным. Наверняка существовали астероиды, орбиты которых пересекались с орбитой Земли. Но на столкновения с такими астероидами было отведено четыре миллиарда лет, и, очевидно, данные столкновения, в основном, уже произошли. Они в прошлом – сказал человек на экране. – Они произошли так давно, что даже от кратеров следа не осталось, они выветрились – если не считать самых больших и самых недавних. Но взгляните, какие отметины астероиды оставили на Луне!

– Кометы – другое дело.

Указательный палец лектора провел вдоль нарисованной мелом параболы.

– За орбитой Плутона находятся определенные скопления веществ. Может быть, там – еще не обнаруженная нами планета... Мы даже придумали для нее имя. Персефона. В общем, какая-то масса возмущает орбиты вращающихся там громадных снеговых скоплений – и они, в шлейфе кипящих химических соединений, сваливаются прямо на наши головы. Ни одно из этих скоплений не может столкнуться с Землей, пока не пройдет насквозь почти всю нашу солнечную систему. Но когда-нибудь столкновение случится. Мы будем знать об этом заранее – примерно за год. Возможно, в нашем распоряжении будет и больше времени – если нам удастся узнать достаточно много при изучении Хамнера-Брауна.

Затем, на экране появилась антисептического вида девушка заявила, что никак не могла выйти замуж: женихи, стоило им посетить ее дом, тут же исчезали. А потом ей сказали, что изобретено новое дезинфицирующее средство для мойки унитазов – «Мыло Кальва»... И Джонни Бейкер с улыбкой вернулся на грешную землю. «Он четко гнет свою линию, не так ли?»

– Работает он хорошо. Я тебе говорила, что знакома с человеком, с которого все началось? Я имею ввиду Тома Хамнера. Познакомилась с ним на том же вечере, где был и Гарви Рэнделл. Хамнер – это не просто Маньяк. Он как раз перед этим открыл свою комету, и не мог выждать ни секунды, чтобы не поведать о ней – кому угодно.

Джонни Бейкер мелкими глотками потягивал из стакана. Затем, после долгой паузы, сказал: – По Пентагону ходят странные слухи.

– То-есть?

– Звонил Гус. Из Дауни. Похоже, с «Аполлона» снова счищают ржавчину. И при этом что-то вякают, о том, что титановый стартовый двигатель «Большой птички» будет заменен чем-то другим. Тебе что-нибудь об этом известно?

Она такими же мелкими глотками допила свое спиртное. И ощутила, как ее захлестнула волна печали. Теперь она знала, почему вчера звонили Джонни Бейкеру. Провести шесть недель в Пентагоне, шесть недель в Вашингтоне, не пытаясь повидаться с ней, а затем...

И я собиралась удивить его. Удивить приятным подарком.

– Папа пытается заставить конгресс ассигновать деньги на посылку экспедиции к комете, – сказала Маурин.

– Это правда? – спросил Джонни.

– Это правда.

– Но... – его руки тряслись. А ведь его руки никогда не тряслись. Джон Бейкер водил истребители над Ханоем, и совершаемые им маневры были всегда безупречны. Он не оставлял «МИГам» ни одного шанса. А однажды, когда не было времени вызвать врача, Джонни собственными руками выколупывал осколки из тела командира своего экипажа. Один осколок застрял в груди командира, и Бейкер вытащил его ухитрившись не затронуть артерию, и твердыми как сталь пальцами зажимал рану. А командир пронзительно кричал, и все поле наполнил глухой гул боя пушек, и руки Джонни ни разу не дрогнули.

Но сейчас эти руки тряслись.

– Конгресс не даст денег.

– Может быть даст. Русские планируют посылку такой же экспедиции. Нельзя позволить им перегнать нас, – сказала Маурин. – Чтобы сохранить мир, мы обязаны показать что у нас еще есть воля к соревнованию – в какой бы области им ни захотелось обыграть нас. И что если мы вступаем в соревнование, то выигрываем.

– Да. Меня бы меньше беспокоило, вступи мы в соревнования с марсианами. Мне скоро надо уходить. Пора. – Он отпил из стакана. Руки его вновь сделались твердыми.

Маурин зачарованным взглядом смотрела на него. Он приказа рукам перестать трястись потому что у него появилась цель. И я знаю какая это цель: я. С моей помощью попасть на этот корабль. Минуту назад, может быть, он действительно любил меня. Сейчас – нет.

– Извини, – сказал он внезапно. – Мы не много времени провели вместе, но... *это* я прошу сделать тебя. Наведи здесь порядок. Моя голова сейчас занята только одним. – Сделал большой глоток размешанного со льдом виски. Глаза его вновь вернулись к экрану. А Маурин осталось только удивляться какое богатое у нее воображение. И куда, кстати, делось добродушие Джона Бейкера?

Благодарственно-коммерческая вставка закончилась. Камера рывком переключилась на институт реактивных двигателей.

Ведя почтовый автомобиль одной рукой, Гарри Ньюкомб торопливо дожевывал последний бутерброд. Начальство выделяло ему время на обеденный перерыв, но Гарри не тратил его на еду. Это время он тратил на что-либо полезное.

День уже клонился к вечеру, когда Гарри добрался до ранчо «Серебряной долины». Как обычно у ворот он остановился. Здесь место, где открывается просвет между холмами, и можно видеть все великолепие тянущейся к востоку Хай-Сьерры. На вершинах гор блестел снег. К западу предгорья были выше, невысоко над ними светило солнце. Наконец, Гарри вышел из машины, чтобы открыть ворота. Проехав, он тщательно запер их снова. На приколоченный к столбу за воротами почтовый ящик он не соизволил обратить внимания.

По дороге он остановился, чтобы насобирать себе гранатов. Гранатовая роща началась с одного дерева и с тех пор, без всякого ухода сама собой разрослась вдоль идущего к реке склона холма. Гарри увидел, насколько увеличилась роща за те полгода, что его здесь не было. Ему стало ясно, что гранатовые деревья будут захватывать все новые участки вниз по холму. Но – там репейник. Кто кого сможет заглушить? Кто кого – Гарри и понятия не имел. Он был городским парнем.

Гарри был экс-городским парнем. Ха-ха-ха! И он будет счастлив, если больше никогда не увидит города.

Он ухмыльнулся, взвалил груз на плечо и, кренясь на сторону, пошел к входной двери. Позвонил. Скинул сумку с плеча наземь.

Еле слышное завывание пылесоса стихло. Миссис Кокс открыла дверь и улыбнулась, увидев раздувшуюся сумку у ног Гарри: «Снова к нам? Добрый день, Гарри!»

– Ага. С праздником, миссис Кокс! С праздником Почтового Хлама!

– И вас с этим праздником, Гарри. Кофе?

– Не, не задерживайте меня. Не соблазняйте меня нарушать правила.

– Свежесваренный кофе. С только что испеченными булочками.

– Ну ладно... Этому я противиться не могу, – Гарри полез в маленькую сумку, висевшую у него не боку. – Письмо от вашей сестры, из Идаго. И еще письмо от сенатора, – он передал ей письма, затем снова взвалил большую сумку на плечо, пошатываясь вошел в дом. – Куда?

– На обеденном столе все поместится.

Гарри вывалил содержимое сумки на полированный стол. Казалось, что стол сделан из одного куска дерева, и на вид ему было лет пятьдесят. Таких столов больше не делают. Если такова мебель в жилище домоправительницы, то какова же она в большом доме на вершине холма?

Почтовые отправления затопили полировку стола: просьбы о пожертвованиях от благотворительных организаций, письма от различных политических партий, письма из колледжей. Призывы участвовать во всяческих лотереях. Для участия в лотереях нужно лишь купить: граммофонные пластинки, ткани, книги. «ВЫ МОЖЕТЕ ВЫИГРАТЬ! ДОБАВОЧНЫЕ СТО ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ!» Религиозные трактаты. Политические лекции. Брошюры по налоговой политике. Образчики мыла, зубной пасты, моющих средств, дезодорантов.

Алис Кокс внесла кофе. Ей было только одиннадцать, но ее уже смело можно назвать прекрасной. Длинные светлые волосы. Голубые глаза. Доверчивая девочка, в этом Гарри убедился, когда в свободное от служебных обязанностей время присматривался к ней. Но она в праве быть доверчивой: никто здесь не обидит ее. В автомобилях большинства мужчин, живущих в Серебряной долине, покачиваются в ременных петлях винтовки. И эти мужчины преотлично знают, как следует поступать со всяким, кто вздумает обидеть одиннадцатилетнюю девочку.

И это – в частности – тоже нравилось Гарри (ему многое нравилось в Серебряной долине). Нравилась не угроза насилия – Ибо Гарри ненавидел насилие. Нет, ему нравилось, что это была *лишь угроза насилия*. Винтовки вытаскивались из своих петель лишь для охоты на кабанов (необязательно в охотничий сезон, закон нарушался, если жителям ранчо хотелось свежего мяса или если кабаны вытаптывали посевы).

Миссис Кокс внесла булочки. Когда Гарри игнорировал правила и доставлял почту прямо на дом, его очень часто пытались угостить кофе или едой. Кофе у миссис Кокс не самый лучший, но уж чашки, безусловно, прекраснейшие во всей долине: тонкий китайский фарфор. Такая чашка, пожалуй, слишком хороша для почтальона – полухиппи. В первый раз, когда Гарри посетил этот дом, он, стоя в дверях, выпил воды из оловянной кружки. А теперь он сидит за превосходной работы столом и пьет кофе из китайского фарфора. Добавочная причина радоваться тому, что он уже не городской парень.

Он торопливо допил кофе. На свете существует еще одна девочка, – блондинка – Но ей уже больше одиннадцати, с ней все законно, и в ее доме тоже отмечаются праздники. Она – дома. Для Гарри Донна Адамс всегда дома. «Почта здесь в основном для сенатора», – сказал Гарри.

– Да. Но он сейчас в Вашингтоне, – ответила миссис Кокс.

– Но он скоро вернется, – мелодично пропищала Алис.

– Хотелось бы, чтобы он там не задерживался, – сказала миссис Кокс. – Это очень мило – когда сенатор находится здесь. Тогда нас все время посещают люди – одни уходят, другие приходят. Очень важные люди. В большом доме оставался на ночь сам президент. В тот раз была большая суматоха; все ранчо было заполнено людьми из секретной службы, – она засмеялась, и Алис тоже захихикала. Гарри посмотрел на них, не понимая. – Как будто

кто-нибудь в этой долине мог покуситься на президента Соединенных Штатов, – пояснила миссис Кокс.

– А вот я думаю, что ваш сенатор Джеллисон – просто миф, – сказал Гарри. – Я развожу почту по этому маршруту уже восемь месяцев, и еще ни разу не видел его.

Миссис Кокс внимательно оглядела его – с ног до головы. Внешне вполне милый паренек, но миссис Адамс утверждает, что ее дочь уделяет ему чрезмерно много внимания. Волосы у Гарри длинные, вьющиеся темными волнами, такие волосы хорошо бы подошли девушке. Еще у него очень красивая борода. А усы – настоящее произведение искусства. Наверное, Гарри их завивает и чем-то Умачивает: длинные усы его на концах закручивались маленькими колечками.

Он может отрачивать свои волосы сколько угодно, подумала миссис Кокс, но он такой тощий и маленький. Он не такой крупный, как, например, я. И – в который раз удивилась: что только нашла в нем Донна Адамс? Может быть причина – в машине. У Гарри спортивный автомобиль, а все местные парни – подобно их отцам – водят пикапы.

– Возможно, вы очень скоро повстречаетесь с сенатором, – сказала миссис Кокс. Ее слова (хотя Гарри об этом и не подозревал) служили знаком чрезвычайного благоволения: миссис Кокс весьма заботило, кто именно встречается с сенатором. Алис начала рыться в возвышающейся на столе грудке разноцветных конвертов:

– Как их на этот раз много. Тут за сколько времени?

– За две недели, – сказал Гарри.

– Ну спасибо вам, Гарри, – сказала миссис Кокс.

– И от меня спасибо, – добавила Алис. – Если б вы их не доставили прямо на дом, тащить все это пришлось бы мне.

Гарри вернулся к автомобилю. Поехал далее вдоль длинной улицы. Снова остановился, чтобы полюбоваться Хай-Сьеррой. И поехал к другому ранчо – добираться туда еще добрых пол мили. Сенатор – владелец обширного поместья, хотя немалая часть его земли представляет собой лишь пустоши, усеянные сусликовыми норками. Хорошие здесь места, но не хватает воды для ирригации.

Возле ворот (ворота эти принадлежали Джорджу Кристоферу) росла апельсиновая роща – и творилось там что-то невероятное, невообразимое. Вероятно, Кристофер окуривает деревья, решил Гарри. Гарри открыл ворота, и Кристофер тяжелой походкой направился ему навстречу. Кристофер был толст – ростом с Гарри, зато раза в три объемистее. И шея у него была толстая. Он был лыс (и лысина загорелая), хотя ему вряд ли было много за тридцать. На нем были клетчатая фланелевая рубаша, темного цвета брюки и заляпанные грязью ботинки.

Гарри вылез из автомобиля, вытащил сумку и поставил рядом с собой. Кристофер нахмурился. «Снова праздник Почтового Хлама, Гарри?» Он оглядел длинные волосы и экстравагантно оформленную бородку почтальона и нахмурился еще пуще.

Гарри в ответ оскалил зубы в улыбке. «Ага. Праздник Почтового Хлама. Через каждые две недели – как часы. Я занесу это в дом.»

– Вы не обязаны этого делать.

– А мне нравится это делать. – Здесь не было миссис Кристофер, но у Джорджа было сестра, примерно одного возраста, что и Алиса Кокс, и она любила поболтать с Гарри. Очень красивая маленькая девочка, с которой приятно беседовать. И всегда у нее полно новостей о том, что делается в долине.

– Отлично. Не забудьте о собаке.

– Будьте уверены, – Гарри не боялся собак.

– Интересно весьма, что вкладывается в вашу голову наша рекламная индустрия? – спросил Кристофер.

– А я устрою с ними обмен, тоже засыплю их. Вопросами, – сказал Гарри. – Почему правительство снижает им налоги, так что у них появляется все больше возможностей отнимать у них попусту время? И почему не снижает ваши налоги?

Кристофер перестал хмуриться. Он уже почти улыбался.

– Задайте им эти вопросы, Гарри. На этом свете стоит сражаться только за безнадежные дела. А дело налогоплательщика, считай, теперь почти безнадежное. Я закрою за вами ворота.

Конец дня. Работа закончена. Гарри зашел в сортировочную – она расположена в заднем конце здания почты. К столу Гарри была приколотая кнопкой записка.

«Гар... в смысле волосатик! Волчище желает тебя видеть. Джина!!!»

Джина стояла у длинного стола где сортировались письма. Она высокая, черноволосая, широкая в кости, держится очень прямо. Единственная брюнетка – насколько известно Гарри – на всю долину. Гарри подмигнул ей, затем постучал в дверь управляющему.

Когда он вошел, мистер Волк холодного уставился на него.

– Поздравляю с Праздником Почтового Хлама, Гарри, – сказал наконец мистер Волк.

Бемц! Но Гарри улыбнулся:

– Спасибо. И вас с Праздником Почтового Хлама, сэр.

– Не смешно, Гарри. Зачем вы это делаете? Для чего вы отбираете коммерческую почту и храните ее – чтобы разом развести ее в один день... через каждые две недели?

Гарри пожал плечами. Он бы мог дать объяснение: сортировка того, что он называл «почтовым хламом» занимала так много времени, что не оставалось никакой возможности поболтать с клиентами. Вот поэтому он и начал сваливать «хлам» в одну кучу. Все началось именно таким образом, но адресатам эта шутка понравилась.

– Всем это нравится, – извиняющимся голосом сказал Гарри. – Люди могут прочесть сразу все. Или просто отправить одним махом всю кучу в камин.

– Это незаконно – препятствовать работе государственной почты, – сказал Волк.

– Если кто-либо возражает, я вычеркну его из списка празднующих День Почтового Хлама, – сказал Гарри. – Но мне кажется, что моим клиентам этот день очень по нраву.

– Но не миссис Адамс, – сказал Волк.

– А!.. – Очень плохо. Не будет Праздника Почтового Хлама – и у Гарри не будет предлога заходить в дом Адамсов и беседовать с Донной.

– Вам придется доставлять коммерческую почту так, как это предписывают правила, – заявил Волк. – По мере ее поступления. Не надо накапливать ее. Праздник хлама должен быть отменен.

– Хорошо, сэр. Какие еще изволите дать указания?

– Сбрейте свою бороду. Постригите короче волосы.

Гарри замотал головой. Он знал, что на этот счет гласят правила.

Волк вздохнул.

– Гарри, вы просто не понимаете, что это такое быть почтальоном.

Кабинет у Эйлин Сьюзан Ханкок маленький, тесный, но все же – кабинет. Не один год она проработала, чтобы получить свой собственный кабинет. Раньше у нее был только стол. Кабинет доказывал, что она – нечто большее, чем просто секретарша.

Она работала, нажимая кнопки калькулятора, хмурилась. Потом от внезапно мелькнувшей мысли журчаще рассмеялась. А мгновением позже поняла, что в дверях стоит Джо Корриган.

Корриган шагнул в кабинет. Верхняя пуговица на брюках его опять была не застегнута – и всем это видно. Его жена не разрешает ему покупать брюки большого размера. Она не оставляет надежду, что он еще похудеет. Корриган засунул большие пальцы за пояс и уставился на Эйлин несмешливым взглядом.

Эйлин оборвала смех. Снова принялась считать на калькуляторе, и теперь она даже не улыбалась.

– О'кей, – сказал Корриган. – Как идут дела со штамповочной линией?

Эйлин взглянула на него расширившимися глазами: – Что? О, нет. Пока я ничего вам сказать не могу.

– Думаете, если заморочите мне голову, так захватите контроль над компанией? Так? Ибо: линия не работает. Я это проверил. – Корригану нравилось наблюдать за ней, нравились подобные сцены. Эйлин относилась к породе людей «все или ничего». Либо она была очень серьезной и полностью погружена в работу, либо веселилась от всей души.

– О'кей, – вздохнул Корриган. – Выдам вам один секрет. Вам предстоит повышение. Дело в том, что Роберт Джестон подписал контракт.

– Вот как? Это хорошо.

– Ага. И отсюда следует, что теперь нам придется труднее. А облегчить нам может... в общем, В качестве первого шага вы назначаетесь помощником генерального директора. Если вам по душе эта работа.

– О, она мне по душе. Спасибо, – улыбка вспышкой осветила ее лицо – такая короткая вспышка, словно молния, гаснувшая прежде, чем успеваешь заметить ее. И Эйлин снова нагнулась над калькулятором.

– Я знаю, что она вам по душе. Потому я и повысил вас. Я уже вызвал рабочих, оборудовать для вас новый кабинет. Я им сказал, что когда закончат подготовительные работы, пусть проконсультируются с вами. – Корриган уселся всей своей тушей на край стола. – Итак. У меня был для вас секрет. Сюрприз. А в чем заключается секрет вашего смеха?

– Я забыла, – сказала Эйлин. – Зато я закончила работу над теми сметами. Так что можете захватить их и отнести Бейкерсфилду.

– О'кей, – сказал Корриган. И – разбитый на голову – отправился обратно в свой кабинет.

Если б он знал, подумала Эйлин. Ей захотелось рассмеяться, но она сдержалась. Нет, правда, ей не хотелось бы дразнить Корригана. И она подумала: Что ж я сделала это. А Робин прелесть. Он не лучший в мире любовник, да он на это и не претендует. Вот как он намекнул ей о повторном свидании. «Любовникам нужна практика, – вот что он сказал. – Во второй раз всегда получается лучше, чем в первый.»

Данный вопрос остался открытым. Может быть, да – может быть, она переспит с ним еще раз, но скорее всего, нет. Он без обиняков сказал ей, что он женат. До сих пор она это только подозревала.

Никогда у нее не возникало и намек на мысль, что ее личная жизнь может как то повлиять на жизни деловую. Но он не подписал контракт с Корригановской компанией сантехнического оборудования – а это очень большая сделка. И теперь она себя ощущала очень странно. И хотелось понять, отнеслась бы она с таким безразличием к выявленному семейному статусу Робина, не ожидай, что он заключит контракт. А он – подписал.

И вот она сидит здесь, складывает числа, перекладывает бумаги, и внезапно она спросила себя: какое значение имеет ее работа для водоснабжения и канализации? Я не произвожу труб. Я их не прокладываю. Я вообще не имею дела с трубами, я даже не указываю другим, где следует прокладывать эти трубы. Все что я делаю – это перекладываю бумаги.

И это – немаловажная работа. Она упорядочивает хаос. Эйлин может ошибиться. Это может быть случайная оплошность, а может быть преднамеренной ошибкой. От мельчайшего прикосновения ее пера тысячи материалов и оборудования будут посланы с одного конца Земли на другой. Но к творчеству ее работа не имеет никакого отношения. Работа у Эйлин ничуть не более творческая, чем у тех, кто двигает вперед цивилизацию, или занимается взысканием налогов... или скажем у кочегара... на дизельном топливе.

Мистер Корриган, вероятно, весь день будет ломать голову, чем был вызван внезапный взрыв ее смеха, и невозможно объяснить ему причину этого смеха. Просто смех овладел ею – неожиданный и непреодолимый: то, чем она занималась прошлой ночью с Робинсом Джестоном, было более, чем что-либо в ее жизни, связано – непосредственно связано! – с делом водоснабжения и канализации.

О том, что автомобиль украден, узнают еще не скоро. Несколько часов, во всяком случае, есть – в этом Алим Нассор был совершенно уверен. Настолько уверен, что мог бы просидеть в этом автомобиле хоть десять добавочных минут. Раньше Алим Нассор был великим человеком. Когда он снова станет великим, ему придется скрывать то, что он сейчас делает.

До того, как он стал великим, его звали Джордж Вашингтон Карвер Дэвис. Его мать очень гордилась этим именем. Она рассказывала, что остальные члены семьи хотели назвать его иначе: Джефферсоном Дэвисом. Дурачье: это было бы неудачное имя, в нем не чувствовалось силы. Потом у Алима Нассора было множество других имен – уличные клички. Матери эти имена не нравились. Когда она выгнала, наконец, его, он принял свое теперешнее имя.

В арабском и суахили «Алим Нассор» означает «Мудрый завоеватель». Не многие знают смысл его имени – так и что из того? Это имя пропитано силой. В «Алиме Нассоре» несравненно более силы, чем в «Джордже Вашингтоне Карвере». Об Алиме Нассоре писали газеты. Он запросто заходил в здание городского муниципалитета – заходил, чтобы посмотреть, что там делается. Он получил на это право после того, как прекратил бунты. Он – в туфлях, украшенных бритвенными лезвиями и с цепью, обмотанной вокруг талии. И были деньги; деньги, которые можно было грести лопатой. Деньги государства. Все, что угодно, лишь бы в черном гетто вновь стало спокойно. Это была чертовски хорошая игра, а закончилась она весьма скверно.

Он тихо выругался. Мэр Бентли Аллен. Черный мэр Лос-Анджелеса – этот чертов Дядя Топ перекрутил все каналы, все возможности. И этот глупый черный конгрессмен, сукин сын, которому все было мало... Нет, он, эта задница, внес всех своих родственников в платежную ведомость города. Всех до единого – что и обнаружил тот траханный репортер телевидения. В наши дни черный человек, занявшийся политикой, должен иметь незапятнанную, безупречно белую репутацию.

Ладно, та игра закончилась, и нужно было начинать снова. Он и начал. Одиннадцать дел, и каждое сработано превосходно. Они принесли... что? Добыча составила за четыре года четверть миллиона долларов. А скупщики краденого выдали за нее лишь менее ста тысяч. Значит, каждый из четырех заработал за четыре года только двадцать тысяч. Это даже нельзя назвать заработком! Подумать только: часть денег ушла на подкуп служителей закона. Но даже без этого – пять тысяч за год?

Это дело будет тринадцатым. Оно не займет много времени. Сейчас в кассе магазина должны быть деньги. Много денег. Алим ждал – он всегда точно чувствовал время. Из дверей вышли двое покупателей. На улице больше никого не было.

Ему не нравилось то, чем он вынужден сейчас заниматься. Ему не по душе проливать кровь. Он постарался вбить в головы своих сподвижников, что хоть раньше игра и была хорошая, но продолжи он ее – и ему пришлось бы оставить их, своих братьев, в одиночестве. Неизвестно, что думают братья о нем сейчас. Но он загнан в угол и ему приходится действовать быстро.

Все подготовлено, он берег этот вариант на крайний случай, и вот он – мать его так и этак! – крайний случай. Служители закона, вероятно сразу припишут это дело ему, но и юристы и сыщики хотят кушать, причем кушать именно сейчас, а не когда-нибудь в будущем. Идиотизм: грабить магазин, чтобы иметь возможность заплатить легавым за то, чтобы они не

преследовали его за ограбление магазина. Ничего, когда-нибудь положение дел изменится. Он, Алим Нассор, сделает так, чтобы положение дел изменилось.

Почти время. Две минуты назад один из его братьев добровольно отдался в руки полиции, нарушив уличное движение в четырнадцати кварталах отсюда. Значит, один свинячий патрульный автомобиль – не в счет. Двадцать минут назад чуть пострелял, и сестра позвонила об этом в полицию. Туда был послан второй патрульный автомобиль. А их – полицейских автомашин – всего две. Районы, где живут черные, патрулируются не так тщательно, как районы, где живут богатеи. Черные меньше полагаются на полицию. А, может, просто не знают, как надо подлизаться – вылизать задницу! – муниципалитету.

Иногда ему приходилось использовать до четырех способов отвлечения полиции одновременно. Лучше всего организовать уличные пробки. Для этого нужно только дать ребятам на мелочишку, и они затеют игры посреди улицы. Алим Нассор был прирожденным лидером. И попадал под арест он только в юности – если не считать того случая, когда навстречу попался вышедший из прачечной самообслуживания легавый... А ведь он был не на дежурстве: он, этот негр – полицейский, просто зашел в прачечную... Кто бы мог подумать, что этот брат был легавым? По сию пору не понятно, почему он, Алим, не выстрелил. Но, как бы то ни было, он не выстрелил. Он просто заскочил в переулок и избавился от пистолета, маски и сумки: пусть заботу о них примут на себя те, кто служит закону. Конечно, доказательством его вины могли бы служить показания ограбленного лавочника, но существовали способы объяснить ему, что показаний давать не следует...

Пора. Алим вылез из автомобиля. Маска походила на лицо. С расстояния десяти шагов никто вообще б не понял, что это маска. Пистолет не виден – укрыт под плащом. Через пять минут после того, как дело окажется сделанным, плащ и маска будут выброшенными. Мысли Алима сконцентрировались на одном, сейчас для него не существовало ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Он перешел перекресток. На улице – никаких раззав – пешеходов, ничего привлекающего внимание. Магазин – пуст.

Все прошло отлично. Никаких затруднений. Деньги уже были в кармане, и Алим шел к выходу, когда в магазин вошел брат.

Этого человека Алим знал не один год. Что понадобилось ублюдку в этой части города? Никто из Бойли-Хайте не должен находиться здесь – за Уоттсом! А, дерьмо... Брат узнал его. Может, по походке, может, еще как-нибудь, но *узнал*.

На то, чтобы все осознать и взвесить, ушла лишь секунда. Алим развернулся, прицелился и выстрелил. Второй выстрел – для верности. Человек упал. Глаза старика, владельца магазина – расширились от ужаса, и Алим выстрелил еще три раза подряд. Одним ограблением больше, одним меньше – это ничего не меняет. Но когда происходит убийство, легаша начинают копать изо всех сил. Лучше не оставлять свидетелей. Но – скверно вышло.

Быстрыми шагами он вышел наружу – но не к украденной автомашине, стоявшей на той стороне улицы. Торопливо прошел пол квартала, свернул в переулок, прошел его и оказался на параллельной улице. Руки у него тряслись – отзвук единственной в своем роде, сохранившейся с древнейших времен дрожи. Человек стал человеком, когда стал использовать дубину. А огнестрельное оружие есть та же дубина, только усовершенствованная. Примерься, сожми кулак, и если враг достаточно близко, чтобы разглядеть его лицо – ударь! Ударь или выстрели. Так чтобы враг лег трупом. Сила! Власть! Хотя Алим знал и таких, кого бы скрутило от подобной мудрости.

Брат Алима (сын его матери, а не просто брат по крови) ждал его в машине. Чистой машине, ничем не запятнанной в глазах закона. Поехали – на нужной скорости, достаточно быстро, чтобы не привлекать внимания и достаточно медленно, чтобы не влететь в аварию.

– Пришлось убирать двоих, – сказал Алим.

Гарольд вздрогнул, но голос его звучал ровно:

- Плохо. Кто они были?
- Никто. Так, мелочь.

МАРТ: ДВА

Большинство астрономов полагает, что кометы в совокупности образуют громадное скопление, окружающее солнечную систему. Это скопление, вероятно, простирается на половину расстояния, отделяющего солнечную систему от ближайшей звезды. Голландский астроном Й.Х.Оорт, по имени которого названо скопление, считает, что оно, вероятно, состоит из 100 миллиардов комет.

Брайен Маргден. Смитсоновский институт.

Разместились в Зеленом зале. Двое прислужников и на удивление миленькая распорядительница наполняли стаканы, как только они пустели. Именно поэтому Тим Хамнер выпил больше чем обычно. Кстати, подумал он, я богаче Арнольда. Во всех смыслах богаче. Арнольд, – писатель, книги которого расходятся мгновенно, и Арнольд никогда не беседовал на темы, не имеющие отношения к его книгам. Когда Тим сказал ему, что Хамнер-Браун уже видна невооруженным глазом, Арнольд не понял о чем идет речь. Когда Тим объяснил ему, Арнольд возжелал встретиться с Брауном.

Один из прислужников подал знак, и Тим встал на расползающихся ногах. Похоже, недавно лестница была не такая крутая. Но – добрался. Как раз вовремя, чтобы услышать окончание профессионально гладкого монолога Джонни и звуки аплодисментов слушателей.

Джонни был в отличной форме. Сейчас он обменивался шутками с остальными гостями. Тим вспомнил, что Шарпс из ИРД выступал с лекцией посвященной кометам (сам видел по телевизору). И что Джонни, похоже, обладает немалыми познаниями в области астрономии. Выделялась еще одна гостья: величественная престарелая дама. Огромная грудь его была усыпана драгоценностями. Двадцать лет назад она обогатила английский язык новым выражением. Дама все время прерывала остальных, отпуская шуточки И шутки ее были до невозможности плоскими: дама была совершенно пьяна. Тим вспомнил, что зовут ее Мэри Джейн, и что никто более не упоминает ее сценический псевдоним. Учитывая ее возраст и вес, это было просто неприлично.

Тима пронизал мгновенный ужас – ужас знакомый каждому, кому приходилось выступать перед аудиторией. А потом Джонни обернулся к нему и спросил: «Как вам удалось открыть комету? Жаль, что этого не сделал я». – Произнес он это с очень серьезным видом.

– Вам бы не хватило на это времени, – сказал Тим. – Для этого нужны годы. Иногда десятилетия, и нет никакой гарантии, что удастся сделать открытие. Приобретаешь телескоп и с его помощью начинаешь наблюдать небо, запоминаешь расположение звезд и прочих небесных тел... а затем проводишь в наблюдениях каждую ночь, и ничего нового не видишь, а зад у тебя отморожен. В горной обсерватории холодно.

Мэри Джейн что-то сказала. Джонни насторожился, но старался не показывать этого. Звукооператор (на голове – наушники телефонов) махнул ему рукой.

– Вам нравится быть владельцем кометы? – спросил Джонни.

– Половины кометы, – автоматически сказал Тим. – Нравится.

– Ему не долго оставаться ее владельцем – сказал доктор Шарпс.

– А? Как это? – повысил Тим голос.

– Владеть ею будут русские, – сказал Шарпс. – Они посылают «Союз», чтобы провести наблюдения за кометой с близкого расстояния. Когда они это сделают, комета будет принадлежать их.

Это было ужасно.

– Но разве мы ничего не можем сделать? – спросил Тим.

– Конечно, можем. Мы можем запустить «Аполлон» или какой-либо более современный корабль. Мы можем загрузить этот корабль оборудованием, которое пока-что ржавеет без пользы. Мы даже уже провели подготовительные работы. Но – деньги кончились.

– Но что вы предприняли, – спросил Джонни, – если б у вас были деньги?

– Мы могли бы провести наблюдения прохождения Земли через хвост. Позор, что американцы больше не интересуются вопросами технологии. Самое большее, что нас заботит – проработает ли без ремонта электронож из набора инструментов для вырезания? Вы когда-либо задумывались, в какой степени мы зависим от вещей, в которых никто из нас не разбирается? – Шарпс драматически обвел рукой всю студию телевидения.

Джонни начал было говорить – о домохозяйке, для которой работа с домашним компьютером превратилась в хобби – но раздумал. Люди, приглашенные на студию, слушали. Царила не нарушаемая никем тишина – с давних пор Джонни научился расценивать такую тишину как знак уважительного внимания. Люди хотели слушать Шарпса. Может быть, сегодня у телевизионщиков будет удача, будет снят один из тех фильмов, которые показывают снова и снова, приурочивая к воскресеньям и разным датам...

– Я не говорю, например, о телевидении, – продолжал Шарпс. – Но – вот стол. Верх у него пластмассовый. Что такое пластмасса? Кто-нибудь из вас знает как ее делают? Или как делают карандаши? Еще меньше – намного меньше – мы знаем о производстве пенициллина. Вся наша жизнь зависит от этих и других вещей, и никто из нас не знает как их делают. Или знает очень мало. В том числе и я.

– Я никогда не понимала, почему застегиваются застёжки бюстгальтера, – сказала Мэри Джейн.

Джонни подпрыгнул. Постарался вернуть общее внимание к Шарпсу.

– Но скажите мне, Чарли, что полезного может дать изучение этой кометы? Как это изменит нашу жизнь?

Шарпс пожал плечами:

– Может и никак. Вы спрашиваете, что полезного может дать новое исследование? И все, что я могу ответить, это: такие исследования *всегда* оправдывают себя. Хотя, может быть и не тем путем, как предполагалось заранее. Кто предполагал, что программа космических исследований приведет к созданию – ни много, ни мало! – новой медицинской технологии? Но именно так и случилось. Спасена жизнь тысячам людей – потому что была изобретена новая аппаратура. Специально для астронавтов. Джонни, вы когда-нибудь слышали о Римском клубе?

Джонни-то слышал, но остальные нуждались в пояснении:

– Это люди, которые, в частности, проиграли в компьютере следующую ситуацию: как долго мы сможем двигаться по пути прогресса при выявленном уровне природных ресурсов? И даже если принять, что прирост населения равен нулю...

– Они утверждают, что мы приближаемся к концу, – перебил Шарпс, – и что это *глупо*. Мы идем к концу только потому, что нам не позволяют *по – настоящему использовать технологию*. Они утверждают, что запасы металлов истощаются. Между тем в одном маленьком астероиде содержится больше металла, чем добыто было во всем мире за последние пять лет! Кстати: насчитывается *сотни тысяч* астероидов! Все, что нам нужно сделать, это добраться до них.

– А мы можем это сделать?

– Еще бы! Мы способны на это даже с имеющейся уже, в настоящее время, технологией. Джонни, о космосе можно сказать так: вот вкусный суп, а мы даже не знаем, в какой кастрюле этот суп варится.

Публика, собравшаяся на студии телевидения заплодировала. Заплодировали без всякой команды на то помощники режиссера. Джонни одобрительно улыбнулся Шарпсу и

быстро прикинул, как будет дальше развиваться программой. Но в это время раздался громкий звуковой сигнал: пора показывать фильм рекламу, восхваляющий «Мыло Кальва».

После показа рекламы программа продолжилась. Когда Шарпс продолжил свое выступление, речь его стала еще более динамичной. Он размахивал тонкими, костлявыми руками – руки крутились словно крылья ветряной мельницы. И говорили о многом – в том числе и о ветряных мельницах. И о том, какое громадное количество энергии изливает на нас Солнце каждый день. И о том, какими виделись солнечные вспышки команде «Скайлэба».

– Джонни, самая маленькая вспышка обладала достаточной энергией, чтобы уничтожить всю нашу цивилизацию! Да так, что это цивилизация не смогла бы после этого возродиться на протяжении сотен лет! А идиоты еще что-то толкуют на счет рока!

Тим Хамнер оказался в стороне, Джонни нужно было вовлечь его в разговор. Хамнер сидел, кивал: очевидно, ему доставляло удовольствие речь Шарпса. Джонни осторожно навел ученого снова на разговор о комете, затем углядел возможность:

– Чарли, вы сказали, что русские намерены провести наблюдение Хамнера-Брауна с близкого расстояния. Что значит «с близкого расстояния»?

– С весьма близкого. Земля определенно пройдет через хвост кометы. Я уже объяснял, почему сейчас невозможно сказать, как близко от нас окажется голова... но она будет очень близко. Если повезет, она окажется не дальше Луны.

– Я бы не сказала, что это «повезет» – вставила Мэри Джейн.

– Тим, это ваша комета, – сказал Джонни, – может ли Молот-Браун действительно столкнуться с нами?

– Она называется Хамнер-Браун, – поправил Тим.

– О, – Джонни рассмеялся. – Как я сказал? Молот? Ну, если она ударит в нас, то и будет – молот. Не так ли?

– Вам виднее, – сказал Чарли Шарпс.

– Но если столкновение произойдет, то что тогда будет? – спросил Джонни.

– Что ж, найдено достаточно следов, оставленных метеорами, – сказал Тим. – Метеорный кратер в Аризоне достигает почти мили в диаметре. Вридеворт в Южной Африке так велик, что увидеть его можно только с самолета.

– И это еще *маленькие* кратеры, – добавил Шарпс. Взоры всех присутствующих обратились к нему. Шарпс ухмыльнулся. – Вы никогда не обращали внимания на то, что Гудзонов залив имеет округлую форму? И японское море тоже.

– Это следы столкновения с метеорами? – спросит Джонни. И сам ужаснулся своей догадке.

– Многие ученые полагают, что да. И еще: когда-то поверхность Луны была расколота вследствие столкновения с каким-то большим небесным телом... Четверть поверхности Луны покрыта так называемым океаном, который представляет собой лавовое море. Лава вылилась из раскола, появившегося в следствии столкновения с большим астероидом.

– Разумеется мы не знаем, к чему может привести столкновение с Хамнер-Брауном, – сказал Тим.

– Может быть, когда-то мы это выясним, – заявила Мэри Джейн. – И лучше до того, как с чемнибудь столкнемся. Как, например, с этой кометой.

– А вот это – лишь вопрос времени, – сказал Шарпс. – Дайте достаточно продолжительный период – и вероятность столкновения с кометой превратиться в достоверность. Но не думаю, что именно Хамнер-Браун должна вызвать у нас беспокойство.

Генри Армитаж был телевизионным проповедником. Прежде он выступал по радио, но потом один из слушателей, обращенных им в истинную веру завещал ему десять миллионов долларов. Теперь Армитаж владел собственным журналом. Кроме того, он был владельцем телевизионных программ, показывавшихся в доброй сотне городов, и редакции. Редакция

также размещалась в тщательно спланированном комплексе зданий построенных в Пасадене. Комплекс также принадлежал Армитажу.

Если вернуться к проповеднической деятельности, то Генри Армитаж много писал для своего журнала. Помимо этого, он постоянно принимал участие в работе редакции. И ему казалось, что в сутках – слишком мало часов. Он специализировался на трудностях, переживаемых этим миром. Он знал, что они обозначают – они предвещали наступление веселых времен.

«И ученики спросили учителя:» Скажи нам, когда все это исполнится? И что будет предвещать пришествие твое и наступление конца света?»

» И Иисус ответил и сказал им: «Будьте осторожны, и постарайтесь, чтобы никто не смог обмануть вас. Ибо многие будут приходить во имя мое и будут говорить:» Я – Христос»и многие будут обмануты ими «.

Генри как-то видел полицейскую повестку (Инье-Кантри, штат Калифорния). Заголовок гласил:» Чарльз Мэнсон, называющий себя так же Иисусом Христом, Богом «.

» И вы услышите разговоры о войне и услышите грохот войны. И пусть это не пугает вас, ибо все это проходящее, и не означает еще конца света. Но народ поднимется против народа, и царство против царства, и в разных местах Земли будет голод, и будут болезни, и будут землетрясения.

Евангелие от Матфея было излюбленным евангелием Генри. И это было самое любимое его произведение во всей библии. Разве не наступили времена, предсказанные Христом? Знаки их наступления видны по всему миру.

Он сидит за столом. Дорогостоящий стол. Телевизора не видно: его скрывает панель, отодвигающаяся, если нажать кнопку. Долгий путь отделяет Генри от маленькой, в одну комнату, церкви в городе Идаго – там он начинал. В тридцатых годах. Церковь была сооружена из дерева и всегда чисто вымыта. А теперь... Показная роскошь иногда вызывала беспокойство Генри, но богатые жертвователи настаивали на роскоши. Их не интересовало, что Генри и его жена предпочли бы более простую обстановку.

Генри писал передовицу, но – вдохновения он не чувствовал. Давая себе урок смирения, он включил телевизор. Показывали какое-то интервью. Урок заключался в том, чтобы видя пустоту и легкомыслие тех, кто кривляется сейчас на экране, не ненавидеть их. А это тяжело. Очень тяжело...

Что-то привлекло его внимание. Камера показывала высокого тощего мужчину в спортивной, в «елочку» куртке – мужчина размахивал руками. Генри понравилась его техника выступления: из него получился бы хороший проповедник. Нужно сконцентрироваться на самом себе (человек в куртке так и делал), и тогда сказанное дойдет до слушателей.

Мужчина говорил о комете. Комета. Знак, подаваемый небесами? Генри знал, что такое комета. Но то, что они принадлежат к миру естественного, еще не означает, что их появление не предвещает чуда. Генри приходилось видеть многих людей, исцеленных молитвами, а доктора после того, как все свершилось, пытались так сказать, «объяснить» сверх естественное.

Комета. Комета, которая пройдет очень близко от Земли. Может быть, это и есть последний окончательный знак? Он пододвинул к себе желтый разлинованный лист и начал писать печатными буквами, крупно и неряшливо. Писал, попеременно хватая любой из дюжины карандашей, лежавших перед ним. Он уже исписал три листа, когда, наконец, понял, каким должен быть заголовок, и вернулся к первой странице.

Через две недели его журнал будут читать в полумиллионе домов, разбросанных по всему свету. А поперек обложки журнала огненно красными огромными буквами будет выведен заголовок статьи: МОЛОТ БОЖИЙ.

И для телевизионной программы этот текст тоже будет очень хорош. Генри писал – неистово, чувствуя почти тоже самое, что он ощущал сорок лет назад, когда впервые начал понимать по-настоящему Матфея, главу 24. Когда понес свое знание в мир, в не желающий ни о чем заботиться мир.

Молот Божий призван покарать этот своенравный мир, катящийся к упадку мир. Генри писал – безостановочно, яростно.

АПРЕЛЬ: ОДИН

*От ярости норвегов
сохрани нас, Господи.
От великой кометы
Охрани нас Господи.
Средневековая молитва.*

Такси с Тимом Хамнером подъехало одновременно к ИРД с вездеходом Гарви. Гарви выругался, глядя, как Тим дал водителю двадцатку и взмахом руки отослал его прочь. Но когда увидел, что Тим направился к нему, тут же заулыбался самым умильным образом.

Вид у Хамнера был глуповато-покорный.

– Понимаете Гарви, я обещал, что не буду вмешиваться... и не вмешивался. Но на том телеинтервью я встретился с Шарпсом.

– Да, я видел, – сказал Гарви. – Шарпс был великолепен.

– Конечно, он был великолепен, – подтвердил Хамнер. – И мне захотелось снова встретиться с ним. Я позвонил в ИРД и мне сказали, что вы подъедите сюда, чтобы взять интервью. Гарви, давайте пойдем вместе.

Гарви охватил гнев, но к заказчику следует относиться уважительно.

– Разумеется.

Чарлин, сопровождающая, уже ждала Гарви, и не выразила никаких чувств, обнаружив в составе команды телевизионщиков неприглашенного Тима Хамнера. Кабинет Шарпса выглядел также, как раньше. На столе громоздились книги. Вместо перфокарт «Ай-Би-Эм» была расстелена большая диаграмма. Состав исполнителей изменился, подумал Гарви, но пьеса идет та же самая.

– Вона как, – Шарпс задрал бровь, увидев входящего Хамнера. – Чтобы все держать под контролем, заказчик решил сопровождать вас? Гарви, надеюсь, вы не отнимите у меня много времени? Мне скоро нужно будет отправиться по лабораториям института.

Гарви расставил свою команду. Чарли уселся за стол. Марк сновал туда-сюда, работая сверхэкспонетром. Оказалось что он весьма хорошо исполняет свои обязанности, и продержался он на своей работе дольше, чем ожидал Гарви. Если он на ней еще продержится, значит, Гарви ошибался в Марке.

– Нас интересует космический корабль, – сказал Гарви. – Будет ли он действительно запущен?

Шарпс широко улыбнулся:

– Похоже, дела обстоят хорошо. Благодаря сенатору Артуру Джеллисону. Помните наш разговор на эту тему?

– Помню.

– Да он – молодец. Я был бы рад, если б вы создали ему хорошую рекламу.

Гарви кивнул. Подал знак своей команде.

– Давайте начнем.

– Начали, – сказал Мануэль. Чарли встал за камерой. Марк с рамкой в руках выступил вперед:

– Интервью с Шарпсом, проба первая.

Клак!

– Доктор Шарпс, – сказал Гарви. – Некоторые критикуют предложение послать «Аполлон» для изучения кометы. Утверждают, что это будет слишком опасно.

Шарпс замахал рукой отрицательно:

– Опасно? Все, что придется делать, уже делалось в предшествующих полетах. У нас есть зарекомендовавший себя стартовый двигатель и надежная капсула. У нас не столько месяцев на подготовку, как хотелось бы НАСА, но – поспрошайте-ка людей, которым предстоит лететь к комете. Спросите астронавтов, считают ли они, что полет окажется слишком опасным?

– Надо ли так понимать, что состав экипажа уже определен?

– Нет... Но у нас сорок добровольцев! – Шарпс послал улыбку прямо в камеру.

Гарви продолжал задавать вопросы. Поговорили о приборах, которыми будет оснащен «Аполлон». Многие из этих приборов были собраны сотрудниками ИРД и Калифорнийского Политехнического института.

– Студенты и инженеры работали сверхурочно, причем без платы, – сказал Шарпс. – Работали просто, чтобы помочь нам.

– Бесплатно работали? – переспросил Гарви.

– Бесплатно. Они выполняли ту работу, которую должны были делать для нас согласно контрактам, но кроме того решили, что для исследования кометы можно поработать и сверхурочно. Сверхурочно и бесплатно.

Такой вызов у зрителей интерес, подумал Гарви. И сделал отметку в памяти: надо будет проинтервьюировать кого-нибудь из инженеров. Может быть, разыщется и дворник, согласившийся сверхурочно поработать для кометы.

– Похоже, что вам не удастся разместить в ракете достаточное количество оборудования, – сказал Гарви.

– Что ж, действительно, не удастся, – согласился Шарпс. – Нам не удастся впихнуть в нее все, что хотелось бы. Но что значит «достаточное количество»? Мы сможем вместить в ней столько аппаратуры, чтобы узнать *много*.

– Хорошо. Доктор Шарпс, насколько я понимаю, вы уточнили орбиту, по которой движется Хамнер-Браун. И получили новые фотографии этой кометы.

– Фотографии сделаны Хэйльской обсерваторией. Мы рассчитали орбиту. Мы можем с уверенностью сказать, что Хамнер-Браун – большая комета. У нее самое большое ядро, когда-либо зарегистрированное для комет, находящихся на таком расстоянии от Солнца. Это означает, что в снежном коме остались большие вкрапления льда. Эта комета окажется очень близко от нас. Сперва она пройдет на средней дистанции и мы сможем увидеть ее великолепный хвост. Затем она очутится внутри орбиты Венеры, и большая часть ее испарится. Хвост ее еще будет виден какое-то время. Хотел бы пояснить: будет виден невооруженным глазом. После этого она окажется слишком близко к Солнцу, и с Земли ее будет не видно, но, разумеется, команда «Аполлона», вышедшего в космос, сможет провести полезные наблюдения. Мы же не увидим комету снова вплоть до того момента, когда она на обратном пути пройдет совсем рядом с Землей. Хвост ее раскинется на все небо. Готов биться об заклад, что он будет виден даже в дневное время.

Марк Ческу присвистнул. Мануэль не прореагировал, и Гарви понял, что свист не попал в запись. А вообще у Гарви было ощущение, что это он сам свистнул.

Дверь кабинета открылась. Вошел невысокий, полноватый, незапоминающейся внешности человек. Лет ему было около тридцати. У него была аккуратно постриженная черная борода, а на носу очки с толстыми стеклами. На нем была пендлетоновская зеленая шерстяная рубаша, оба кармана которой ошетинились ручками и карандашами всевозможных цветов и оттенков. К поясу был прицеплен карманный компьютер.

– Ох... Извините, я не думал, что у вас гости, – извиняющимся голосом сказал он и попятился.

– Нет, нет. Оставайтесь и послушайте, о чем здесь идет речь, – сказал Шарпс. – Позвольте мне представить вам доктора Дана Форрестера. То, чем он занимается, называется

программированием. Его ученая степень звучит следующим образом: доктор философских наук, отрасль – астрономия. Но мы обычно именуем его нашим гением и ангелом хранителем.

– Так одет, и, позволите ли видеть, гений... – за спиной Гарви пробормотал Марк.

Гарви кивнул. У него мелькнула та же самая мысль.

– Работа Дана в значительной мере способствовала уточнению орбиты Хамнера-Брауна. Сейчас он работает над отысканием оптимального соотношения для «Аполлона». Имеется в виду соотношение между максимально возможным количеством научного оборудования и максимально возможным количеством потребляемых запасов...

– Потребляемых запасов? – спросил Гарви.

– Это: Пища, Вода, Воздух. И запасы эти тоже обладают массой. Полезный груз корабля не может иметь бесконечную массу. Поэтому нам приходится жертвовать одним ради другого. Взять меньше потребляемых запасов, чтобы вывести в космос больше аппаратуры. Но от количества потребляемых запасов зависит время, которое «Аполлон» может провести в космосе. Таким образом, сейчас Дан работает над следующей проблемой: «Что лучше – стартовать раньше, смирившись с тем, что на борту будет научной аппаратуры, то есть продлить срок пребывания в космосе, но получить меньше информации или...

– Не информации, – извиняющим тоном сказал Форрестер. – Извините за то, что вмешиваюсь...

– Нет, поясните нам, что вы имеете в виду, – попросил Гарви.

– Мы стараемся максимизировать *информацию*, – сказал Форрестер. – Таким образом, проблема состоит в следующем: как будет получено больше информации – собрав больше данных за более короткий срок, или собрав меньше данных за более долгий период?

– Ага, – Гарви кивнул. – Так что вы выяснили насчет Хамнера-Брауна? Чему будет равняться самое короткое расстояние, отделяющее комету от Земли?

– Нулю, – без малейшего признака улыбки сказал Форрестер.

– Э-э... вы имеете в виду, что она свалится нам на голову?

– Сомневаюсь в этом, – теперь Форрестер улыбнулся. – Ноль в пределах достоверности предсказания. Что означает ошибку измерения в добрых полмиллиона миль.

Гарви почувствовал облегчение. То же ощутили, как он заметил, все находящиеся в кабинете – включая Чарлин. Предыдущая фраза Форрестера была воспринята вполне серьезно. Гарви повернулся к Шарпсу:

– Скажите, что случится, если комета столкнется с Землей? Предположим, что нам не повезет.

– Вы имеете в виду ее голову? Или ядро? Потому, что похоже, что мы, действительно, можем пройти сквозь ее внешний слой. Который никак не плотнее обычного газа.

– Нет, я имею в виду голову. Что произойдет в этом случае? Конец света?

– О, нет. Ничего подобного. Вероятно, это будет означать конец цивилизации.

На мгновение в кабинете воцарилась жуткая тишина. Нет, не на мгновение – она длилась.

– Но, – наконец сказал Гарви, и в голосе его звучало удивление, – доктор Шарпс, вы сказали, что комета – и даже ее голова – представляет собой нечто вроде кома снежной пены с вкраплениями каменных образований. Да и эта пена, этот снег – всего лишь замерзшие газы. В таком случае комета не кажется мне опасной.

И подумал: на самом деле я задал этот вопрос, чтобы ответ был записан на ленту.

– Несколько голов, – сказал Дан Форрестер. – Похоже, что должно быть именно так. Думаю, что комета уже начала распадаться. И если этот процесс начался, он будет продолжаться дальше. Вероятно. Скорее всего.

– Так тогда опасность тем более уменьшается, – сказал Гарви.

Шарпс не слушал его. Он поднял глаза к потолку.

– Уже распадается?

Улыбка Форрестера стала шире:

– Весьма вероятно.

Затем он снова обратил внимание на Гарви Рэнделла.

– Вы спрашиваете, опасно ли это столкновение, – сказал он. – Давайте рассмотрим этот вопрос. Итак: имеем несколько тел, состоящих, в основном, из того же вещества, которое, вскипая, образуют внешнюю оболочку и хвост. То есть: из мелкой пыли, из образовавших подобие пены замерзших газов (пустоты образовались там, где прежде были по-настоящему летучие или непостоянные химические соединения, от которых уже и следа не осталось). Может быть, имеются там и сравнительно небольшие каменные вкрапления. Ага!..

Рэнделл недоумевающе взглянул на Форрестера.

Форрестер ангельски улыбнулся:

– Вот, вероятно, почему комета уже сейчас так ярко светится. Некоторые составляющие ее газы вступили в химическое взаимодействие. Подумайте, какое зрелище нам предстоит, когда эти газы *по – настоящему вскипят при прохождении кометы вблизи Солнца!* Еще бы!

Шарпс, которого осенила та же мысль, затушил глаза веками.

– Доктор Шарпс... – сказал Гарви.

– О... Да, конечно. Что произойдет, если столкновение произойдет? Столкновение, которого на самом деле не будет... Что ж, если ядро большое и движется оно с большой скоростью – это опасно. При столкновении выделится громадное количество энергии.

– Опасно – из-за каменных включений? – спросил Гарви. Камни – это было доступно его пониманию. – Они большие, эти каменные включения?

– Не очень, – сказал Форрестер. – Но это лишь теория...

– Вот именно, – Шарпс снова осознал, что на него смотрит камера. – И вот почему нам необходимо послать исследовательский корабль. Мы *не знаем*. Но полагаю, что каменные вкрапления не велики – размером от бейсбольного мяча до маленького холма.

Гарви почувствовал облегчение. Не может быть, чтобы это оказалось опасным. Маленький холм?

– Но, разумеется, это не имеет значения, – сказал Шарпс. – Камни вкраплены в замерзшие газы и водяной лед. То есть удар будет нанесен, как если б с Землей столкнулось несколько твердых небесных тел, а не скопление небольших обломков.

Гарви помолчал, обдумывая услышанное. Будущий фильм придется тщательно редактировать.

– Мне, тем не менее, не кажется, что это опасно. Даже железно-никелевые метеориты обычно сгорают до того, как успевают достигнуть земной поверхности. Это факт: во всей истории человечества документально зафиксирован лишь один случай, когда падение метеорита принесло кому-либо вред.

– Конечно. Вы имеете в виду ту женщину из Алабамы, – сказал Форрестер. – Благодаря этому случаю ее фотография была опубликована в «Лайфе». На фотографии был отчетливо виден синяк – самый большой синяк, который я когда-либо видел. Кажется, все это вылилось в судебный процесс? Хозяйка квартиры, где жила эта женщина, утверждала, что метеорит принадлежит ей – *поскольку свой путь он закончил в подвале принадлежащего ей дома*.

– Послушайте, – сказал Гарви. – Хамнер-Браун летит в атмосферу с большей скоростью, чем обычный метеорит, и состоит она в основном из льда. Значит, и сгореть она должна быстрее, не так ли?

Оба ученых – одновременно – замотали головами: одна голова с тонким лицом, украшенным похожим на глаза насекомого очками, вторая голова – снизу густая растрепанная борода, а сверху очки в массивной оправе – обе замотали отрицательно. А от противопо-

ложной стены точно так же головой замотал Марк.» Метеориты сгорают быстрее, – сказал Шарпс. – Когда падающее тело достигает определенного размера, уже не имеет значения, обладает Земля атмосферой или нет.»

– Для нас имеет значение, – похоронным голосом добавил Форрестер.

Шарпс осекся на секунду, потом рассмеялся. Очень вежливо рассмеялся. Гарви подумал, что смех этот звучит искусственно. Шарпс постарался рассмеяться так, чтобы не обидеть Форрестера.

– Вот что нам нужно: хорошая аналогия. Гм... – лоб Шарпса пошел морщинами.

– Ванильное мороженное с фруктами, – сказал Форрестер.

– А?

В бороде Форрестера прорезалась широкая улыбка:

– Кубическая миля мороженного с фруктами. Обладающая при этом кометной скоростью.

Глаза Шарпса вспыхнули:

– Отлично! Итак, предположим, что Земля столкнется с порцией ванильного мороженного с фруктами. Объем мороженного – одна кубическая миля.

Господи боже, они свихнулись, подумал Гарви. Оба ученых кинулись обгоняя друг друга к доске. Шарпс начал рисовать.

– О'кей. Ванильное мороженное с фруктами. Давайте рассмотрим: в середине замороженный ванильный крем, поверх которого кладется слой мороженного...

За его спиной раздался какой-то приглушенный звук. – Шарпс этот звук про игнорировал. Во время всего интервью Тим Хамнер не вымолвил не слова. А теперь он корчился, пытаясь сдержаться, пытаясь не разразиться хохотом. Он закатил глаза задыхаясь, осилил себя, придав лицу серьезное выражение:» Я не могу с этим согласиться... «И закричал – крик его напомнил рев осла:» Моя комета! Кубическая миля... ванильного... моро... женого!..

– Имеющего слой воздушного крема в качестве внешней оболочки, – усилил его смятение Форрестер. – Этот слой крема испарится, когда молот обогнет Солнце.

– Она называется Хамнер-Браун, – поправил Тим, страдальчески вытягивая лицо. – Это Хамнер-Браун.

– Нет, дитя мое, это кубическая миля ванильного мороженного с фруктами. И находящийся под внешней оболочкой слой мороженного по-прежнему находится в замороженном состоянии, – сказал Шарпс.

– Но вы забыли... – начал Гарви.

– На один полюс этой порции мороженного мы положим вишенку и примем, что в перигелии этот полюс окажется в тени. – Шарпс нарисовал вишенку. Рисунок демонстрировал, что когда комета обогнет Солнце, вишенка, расположенная на оси сфероида, окажется в противоположной от него стороне. – Не надо, чтобы эта ягодка была подпалина солнцем. И давайте сверху посыпем толченными орехами. Это будут каменные вкрапления... Вишня у нас, предположим диаметром в двести футов...

– Она доставлена самолетом Канадских военно-воздушных сил, – сказал Шарпс.

– Стен Фреберг! Верно! – Форрестер расхохотался. – Тсс... бух! Посмотрим, как эта сцена будет выглядеть на экранах телевизоров!

– Значит так. Комета огибает Солнце, таща за собой светящийся хвост пены (этот слой мороженного оказался недоброкачественным и испарился). Затем она летит к Земле, намериваясь вцепиться нам в глотку... Дан, какова плотность ванильного мороженного?

Форрестер пожал плечами:

– Она не постоянна. Ну, скажем, две трети.

– Ладно. Ноль, запятая, шесть, шесть и так далее. – Шарпс выхватил из стола карманный калькулятор и принялся неистово нажимать кнопки. – Ох, и нравятся мне эти штуки. С использованием плавающей запятой. Никогда заранее не угадаешь, где эта запятая окажется.

– Итак предположим кубическая миля. Пять тысяч двести восемьдесят футов, чтобы перевести в дюймы, умножим на двенадцать, и, переведя в сантиметры, умножим на два, запятая, пятьдесят четыре, получается куб... Таким образом, имеем два, запятая, семьсот семьдесят шесть умноженные на десять в пятнадцатой степени кубических сантиметров ванильного мороженого. Чтобы его съесть, понадобится немало времени. Далее – плотность... И – извольте пожаловать – примерно два умножить на десять в пятнадцатой степени. Два миллиарда тонн. Теперь – если учесть поверхностный слой крема... – Шарпс перестал жать кнопки.

Доволен, как нажравшийся обжора, подумал Гарви. Весьма многоречивый обжора, в распоряжении которого имеется последней модели карманный чудо счетной техники.

– Как вы полагаете, чему равна плотность крема? – спросил Шарпс.

– Предположим, ноль, запятая, девять, – сказал Форрестер.

– Вам никогда не приходилось изготавливать крем? – во спросила Чарлин. – В воде он тонет. Попробуйте для пробы опустить его в чашку с холодной водой. Приготавливая крем, моя мать всегда так делала.

– Тогда предположим, один, запятая, два, – сказал Форрестер.

– Еще миллиард с половиной тонн на крем, – сказал Шарпс. За его спиной Хамнер издал еще более странный звук, чем раньше.

– Полагаю, что каменные включения мы можем не принимать во внимание, – сказал Шарпс. – Теперь вы понимаете почему?

– Господи боже, да, – сказал Гарви и глянул на работающую камеру. – Э... да, доктор Шарпс, конечно, нет никакого смысла принимать во внимание каменные включения.

– Надеюсь вы не собираетесь показывать все это на экране? – негодуя заорал Тим Хамнер.

– Вы запрещаете? – спросил Гарви.

– Нет... нет... – Хамнер скорчился в припадке смеха.

– Далее. Скорость у кометы, как и полагается, кометная. Огромная скорость. Глянем теперь, какова параболическая скорость Земли. Дан?

– Двадцать девять запятая и семь десятых километров в секунду. Умноженное на корень квадратный из двух.

– Сорок два километра в секунду, – возвестил Шарпс. – И нужно еще учесть обратную скорость Земли. Все зависит от геометрии столкновения. Если мы, например, возьмем скорость в пятьдесят километров в секунду, это будет достаточно близко к истине?

– Вполне, – сказал Форрестер. – У метеоритов скорость от двадцати до, пожалуй, семидесяти. Вполне.

– Ладно. Принимаем пятьдесят. Квадрат, да пополам... Переводим массу в граммы... Получается где-то около два умножить на десять в двадцать восьмой степени Эргов. Вот что такое наше ванильное мороженое. Далее: имеем право принять, что большая часть поверхностного слоя крема вскипела и испарилась, но, понимаете ли, Гарви, на таких скоростях действие атмосферы продлится не слишком долго. При лобовом столкновении оно продлится ровно две секунды. Во всяком случае, какая бы часть массы не испарилась, выделится достаточно много энергии, чтобы тепловой баланс Земли изменился. Взрыв будет внушительный. Предположим, что Земле будет передано двадцать процентов энергии поверхностного слоя крема и тогда, – нажато еще несколько кнопок, и Шарпс драматически возвысил голос, – общий результат таков: два запятая семь умноженное на десять в двадцать восьмой степени эргов. О'кей, вот что такое ваше столкновение.

– Мне это говорит не слишком много, – сказал Гарви, – но похоже, что это большое число...

– Единица в сопровождении двадцати восьми нулей, – пробормотал Марк.

– Шестьсот сорок тысяч мегатонн, примерно так, – сказал мягко Дан Форрестер. – Да, это большое число.

– Господи боже мой, планета будет выжжена, – сказал Марк.

– Не совсем, – из болтающегося на поясе футляра Форрестер вытащил калькулятор. – Взрыв будет равен примерно извержению – одновременно – трех тысяч Кракатау. Или если насчет Феры не ошибаюсь – одновременному извержению ста Фер.

– Фера? – спросил Гарви.

– Вулкан в средиземноморье, – подсказал Марк. – Бронзовый век. Отсюда и берет начало легенда об Атлантиде.

– Ваш приятель прав, – сказал Шарпс. – Хотя я не уверен насчет оценки количества выделившийся энергии. Рассмотрим проблему под другим углом зрения. Человечество – все человечество – за год использует примерно десять в двадцать девятой степени эргов. Сюда входит все: электрическая энергия, уголь, ядерная энергии, кухонные плиты, автомобили... дальше перечисляйте сами. Итак, наше мороженное несет в себе запас энергии, равный примерно тридцати процентам ежегодного мирового Энергетического бюджета.

– Хм. Тогда не так уж плохо, – сказал Гарви.

– Не так уж плохо. Не так уж плохо по сравнению с чем? Запас годовой энергии, выделившийся в течении одной минуты, – сказал Шарпс. – Вероятно, комета влетит в воды мирового океана. Если она ударит в землю, в твердь, в месте столкновения все будет уничтожено, но не большая часть выделившейся энергии тут же отразится в космическое пространство. Но если комета ударит в океан, вода испариться. Погодите-ка, эрги перевести в калории... Черт возьми! Мой калькулятор для такой операции не приспособлен.

– Сейчас переведу, – сказал Форрестер. – В случае столкновения испариться примерно шестьдесят миллионов кубических километров воды. Или, если вам это больше по нраву, пятьдесят миллиардов кубических футов. Вполне достаточно, чтобы все США оказалось под слоем воды. Под слоем в двести двенадцать футов.

– Прекрасно, – сказал Шарпс. – Итак: в атмосферу вылетают шестьдесят миллионов кубических километров воды. И после этого, Гарви, выливаются обратно в виде дождя. Значительная часть этого дождя, прольется над полярными областями. А поскольку вода замерзнет, то это будет уже не дождь, а снег. Быстрое формирование ледников... которые движутся к экваториальным областям... да. Гарви, историки полагают, что в следствии извержения Феры изменился земной климат. Мы *точно* знаем, что извержение Тамбоуры – примерно той же силы, каким было извержение Кракатау – привело к тому, что историки предыдущего столетия называли «годом без лета». Голод. Неурожаи. Наше ванильное мороженное приведет, вероятно, к наступлению нового ледникового периода. Облака, облака отражают свет. Меньше солнечного тепла достигнет земной поверхности. Снег также отражает свет. Становится все холоднее. Выпадает все больше снега. Ледники ползут к экватору, не успевая растаять. Положительная обратная связь.

Дела, похоже, оборачиваются чертовски серьезно.

– Но что служит причиной прекращения ледниковых периодов? – спросил Гарви.

Форрестер и Шарпс одновременно пожали плечами.

– Итак, – сказал Хамнер, – моя комета окажется причиной наступления ледникового периода? – лицо у него было вытянувшееся, мрачное. Так выглядело бы лицо его бабушки, если бы она узнала, что ее похороны обошлись в 60.000 долларов.

– Нет, – сказал Форрестер. – Мы говорили лишь о ванильном мороженном. Гм... Молот больше.

– Хамнер-Браун. Насколько больше?

Форрестер неуверенно развел руками.

– Раз в десять.

– М-да, – сказал Гарви. Он отчетливо видел: через поля, через леса ледники ползут к югу. Растительность убита снегом. Вниз, по Северной Америке – в Калифорнию, по Европе – к Альпам и Пиренеям. За зимой следует зима, становится все холоднее, гораздо холоднее, чем было в «великие морозы» 76 – 77 годов. И – черт возьми! – никто даже не упомянул хотя бы, что произойдет с приливами и отливами. Это будут не просто волны... «Но комета не может иметь такую же плотность, как кубическая миля м-м-м...»

Тут с ним это и произошло. Гарви откинулся – упал – на спинку своего кресла и утробно загоготал. Он просто не мог выговорить ни слова.

Позднее он сделал для себя – только для себя – еще одну запись. Сделав в том жалком подобии кабинета, который предоставила ему студия: муляжи книг на полках, потертый ковер на полу. Здесь он мог говорить свободно.

– Простим за это прощения. (Эти слова надо будет вставить сразу после того, как зритель увидят, что Гарви потерял контроль над ситуацией. А во время интервью с Шарпсом он терял контроль несколько раз). Особо нужно отметить следующие пункты. Первое: вероятность того, что твердая составляющая Хамнер-Браун столкнется с Землей, ничтожно мизерная. На таком расстоянии сам Дьявол не смог бы попасть в такую маленькую мишень, как наша планета. Второе: если столкновение состоится, эффект, вероятно, будет такой, как если бы с Землей столкнулось несколько больших и массивных тел. Некоторые из этих тел упадут в океан. Другие ударят в землю, где разрушения окажутся локальными. Все же: если Хамнер-Браун столкнется с нашей планетой, это будет, как если бы Дьявол ударил по ней чудовищно громадным молотом.

АПРЕЛЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ

*Пятьдесят тысяч лет назад в Аризоне:
Когда при соприкосновении с кислородом, содержащимся
в атмосфере, железо возгорелось поверхность земли
раскалилась. В следствии этого масса грунта оказалась
выброшена в воздух. Обломки, огромные как дом, летели под
острыми углами во все стороны над самой поверхностью.
Образовался громадный куб сверхперегретого воздуха,
расширяющийся с гигантской скоростью. Вся жизнь на сто
милей в окружности оказалась немедленно и полностью
выжженной.*

Френк В.Лэйн.» Ярость стихии «. (Чилтон, 1965 г.)

Леонилла Малик подписала рецепт и отдала его больному. Этот – последний за сегодняшнее утро, и, когда пациент вышел из ее кабинета, Леонилла выдвинула ящик стола и достала бутылку» Гранд Маринер «. Наполнила маленький, изящной формы стаканчик. Дорогостоящий ликер достался ей в подарок от одного из ее товарищей-космонавтов. Когда пьешь этот напиток, тобой овладевает восхитительное ощущение декаданса. Еще приятель подарил ей шелковые чулки и комбинацию из Парижа.

А я никогда не бывала за границей, подумала она. Какие бы усилия я не прикладывала, за рубеж меня никогда не выпустят.

Хотелось бы ей понять, какое теперь у нее социальное положение. Ее отец был врачом – и имел очень хорошую репутацию среди кремлевской элиты. А затем раскрылся заговор врачей отравителей, безумная вера сталинистов в то, что кремлевские врачи пытались отравить Первого революционера нашего времени, Народного Героя, Учителя и Вдохновителя, Вождя мирового пролетариата товарищи Иосифа Виссарионовича Сталина. Отец Леониллы и еще сорок врачей сгинули в подвалах Лубянки.

В наследство от отца ей достался номер» Правды» за 1950 год. В нем было старательно подчеркнуто каждое упоминание имени Сталина. Лишь на первой странице его имя упоминалось девятью раз, десять раз его именовали Великим вождем и шесть раз Великим Сталиным.

Его следовало бы отравить, этого выродка, подумала Леонилла. Мысль эта вызвала неприятное чувство: она противоречила имеющей давнюю историю традиции. В советских медицинских учебных заведениях Клятва Гиппократова не изучалась, но Леонилла прочла ее.

Будущее Леониллы, как дочери врага народа, не казалось особенно лучезарным. Но времена изменились и врач Малик был реабилитирован. В числе прочего – во искуплении сделанного – Леониллу избавили от должности секретарши в захолустном украинском городке и послали учиться в университет. Любовная связь с полковником военно-воздушных сил привела к тому, что Леонилла научилась водить самолеты. А затем, как ни странно, она было зачислена в отряд космонавтов – хотя ее положение там по сию пору оставалось неопределенным. Полковник стал генералом. И, хотя уже давным-давно был женат, продолжал помогать ей.

Ей так и не удалось побывать в космосе. Ее тренировали для этого, но в полет – так ни разу и не назначили. Вместо этого она занималась лечением летчиков и членов их семей. И продолжала тренировки и надеялась на счастливый случай.

В дверь тихо постучали. Сержант Бреслов, паренек не более девятнадцати лет от роду. Бреслов очень гордился тем, что он сержант Красной Армии. Только, разумеется, армия больше не называется Красной. Она перестала ею быть с тех пор как Сталин настоял на ее

переименовании во время войны, которую он нарек Великой Отечественной. Бреслов предпочел бы название «Красная Армия». Он часто говорил о том, как хотел бы принести свободу всему миру – на острие своего штыка.

– Товарищ капитан, для вас получено сообщение. Вам приказано лететь в Байконур, – он нахмурился, уставясь в бутылку, которую Леонилла забыла убрать.

Значит: пора за работу, – сказала Леонилла. – Это настоящий праздник. Составите мне компанию? – и налила стакан для Бреслова.

Он выпил налитое – стоя и с выражением неослабной бдительности. Это была единственная для него возможность выказать офицерам неодобрение, когда видел, что они пьют до обеда. Разумеется, до обеда пили многие, что служило Бреслову добавочным доказательством, что дела пошли хуже с тех пор, как Красная Армия перестала Быть Красной. О том, какой была Красная Армия ему много (и хвастливо) рассказывал его отец.

Через три часа она уже летела по направлению к космопорту. Ей все еще едва верилось: недвусмысленный срочный приказ, согласно которого она сейчас летит на тренировочном реактивном самолете. Ее вещи будут высланы позднее. Что там случилось такое важное? Она выбросила вопрос из головы и отдалась радости полета. Одна, в чистом небе, никто не заглядывает тебе через плечо, никакой другой пилот не перехватывает управление – восторг. Лишь одно на всем белом свете может быть лучше.

Может ли случиться, что ее вызывают именно из-за этого? Она не слышала, что готовится какая-то новая экспедиция в космос. Но все может быть. Мне уже не раз везло. Почему бы и не повезло и на этот раз? Она представила, что находится в кабине настоящего «Союза», ждет, когда взревут стартовые двигатели – взревут и вынесут корабль в пустоту космического пространства. И от этой мысли Леонилла выдала такую серию фигур высшего пилотажа, что если б кто из начальства увидел, ей бы немедленно приказали идти на посадку.

Внезапный порыв ветра, пронесшийся через Долину Сан-Иоаквин, слегка качнул трейлер, отчего Барри Прайс тут же проснулся... Он тихо лежал, слушая успокаивающее звучание бульдозеров: бригады продолжали работу, возводя ядерный комплекс. За окном вспыхнул свет. Прайс осторожно привстал, стараясь не разбудить Долорес – но она заворочалась и открыла глаза.

– Сколько времени? – сонно спросила она.

– О, господи. Ложись спать, – она потянулась к нему. Простыня соскользнула открыв ее загорелые груди.

Он уклонился, затем Зажал обе ее руки своей рукой и нагнулся, чтобы поцеловать ее.

– Женщина, ты ненасытна.

– У меня нет никаких оснований жаловаться. Ты действительно встаешь?

– Да. Мне нужно заняться работой, а позже мы ожидаем визитеров, и я *обязан* прочесть доклад Мак-Клива, поданный еще позавчера. Мне передали его еще прошлой ночью.

Долорес пересиливая себя улыбнулась:

– Само собой, мы с тобой легли вместе только чтобы чуть поразвлечься. Ты наверняка не ляжешь спать снова?

– Нет, – он отошел к раковине, открыл кран и подождал, пока не пошла горячая вода.

– Ты встаешь быстрее, чем любой мужчина, с которым я когда-либо имела дело, – сказала Долорес. – А я ни свет ни заря вставать не намерена. – Она натянула подушку на голову, но ее тело под простыней чуть заметно двигалось – чтобы показать Барри, что она не спит.

Можно бы еще, подумал Барри. Йо-хо! Но тогда зачем я надеваю штаны?

Одевшись, он решил, что лучше считать, что Долорес спит – и быстренько выскочил из трейлера. Снаружи его встретил свет утреннего Солнца. Он потянулся, глубоко вдыхая воздух. Его трейлер стоял на краю походного лагеря – в этом лагере жили большинство тех,

кто возводил Сан-Иоаквинский ядерный комплекс. Долорес нашла ночлег далеко отсюда, но в последние дни обычно ночевала именно здесь. Барри шел к стройке и улыбался, но оптом вспомнил о Долорес и улыбка его увяла.

Она – восхитительна. И то, чем они так активно занимались этими днями в свободное от работы время, никак не отражалось на их служебных отношениях. Она была, в сущности, не столько секретарша, сколько помощником по административной части, и Барри чертовски хорошо знал, что без нее с работой ему не справиться. Она была – по-крайней мере – столь же необходима, как и руководитель (то-есть он сам). И подумав об этом, Барри Прайс ужаснулся. Его томило предчувствие, что на него предъявят права. Предъявят права на его время, станут требовать, чтобы он уделял больше внимания... и со стороны Долорес это было бы не так уж неразумно. В общем, случиться, все то, что сделало его жизнь с Грейс невыносимой. Барри мог поверить, что Долорес удовлетворится ролью просто... кого? И он не мог найти ответа. Любовница – это будет не правильно. Он не помогает ей. В голову пришла странная мысль: Долорес не из тех, кто позволяет мужчине (любому мужчине) вторгнуться в ее жизнь. Не из тех, кто позволяет мужчине одержать верх над собой. Это для нее мужчина – любовник, подумал он. И такая расстановка сил ее вполне удовлетворяет. Даже более, чем удовлетворяет.

Возле палатки, где жил руководитель конструкторского бюро, стояла большая посуда, полная кофе. Барри остановился, налил себе чашку. У конструкторов всегда превосходный кофе. Чашку Барри отнес в свой кабинет, вытащил докладную Мак-Клива.

Минутой позже он взвыл от ярости.

Когда появилась Долорес (примерно в восемь тридцать), он все еще не успокоился. Она вошла (в руке чашка кофе) и увидела, что он расхаживает по кабинету взад – вперед.

– Что случилось? – спросила она.

И вот это мне нравится в ней, подумал Барри. Она отмечает все личное когда находится на работе.

– Вот, – он потряс докладом. – Ты знаешь, чего желают эти идиоты?

– Конечно, нет.

– Они хотят, чтобы комплекс был упрятан под землю! Вокруг всего комплекса должна быть сооружена насыпь в пятьдесят футов!

– Можно ли считать, что этим будет увеличена безопасность? – спросила Долорес.

– Нет! Это будет лишь... косметика. Вот и все! Даже не косметика... на черта ее?! Сан-Иоаквин великолепен. Этот комплекс – прекрасен. Можно гордиться им, а не упрятывать под кучей грязи.

Долорес поставила чашку на стол и неуверенно улыбнулась: – Ты выполнишь это требование?

– Надеюсь, что нет. Но Мак-Клив утверждает, что членам комиссии эта идея понравилась. Так же как и мэру. Вероятно, мне придется это сделать, и – будь оно проклято! – мы тогда выбиваемся из графика! Придется отзывать людей, занятых рытьем котлована под номер четыре и...

– Кстати дамы из Учительско-родительской ассоциации будут здесь минут через пятнадцать.

– Господи боже!.. Спасибо, что напомнила. Надо как-то попытаться успокоиться.

– Да, тебе лучше заняться этим. Ты сейчас рычишь, как медведь. Постарайся быть милым, эти дамы на нашей стороне.

– Рад, что хоть кто-то на нашей стороне, – Барри отошел к письменному столу. Взял с него чашку кофе – и увидел, какую грудку работы ему еще остается сделать сегодня. И понадеялся, что дамы задержаться у него не долго. Может быть, появится возможность

переговорить с мэром, и, может быть мэр окажется достаточно чувствительным к доводам разума, и тогда можно будет снова заняться работой...

Работа на строительной площадке кипела. На посторонний взгляд беспорядочно, в различных направлениях двигались бульдозеры, подъемники, бетоновозы. Рабочие перетаскивали оборудование для формовки бетона. Барри Прайс вел гостей сквозь этот водоворот – и почти не видел его.

Гости видели рекламные ролики, и потому благоразумно одели – все как одна – брюки и обувь на низком каблуке. Когда Долорес раздала им каски, они восприняли это спокойно. И вопросов не задавали.

Барри подвел их к номеру третьему. Сейчас Номер третий представлял собой лабиринт стальных балок и фанерных листов, возведение купола было еще далеко не завершено. Здесь – подходящее место, чтобы продемонстрировать гостям особенности системы безопасности. Барри надеялся, что они умеют слушать. Долорес говорила, что во время общения с ней гости вели себя вполне благоразумно, и это вселяло надежду, но прошлый опыт заставлял Барри держаться настороженно. Вот и более спокойный участок, где рабочих в данную минуту нет. Но все равно шумно: рядом рычат бульдозеры, невдалеке плотники устанавливают свои конструкции, всюду идет сварка труб.

– Я знаю, что мы отнимаем у вас время, – сказала миссис Гундерсон. – Но нам это кажется важным. Многие родители задают вопросы относящиеся к вашему Центру. Школа расположена лишь в нескольких милях отсюда...

Барри улыбнулся – улыбка выражала согласие. Этим он постарался показать, что все правильно. И что он знает, что данный визит к нему – это очень важно. Но мыслями своими он был далеко. Он продолжал обмозговывать докладную Мак-Клива.

– Как много тут народу... Все эти люди действительно работают на вас? – спросила другая дама.

– Они – служащие корпорации «Бечтел», – сказал Барри. – Строительство ведется «Бечтелом». Управление по делам водоснабжения и энергии не могло бы содержать так много людей на своей постоянной оплате.

Миссис Гундерсон не заинтересовали детали административной структуры. И она напомнила Барри о себе: ей хочется получить – и быстро – доскональную информацию. Миссис Гундерсон – полная, хорошо одетая женщина. Ее муж – владелец большой фермы, расположенной где-то неподалеку.

– Вы собирались показать нам, как обеспечивается безопасность, – заявила она.

– Хорошо, – Барри показал на возводящийся купол. – Во-первых: само это сооружение, в котором и будет все размещаться. Несколько футов бетона. Если что-нибудь там внутри и случится, то внутри и останется. Но вот что я хотел бы вам показать, – он ткнул пальцем в сторону трубы, выходящей из-под недостроенного купола. – Это наша главная линия охлаждения. Нержавеющая сталь. Два фута в диаметре. Толщина стенки равна одному дюйму. Вон лежит отрезанный кусок трубы, и я готов спорить, что вы не сможете поднять его.

Миссис Гундерсон приняла вызов. Она ухватила за край четырех футового отрезка, но не смогла сдвинуть его даже с места.

– Теперь предположим, что хладагент не поступает, где-то полностью вытек – что совершенно исключено, – сказал Барри. – Понятия не имею, как это может случиться, но предположим, что такое произошло. Внутри этого сооружения как раз сейчас рабочие устанавливают баки – эти емкости предназначены для хранения холодильного агента. На случай возникновения аварийной ситуации. И это большие баки. Если давление воды в главной линии охлаждения понизится, вода из баков под высоким давлением пойдет прямо в сердцевину реактора.

Он провел их под купол, стараясь ознакомить их буквально со всем. Показал им насосы для заполнения полостей реактора водой. Показал бак на тридцать тысяч галлонов в котором будет храниться запас воды для турбин.

– Все это предназначено для обеспечения охлаждения в случае возникновения критического положения, – пояснил Барри.

– А какова производительность? – спросила миссис Гундерсон.

– Сто галлонов в минуту. Примерно как у шести садовых шлангов вместе взятых.

– Мне не кажется, что это слишком много. И это все, что может оказаться необходимым?

– У нас есть все, что может оказаться необходимым. Поверьте мне, миссис Гундерсон, мы обеспечиваем безопасность ваших детей более, чем это смог бы сделать еще кто-либо. Мы готовы вовсе оружие встретить любые так называемые несчастные случаи – даже те, которые никогда не могут произойти. У нас есть специальные люди, работа которых заключается в придумывании несчастных случаев. Они изобретают всякие глупости, которые – мы в этом уверены – просто не могут случиться. Это делается, чтобы они были готовы ко всему – даже невероятному.

Он провел посетителей через все здания понимая, что громадность окружающего произведет на них впечатление. Как и на него самого. Ему нравится – он любит! – этот силовой комплекс. Большую часть этой жизни он провел, готовя себя к этой работе.

Наконец, гости увидели все, и Барри повел их обратно. Там, в центре приема посетителей ими займутся люди из отдела общественной информации и рекламы. Надеюсь я все сделал правильно, подумал он. Они могут здорово помочь нам, если захотят. Но могут также и здорово навредить...

– Меня очень интересует еще одно, – сказала миссис Гундерсон. – Диверсия. Я понимаю, вы сделали все, что могли, чтобы предотвратить несчастные случаи, но предположим, что кто-то специально попытается... взорвать все это. В конце концов, вы не можете держать здесь очень большую охрану, а сумасшедших в нашем мире хватает.

– Да. Что ж, мы предусмотрели способы, какими могла бы быть проведена диверсия, – Барри улыбнулся. – Извините меня, но рассказывать об этом я не буду.

Гости неуверенно заулыбались ему в ответ. Наконец, миссис Гундерсон сказала:

– Значит, вы уверены, что никакая банда не сможет нанести ущерба вашему центру?

Барри покачал головой:

– Нет, сударыня. Мы уверены, что любая диверсия против нас не сможет причинить ущерб *вам* – что бы не предпринималось. Но полностью обезопасить сам центр невозможно. Взгляните на турбины. Они делают три тысячи шестьсот оборотов в минуту. Лопастей вращаются так быстро, что если в паровую линию попадет всего лишь несколько капель воды, турбина будет повреждена. Аппаратный зал уязвим для любого идиота с динамитом. Нет, мы не сможем остановить диверсантов, пожелавших привести вред комплексу, но точно так же никто не может предотвратить поджог баков на энергоцентрах, работающих на нефтяном топливе. Однако в наших силах проследить, чтобы никто за стенами нашего комплекса не потерпел никакого ущерба.

– А те, кто будет работать здесь?

Барри пожал плечами:

– Знаете. Никому не кажется странным, что работа полицейских и пожарных окутана ореолом романтики. Но о тех, кто работает на силовых комплексах, известно гораздо меньше. Люди иначе расценивали бы их труд, если увидели, как наши парни, стоя по пояс в нефти, перекрывают клапан. Или если б увидели монтера на вершине энергоопоры – в окружении электрических разрядов... Мы должны делать свою работу, миссис Гундерсон. И мы ее делаем – если нам не мешают ее делать.

Веет теплый ветер, небо ясное. Это Хаустон, пригород Эль-Лаго. Период дождей окончился и сотня семейств загорало сейчас на задних дворах своих дворов. В местных лавках запас пива почти полностью распродан.

Замотанный, голодный и счастливый (еще бы, все выходные ему предстоит провести дома!) Рик Деланти вытащил бифштексы из гриля и рассовал их по булочкам. Сад его дома заполнен теплом, дымом и шумом – там разместилась дюжина друзей Рика вместе со своими женами. Слышно, как вопят дети, затевающие какую-то новую игру. Родители слышат эти вопли и гордятся, подумал Рик, даже если гордиться, в общем-то, нечем. А сами дети на родителей не очень то обращают внимания.

– ...никаких новых мыслей, – это голос его жены. – Научные фантасты писали о космических колониях еще десятки лет назад.

Жена у Рика высокого роста, кожа у нее очень черная. Ее волосы за плетены в черные косички – эта прическа называется «кукурузная булочка». Деланти мог вспомнить времена, когда она, наоборот, распрямляла волосы.

– Кстати, об этом писал и Хайнлайн, – сказала Глория Деланти. И, ожидая одобрения, взглянула на Рика. Но он был слишком занят грилем – а в памяти почему-то всплыл образ его жены, когда оба еще жили в Чикаго и были студентами.

– Новое есть, – вошедший был членом весьма избранной и ограниченной группы. Эван едва не побывал на поверхности Луны. Он был тем, кому выпало остаться в кабине «Аполлона»– О, Нейл разработал *экономический аспект строительства космических колоний*. Он доказал, что можно не только писать рассказы на эту тему, но и заняться делом – то есть реально строить.

– Мне это нравится, – заявила Глория. – Совместный, семейный, так сказать, проект астронавтов. Каким образом можно подписать контракт?

– Вы уже это сделали, – сказал Джейн Ритчи. – Когда выходили замуж за летчика испытателя.

– О, разве мы женаты? – удивилась Глория. – Недоумеваю, Эван, как вам удалось добиться того, чтобы эти люди, стоит им придти в тренировочный центр, четко и без промедления выполняют свои обязанности?

Из-за тьмы вышел Джон Бейкер:

– Эй, Рики! Я уже думал, что заблудился. С улицы кажется, что здесь все повымерло.

Раздался хор приветствий. Голоса мужчин, не видевших полковника Джона Бейкера с тех пор, как он перебрался в Вашингтон, звучали неподдельно сердечно. А в приветствиях женщин особой теплоты не чувствовалось. Ничего другого Бейкер и не мог ожидать: он развелся. Такое случалось со многими астронавтами, и именно поэтому он вернулся обратно в Хаустон (его возвращение озадачило многих).

Бейкер приветствовал всех взмахом руки, затем засопел, пригнувшись:

– А мне дадут одну из вот этих штук?

– Ваш приказ будет исполнен, сэр, и если вы его только не отмените...

– Почему у тебя никогда не бывает жареных цыплят?

– Боюсь поддаться стереотипу. Дело в том, что я...

– Чернокожий, – учтиво подсказал Джонни Бейкер.

– А? – Рик испуганно уставился на свои реки. – Нет, это просто жир от бифштексов. Измазлся.

– Так кто же все-таки выбран для полета к комете? – требовательно спросила Эван. – Большого полета?

– Будь я проклят, если знаю, – ответил Бейкер. – В Вашингтоне все молчат.

– Черт возьми, намерены послать меня, – сказал Рик Деланти, – у меня эти сведения из надежного источника.

По хребту Бейкера пробежал холодок. Банка пива осталась полуоткрытой. Трое мужчин, находившиеся поблизости, оборвали разговор, их жены затаили дыхание.

– Я когда был в Тексархане, сходил к гадалке, и она...

– Господи! Быстро давай мне ее имя и адрес! – сказал Джонни. Остальные несколько насильственно заулыбались и вновь занялись разговорами. – Ну, и навел ты на нас страху, – шепнул Джонни и рассмеялся.

– Ага, – бесстыже сказал Рик, переворачивая бифштексы длинной вилкой. – Почему не могут проинформировать нас пораньше? Нас насчитывается около дюжины, мы готовимся неделю за неделей, и нам ни слова. А ведь это будет последний полет – пока не закончат возиться с «Шаттлом». Я нахожусь в списке уже шесть лет, и ни разу не был назначен в полет. Сомневаюсь, стоит ли игра свеч.

Он положил вилку:

– Не только сомневаюсь, но и помню судьбу Дика Слейтона.

Бейкер кивнул. Дик Слейтон входил в первоначально отобранную семерку астронавтов, и он ждал назначения в полет вплоть до совместной экспедиции «Союз-Аполлон». Тринадцать лет ждал назначения. Как астронавт он был не хуже других, но лучшее применение ему находили на земле. Тренировки за тренировками, и снова наверху решают: незаменим на наземной работе.

– Удивляюсь, как только он это выдержал, – сказал Джонни Бейкер.

– Я тоже, – кивнул Рик. – Но я – единственный в мире астронавт с черной кожей. Продолжаю надеяться, что это мой козырь.

К грилю подошла Глория:

– Эй, Джонни! О чем это вы вдвоем беседуете?

– А о чем, – от охладителя пива крикнула Джейн, – о чем всегда говорят астронавты, когда намечается космический полет?

– Может быть, там выжидают нужного момента, – сказал Джонни Бейкер. – Расовые беспорядки. И – когда настанет время – в космос запустят чернокожего астронавта. Чтобы доказать, что у нас все равны.

– Не смешно, – сказала Глория.

– Но это предложение ничем не хуже других, – сказал ей Рик. – Я знаю, как проходит отбор в НАСА. Но если Джонни прав, я должен был получить назначения во все полеты – без исключения. Во всяком случае, что ты привез нам из этой забавной пятиугольной лачуги?

– Приказ. Снова приступить к тренировкам. Я тоже кандидат в экспедицию к Молоту.

– Гм, – Рик потыкал вилкой в кусок мяса. Почти готов. – Это меняет дело. Очередь из двоих. Ты должен оказаться первым.

Бейкер пожал плечами:

– Не знаю, как пойдут дела на этот раз. Так и не смог понять, как это меня назначили на «Скайлэб».

– Ты должен подойти, – сказал Рик. – Опыт ремонтных работ в космическом пространстве. А корабль приводят в порядок быстро, на все отборочные испытания времени нет. Вывод ясен.

Глория кивнула, кивнули и другие, кто прислушивался к разговору. Затем окружающие вернулись к своим разговорам. Джонни Бейкер пил пиво, на душе у него сделалось легче. Если вывод ясен для тех, кто здесь присутствует, он, вероятно, не менее ясен и членам Астронавтического комитета Хаустона.

– Кое-какие известия из Вашингтона я все же привез. Сведения не официальные, но вполне надежные. Русские посылают в полет женщину.

Станным образом распространяется тишина – по расширяющейся окружности.

– Леонилла Малик. Доктор медицинских наук. Так что мы доктора наук в космос посылать не будем, – Джонни Бейкер возвысил голос, чтобы слышали все. – Это точно: русские посылают именно ее, и нам не успеть за их «Союзом». Источник моих сведений конфиденциальный, но чертовски надежен.

– Может быть, – сказал Дрю Веллен, и сейчас говорил лишь он один, – может быть, русские считают, что они должны что-то всем доказать.

– Может быть, наши тоже так считают, – сказал кто-то.

Рик почувствовал, как в крови его вспыхнул яркий огонь. Никто ничего ему не обещал, но он уже *знал*.

– Почему вы все так вдруг уставились на меня? – спросил он.

– У тебя горят бифштексы, – сказал Джонни.

Рик опустил взгляд, посмотрел на испускающее дым мясо.

– Гори, дорогуша. Гори, – сказал он.

В три часа ночи Лоретта Рэнделл услышала доносившийся из кухни странный шум.

Посреди кухонного пола была расстелена вчерашняя газета. Посреди газеты была поставлена жаровня – самая большая, та, которая прямоугольная. Жаровня была наполнена мукой. На газете и на полу тоже была мука – просыпанная. Гарви бросал что-то в жаровню. Лицо у него было усталое и опечаленное.

– Господи боже, Гарви! Что ты делаешь?

– Привет. Служанка придет завтра, не так ли?

– Да, разумеется, завтра пятница, но что она подумает?

– Доктор Шарпс сказал, что все кратеры имеют круглую форму, – Гарви поднял руку над жаровней, в пальцах – орех. Пальцы разжались и орех упал. Мука взметнулась клубом. – Какова бы ни была скорость или масса или угол падения метеорита, все равно кратер будет круглым. Наверное, он прав.

Вся поверхность муки была усеяна горошинами и мелкими камушками. Пресс-папье оставило кратер размером с обеденную тарелку – сейчас уже почти полностью размытый следами более мелких кратеров. Гарви оглянулся и, нагнувшись, подобрал бутылочную пробку. Кинул – под острым углом – ее в муку. Кратер получился круглым.

Лоретта вздохнула, осознавая, что ее муж сошел с ума. – Но Гарви, зачем ты занялся этим? Ты знаешь который час?

– Но если он прав, значит... – Гарви посмотрел на глобус, принесенный им с работы. На глобусе были обведены жирно Заколдованные круги: Японское море, Бенгальский залив. Дугообразная цепочка островов, ограничивающий Индийский океан. Двойной круг, где образовался Мексиканский залив. Если хоть один из этих кругов – след столкновения с астероидом, значит было так: океаны вскипели, все живое было полностью выжжено. Сколько раз рождалась жизнь на Земле, и была стерта с ее лица и зарождалась снова?

Если он кратко объяснит все Лоретте, она до самого утра будет трястись от ужаса.

– Не обращай внимания, – сказал Гарви. – Это для фильма.

– Ложись спать. Утром, до того как придет Мария, мы все это уберем здесь.

– Нет, ничего не трогай. И не позволяй Марии ничего здесь трогать. Мне нужно будет все это сфотографировать... под различными углами...

И он как в тумане потянулся к ней. Тесно прижавшись друг к другу, Гарви и Лоретта пошли к кровати.

АПРЕЛЬ: ДВА

*Никто не знает, сколько объектов различного размера —
вплоть до тех, что имеют несколько миль в диаметре
ежегодно незамеченными проходят невдалеке от Земли.*

**Доктор Роберт С.Ричардсон. Высокоточная обсерватория Маунт
Вильсон**

Когда Гарви вышел из здания теле компании, рядом с вездеходом он увидел Тима Хамнера. Гарви нахмурился:

— Привет, Тим. Что вы здесь делаете?

— Если б я вошел в здание, это был бы визит заказчика — важное дело, правильно? Мне не нужны важные дела, мне нужна ваша благосклонность.

— Благосклонность?

— Купите мне выпить, и я все расскажу.

Гарви скользнул взглядом по дорогостоящим костюму и галстуку Тима. Не совсем подходящее одеяние для того, кто хочет остаться незамеченным. В таком костюме ездить на дерби. Служитель парковочной стоянки узнал Тима Хамнера. Знаком он был и хозяйке кафе — она немедленно провела их внутрь.

— О'кей, так о чем вы хотели со мной поговорить? — спросил Гарви, когда они заняли место за столиком.

— Мне хотелось бы, чтобы вы — как и я — не имели никакого дела с ИРД, — сказал Хамнер. — Похоже, я перестаю быть владельцем своей кометы. Я ничего не могу поделать со специалистами, и то же самое происходит с теле фильмами. А ведь это ваши фильмы... — Тим замолчал, мелкими глотками потягивая из стакана. Он никогда не выпрашивал у людей сочувствия — особенно у людей, на него работающих. — Гарви. Я хотел бы принять участие еще в одном интервью. Бесплатно, разумеется.

А, дерьмо. Что произойдет, если я скажу ему, что это невозможно? Консультировался ли он со своими юридическими советниками? Я полностью уверен, что сейчас не время с ним ссориться.

— Знаете, сейчас для нас это представляет меньший интерес, чем раньше. Сейчас мы интервьюируем людей с улицы.

— Разве они все — не тупицы?

— Некоторые — да. Но иногда натыкаешься на жемчужное зерно. А это всегда нравится телезрителям.

(И кроме того я сам знаю, как мне делать свою работу, черт побери!)

— Для чего вам это? Хоть какуюнибудь ползу вы от этого получаете?

Гарви пожал плечами:

— Мне бы не хотелось прерывать работу над этим фильмом... Но не это главное. Я хочу выяснить, как относятся люди к возникшей проблеме. Мне хочется обнаружить неожиданное. Мне мало того, что уже сделано. Я хочу идти дальше. И...

— Продолжайте, — в кафе царил полумрак, Тим сузил глаза, заметив, какое странное выражение приобрело лицо Рэнделла.

— Ну... Люди с улицы выражают странные желания — которые я не в силах понять. Они хотят, чтобы Джонни назначили в экспедицию к Молоту и...

— Черт побери!

– Вероятно, они захотят этого еще сильнее, если выяснится, что Земле предстоит столкновение с Гигантской порцией мороженого. Им важно одно: пошлите Джонни! Тим, это почти тоже самое, как если бы люди в большинстве желали конца света...

– Но ведь это ужасно.

– Может быть. Однако с этим приходится примириться.

Ужасно для тебя, подумал Гарви, но не так ужасно для мужчины с улицы, вынужденного ходить на работу, которую он ненавидит. Или для женщины, которой приходится спать с распустившим слюни боссом – чтобы тот не выгнал ее с работы...

– Видите ли, заказчик – вы, и я не могу помешать вам. Но я настаиваю, чтобы соблюдались определенные правила. Если хотите, мы начнем съемки рано утром...

– Хочу, – Тим допил свой стакан. – Мне это будет полезно. А вы... говорят, вы способны извлечь пользу даже из виселицы, на которой вас повесят – если провисите достаточно долго.

Вездеход был доверху набит людьми и оборудованием. Камеры, ленты, портативный письменный столик – если понадобится что-то писать. Марк Ческу с трудом нашел место, где можно сесть. Трое уместились на заднем сиденье, Хамнер устроился на переднем. Марку вспомнились проводившиеся в пустыне мотогонки: машины забиты мотоциклами и всяким механическим оборудованием. Гонщиков впахивали как попало – будто о них вспомнили в самый последний момент. Ожидая, когда подойдут остальные телевизионщики, Марк включил радио.

Чей-то голос – внушающий доверие, убедительный. Чувствовалось, что говорит профессиональный оратор.

«И евангелие сие будет проповедоваться во все мире, дабы засвидетельствовали его все народы. А затем настанет конец света. Поэтому, когда увидите вы, что воцарилась предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения, станьте во месте святом. И пусть те, которые в Иудее спасаются в горах» – голос изменил тональность – теперь выступающие не цитировал, а проповедовал. – «Народ мой, разве ты не видишь, что сейчас твориться в церквях? Разве это не та предсказанная мерзость?» Прочитавший сие пусть поймет сие «. Молот приближается, чтобы уничтожить злых и безнравственных».

– «Ибо настанет пора великого бедствия, которого не было от сотворения мира и до наших дней, какого никогда не было. И когда минуют те краткие дни, не останется нигде никакой плоти живой».

– Звучит внушительно, – сказал чей-то голос за спиной Марка. И Чарли Баскомб залез в вездеход.

– Вам проповедовал Евангелие преподобный Генри Армитаж, – сказал радио диктор. – Исполняя заповедь, радиостанция «Голос бога» вещает на весь мир на всех языках. Ваши пожертвования способствуют работе нашей радиостанции.

– В эти дни – наверняка – слушают эту станцию многие, – сказал Марк. – И, должно быть, сейчас деньги текут к нему со все сторон.

Машина выехала в Бурбанк и остановилась возле студии «Хорнер Бразерс». Приятная улица: много магазинов, и вообще тут все есть: от кабинок для просмотра короткометражек до изысканных ресторанов. Вдоль широкого бульвара текла людская река. Старлетки и киношники шли впережку с делового вида деятелями из страховых компаний. От автобусных и трамвайных остановок растекалась по улицам толпа женщин (эти домохозяйки – средний класс). Следом брели знаменитые артисты телевидения, из тех, кто живет по берегам озера Толука.

Пока его команда устанавливала камеры и звукоаппаратуру, Гарви вместе с Тимом Хамнером направился в ресторан – пить кофе. Следом за ними – когда все было готово – пошел Марк. Приблизившись к столику, где сидел Гарви и Тим, он услышал, что говорит Гарви – а говорил он так тихо, что Марк едва мог разобрать.

– ...и вся задача состоит в том, чтобы узнать, что думают люди. Свои собственные мысли я постараюсь скрыть: вопросы будут задаваться нейтральные и нейтральным голосом. Ваши мысли вам тоже придется скрыть молчанием. Ясно?

– Абсолютно ясно, – растягивая слова, ответил Тим. Взгляд у него был острый. – Что я должен буду делать?

– Вы можете быть полезным. Вы можете помочь Марку в проведении опроса. А можете устраниваться.

– У меня есть хорошая пишущая машинка, – сказал Хамнер. – Я мог бы...

– Мы не вправе использовать ничего, что у вас есть, – сказал Рэнделл. – Вы не член профсоюза, – подняв взгляд, он увидел Марка. Марк кивнул ему, и Гарви покинул ресторан. Марк вышел вместе с Хамнером.

– Он поручил мне то, что обычно, – сказал Марк. – Это, если честно говорить, убивает меня.

– Я вам верю. И, думаю, если б я помешал чем-либо интервьюированию, он бы тут же уволил меня. А ехать на такси отсюда дорого.

– Знаете, – хмыкнул Марк, – а мне когда-то казалось, что вы – заказчик.

– Ага. Этот ваш Гарви Рэнделл – крепкий орешек. Вы давно занимаетесь этим делом? Марк покачал головой.

– Это у меня временное, просто хочу чуть поработать для Гарви. Может когда-нибудь я сделаю это своим постоянным занятием, но – вы сами знаете, что такое телевизионный бизнес. Такая работа подрежет крылышки моей свободе.

Над Бурбанком висел смог.

– Вижу сегодня в горах правит бал Гертц, – сказал Хамнер.

Марк уставился на него в удивлении:

– Это как?

Хамнер показал на север, туда, где горизонт долины Сан-Фернандо тонул в коричневой дымке:

– Иногда отсюда видны горы. У меня там в горах обсерватория. Но, видимо, ущелье Гертца сегодня гонит туман обратно.

Они подошли к вездеходу. Камеры были уже установлены, наготове показать хоть крупный план, хоть широкую панораму – по выбору. Гарви начал работу: остановил мускулистого мужчину в каске и рабочих ботинках. Мужчина явно выделялся на фоне толпы торговцев и бизнесменов.

– ...Рич Коллантц. Занят на стройке – вон там – «Авери Билдинг».

Голос и манеры поведения Гарви Рэнделла такие, чтобы человек разговорился. Если понадобится, то, как он задает вопросы, будет заснято повторно.

– Вы слышали что-нибудь о комете Хамнер-Брауна?

Коллантц рассмеялся.

– У меня не так много свободного времени, как вы, наверное, думаете, чтобы размышлять о кометах.

(Гарви улыбнулся)

– Но я смотрел «Ежевечернее обозрение». Там сказали, что она может столкнуться с Землей.

– И что вы по этому поводу думаете?

– Гав... дерьмо, – Коллантц перевел взгляд на камеру. – Некоторые умники всегда что-то предсказывают. Озон исчезнет, мы все погибнем. А вспомните шестьдесят восьмой, когда все предсказывали и гадалки утверждали, что Калифорния соскользнет в океан, и психи бежали спасаться в горы.

– Да, но астрономы говорят, что если голова кометы столкнется с землей, это послужит причиной наступления...

– Ледникового периода, – прервал Коллантц. – Я это знаю. Прочел об этом в журнале «Астрономия», – он усмехнулся и поскреб затылок по желтой металлической каске. – Это уже на самом деле будет что-то. Подумайте сами, какое тогда разовьется строительство. А всем этим, которые благополучные, понадобится не счет в банке, а мех полярных медведей. Кто-то ведь должен отстреливать этих медведей для них. Может, и я смогу заполучить эту работенку для них, – улыбка Коллантц стала шире. – Да, это могло бы быть славно. Я бы с радостью попробовал, как это – стать великим охотником.

Гарви покапал еще чуть глубже. Хотя – не похоже, чтобы это интервью пригодились для фильма. Но оно и не являлось самоцелью. Гарви был рыболовом, а камера приманкой. Телекомпания не одобряла подобных методов изучения общественного мнения. Слишком дорого, слишком ненадежно и слишком в лоб – таково было мнение боссов компании. Информацию, отражающую общественное мнение, можно получить от подготовленных специалистов в этой отрасли знания – тех, которые сами хотят поработать на «НБС».

Еще несколько вопросов, касающихся науки и технологии. Коллантц явно наслаждался, позируя перед камерой. Слышал ли он, что планируется запуск «Аполлона» к комете? Что он об этом думает?

– Это мне нравится. Хорошее будет зрелище. Покажут по экрану много интересного, а стоять мне это будет меньше, чем билет в «Розовую чашу» – это я вам гарантирую. Кстати, надеюсь, что в полет назначат Джонни Бейкера.

– Вы знакомы с полковником Бейкером?

– Нет. Но хотел бы с ним познакомиться. Мне бы понравилось встретиться с ним. Я видел фотографии, где он ремонтировал «Скайлэб». Это была славная работа. А когда он вернулся на Землю, то наверняка задал жару этим ублюдкам из НАСА. Так ведь? Эге, мне пора двигаться. Пора приступать к работе.

Коллантц помахал рукой на прощание и отбыл. За ним в погоню – в ладони анкета – кинулся Марк.

– Сэр, вы не можете уделить нам немного времени?

Это был юноша – шел, понутив голову, погруженный в какие-то свои мысли. Внешность у него была подходящая, но лицо – как-то странно одеревеневшее. Он испуганно вздрогнул, когда Рэнделл прервал течение его мыслей.

– Что?

– Мы опрашиваем людей, что они думают о комете Хамнер-Брауна. Могу я узнать, как вас зовут?

– Фред Лаурен.

– Что вы думаете насчет кометы?

– Ничего. – И Лаурен довольно неохотно добавил: – Я смотрел вашу передачу. – На его скулах заиграли желваки. Такое Гарви было знакомо. Некоторые люди всю свою жизнь постоянно злятся. И мышцы, с помощью которых челюсти сжимаются, а зубы скрежещут, у этих людей хорошо развиты.

Гарви стало любопытно, не наткнулся ли он субъекта, страдающего выпадением памяти? Все же...

– Вы слышали о том, что есть вероятность того, что голова кометы столкнется с Землей?

– Столкнется с Землей? – Лицо у парня сделалось ошеломленным. Внезапно он повернулся и широкими шагами быстро пошел прочь – гораздо быстрее, чем он шел раньше.

– Что случилось? – Спросил Тим Хамнер.

– Не знаю, – сказал Гарви. Парень шел кого-то прикончить? Постоянно возникают все новые вспышки безумия – убийства не прекращаются. Больниц не хватает. Был ли Лаурен одним из этих сумасшедших, или парень просто поругался со своим боссом? «И никогда мы этого не узнаем. И если вас заедает любопытство – тем хуже для вас.»

Фред не смотрел ту, предыдущую передачу Рэнделла. Он смотрел на Коллинз, которая смотрела передачу о комете... Но кое-что из того, что он тогда услышал, начало всплывать в его памяти. Пути Земли и кометы могут пересечься. И если столкновение произойдет, то цивилизация погибнет. Сгорит. Конец света. Я умру. Мы *все* умрем. Фред выкинул из головы намерение вернуться на работу. Дальше по улице – журнальный киоск. Фред торопливо зашагал туда.

Были и еще интервью. Домохозяйки, которые и не слышали о комете. Старлетка, узнавшая Тима Хамнера (видела его в «Еженедельном обозрении») и пожелавшая, чтобы засняли как она целует его. Домохозяйки, осведомленные о комете не меньше, чем сам Гарви Рэнделл. Бойскаут, у которого на куртке был почетный знак за отличные познания в астрономии.

Примечательного для Гарви оказалось мало. Ответы были в общем одинаковые. И это не было странным: Бурбанк был городом развитой космической индустрии, и жители его весьма одобряли запуск «Аполлона». Однако – такое почти полное единодушие – даже для этого города – было необычным. Как заподозрил Гарви, просто людям хотелось, чтобы был совершен новый полет космического корабля с экипажем на борту. И еще им хотелось снова увидеть своих героев. Астронавтов. А комета – хороший предлог. Бормотали, правда, что полет обойдется в копейку, но большинство, подобно Ричу Коллантцу считало, что обычные их развлечения (менее интересные, чем экспедиция в космос) в конечном счете обходятся им дороже.

Телевизионщики уже собирались закругляться, когда Гарви, выловил в толпе замечательно красивую девушку. Он подумал при этом: Энная толика красоты еще никому не вредила. Вид у девушки был озабоченный, она почти бежала. Лицо – отсутствующее и вместе с тем выражает немедленную готовность к действию. Чувствовалось, что она поглощена мыслями о каких-то важных делах.

Улыбалась девушка как-то внезапно – и очень мило.

– Я не очень часто смотрю телевизор, – сказала она. – И боюсь, что я никогда не слышала о вашей комете. У меня сейчас на работе такое твориться...

– Это, видимо, будет очень большая комета, – сказал Гарви. – Этим летом вы увидите ее на небе. Кроме того, для ее изучения будет послана в космос специальная экспедиция. Одобрите ли вы этот намечаемый полет?

Девушка не торопилась ответом. Потом спросила:

– Много ли нового мы узнаем, исследовав эту комету?

Гарви кивнул, и тогда она сказала:

– В таком случае я – за полет. Если только он не будет стоить слишком дорого. И если правительства сможет полностью оплатить его – что представляется сомнительным.

Гарви сказал что-то насчет того, что исследование кометы каждому обойдется дешевле, чем футбол на футбольный матч.

– Разумеется. Но у правительства *нет* денег. И ни одну из своих программ оно отменить не может. Так что придется выпустить больше денег. Дефицит возрастет. Инфляция усилится. Но, разумеется, инфляция усилится в любом случае, так что за свои деньги мы можем позволить себе и исследование комет.

Гарви изобразил голосом нечто вроде одобрения. Девушка вдруг сделалась очень серьезной. Улыбка ее исчезла, взгляд сделался задумчивым, а потом рассерженным:

– Во всяком случае, какая разница – что именно я думаю? Никто в правительстве моего слова не услышит. И никого мое мнение не заботит. Конечно, я надеюсь, что запуск «Апол-

лона» состоится. По крайней мере, хоть *что* — *то произойдет*. Это будет не просто перекладывание бумаг из ящика в ящик.

Затем она улыбнулась снова, и на лице ее заиграл солнечный свет.

— Сама не понимаю, зачем я заговорила о трудностях, испытываемых политиками. Мне пора идти. — И ушла своей торопливой походкой — раньше, чем Гарви успел узнать ее имя.

А вот еще — старомодно одетый чернокожий мужчина. Не скрывая, терпеливо ждет своей очереди предстать перед камерой. Мусульманин? — подумал Гарви. Именно так одеваются мусульмане. Но оказалось, что негр — из числа сотрудников мэра, и что он хочет объявить всем и каждому, что мэр *проявляет заботу*, и что если избиратели одобряют новую программу мэра «Борьба со смогом», то жители долины Сан-Фернандо смогут увидеть звезды.

— Можете уделить мне еще пять секунд? И улыбнитесь еще раз, пожалуйста, вашей милой улыбкой, — сказал Тим Хамнер. — А вот Хамнер-Браун. Что это такое? — Затем Тим нахамил кому-то, кто влез с предложением, что эта комета разнесет вдребезги Кальвер-Сити. Девушка рассмеялась.

— Ладно. Я заполню вашу анкету.

— Прекрасно. Имя?

— Эйлин Сьюзан Ханкок.

Хамнер тщательно записал услышанное.

— Адрес? Номер телефона?

Девушка нахмурилась. Взглянула на вездеход и съемочную аппаратуру. Перевела взгляд на дорогостоящий костюм Хамнера (такие одевают только на праздник) и его тонкие часы «Пульсар».

— Я не понимаю...

— Мы должны знать людей, которых снимаем. Знать — еще до того, как они встанут перед камерой, — сказал Тим. — Вдруг взорвет. Я не то имел в виду. Я — на самом деле — не профессионал-телевизионщик. Это я просто решил поработать с ними. Бесплатно. А еще я заказчик. И тот самый человек, который открыл комету.

Эйлин изобразила на лице изумление (поддельное конечно): — «Как... Вот это помесь!» А затем они оба рассмеялись.

— Как вам удалось достичь всего этого?

— Тут важен правильный выбор бабушки. От которой потом можно унаследовать кучу денег и компанию, которая называется «Мыло Кальва». Далее следует потратить часть этих денег на обсерваторию. Обнаружить комету. Потом: принадлежащая тебе компания берет на себя роль заказчика документального фильма о комете, которой я так хвастаюсь. Таким образом, как видите, все обстоит превосходно.

— После того, как вы объяснили, все, разумеется, оказалось совсем не сложным.

— Послушайте, если вы не хотите назвать мне ваш адрес...

Эйлин жила в горной части Западного Лос-Анджелеса. Помимо адреса она продиктовала ему свой телефон. На прощание она энергично потрясла его руку и сказала:

— Мне надо бежать, но я действительно рада познакомиться с вами. Из-за вас этот день будет у меня хороший.

И она ушла, оставив Хамнера одного — на лице его цвела ошеломленная и радостная улыбка.

— Страшный суд, — сказал мужчина. — Армагеддон, — голос у него был сильный, убедительный. Борода — очень большая, белого цвета пучками у подбородка. И мягкие добрые глаза. — Пророки всех народов предсказывали, что этот день наступит. День Страшного Суда. Еще в древности предсказывали битву огня и льда. Молот есть лед и принесет он огонь.

— И что же вы советуете? — спросил Гарви Рэнделл.

Мужчина заколебался. Возможно, он опасался, что Рэнделл подшучивает над ним.

– Присоединиться к церкви. Присоединиться ко всей церкви, к любой церкви, в которую вы можете уверовать. «В доме отца моего много покоев». Истинная вера неуничтожима.

– А что вы будете делать, если Хамнер-Браун случайно промахнется?

– Этого не случится.

Гарви отправил его к Марку с его анкетами, и дал Чарли знак собираться. Неплохой получился день. Хотя бы несколько минут этого дня не прошли без пользы. Гарви кое-что узнал о настроении телезрителей.

Появился Марк с анкетой в руках.

– Все прошло хорошо, проблем нет. Надеюсь, вы заметили, что я держал свой рот на замке.

– Держали. Все прошло очень мило.

Вернулся Хамнер. Улыбка во весь рот, в чем-то ему крупно повезло. Он погрузил свою записывающую аппаратуру в кузов, потом залез сам.

– Я ничего не напутал?

– Страшный суд на подходе. Земля погибнет – в огне и льде. Это сообщил мне человек, у которого была прекраснейшая борода, которую я когда-нибудь видел. Где вы, черт побери, были?

– Заполнял анкету, – сказал Тим. И почти всю дорогу назад он глупо улыбался.

От здания Эн-Би-Си Тим Хамнер отправился в Буллокс. Что он будет делать, он знал заранее. Оттуда в цветочный магазин, а потом в аптеку. В аптеке он купил снотворного. В ближайшие часы эти таблетки ему понадобятся.

Не раздеваясь он плюхнулся на кровать. Он спал крепким сном, когда – примерно в половине седьмого – зазвонил телефон. Тим вскочил и зашарил в поисках трубки.

– Алло.

– Алло. Я хотела бы поговорить с мистером Хамнером.

– Это я. Эйлин? Извините, я спал. Я собирался позвонить вам.

– Что ж, я вас опередила. Тим, вы действительно знаете как возбудить у женщины интерес. Цветы – великолепные, но ваза... я хотела сказать, что мы ведь только что познакомились.

Тим рассмеялся.

– Я воспринимаю это так, что вам нравится стьюбеновский хрусталь. У меня неплохая коллекция этого хрусталя.

– Вот как?

– Мне нравятся вазы в виде зверей, – Тим переместил себя в сидячую позу. – У меня уже есть... погодите-ка, голубого кита, единорога и жирафа я получил в наследство от бабушки, эти вещицы выполнены в старом стиле. И Лягушачьего принца – тоже. Вы видели когда-нибудь Лягушачьего принца?

– Я видела фотографии его величества. Послушайте, Тим, разрешите пригласить вас на обед. Есть один необычный ресторан под названием «Дар Магриб».

Мужчины обычно делали паузу, когда Эйлин приглашала их пообедать вместе. Паузу Тима едва можно было заметить.

– Мистер Хамнер с благодарностью принимаю ваше приглашение. «Дар Магриб» необычен? – прекрасно. Вы там уже бывали?

– Да. Очень хорошее место.

– И вы придете не опаздывая? Не заставляйте меня грызть ногти.

Эйлин рассмеялась.

– Проверим, насколько вы терпеливы.

– Э-ха-ха. Почему бы вам не прийти сперва ко мне – на коктейль? Я представлю вас его величеству и остальному хрустальному зверю – тоже, – и Тим объяснил Эйлин, как добраться до его дома.

Фред Лаурен вернулся домой, притащив с собой кучу журналов. Положив их рядом, он сел в кресло (пружины сиденья совсем ослабели) и начал чтение с «Национальных исследований».

Статья подтвердила его худшие опасения. Комета наверняка столкнется с Землей, и никто не знает, в какое место планеты она ударит. Но столкновение произойдет летом и поэтому (рисунок показывал это совершенно ясно) удар будет нанесен в северном полушарии. Никто не знает, насколько массивной окажется голова кометы, но «исследования» утверждают, что столкновение может означать конец света.

И к тому же попутно Фред слушал по радио выступление проповедника – этого дурака, речи которого транслируют сейчас все станции. Приближается конец света. Челюсти Фреда сжались, он поднял с пола выпуск «Астрономии». Согласно «Астрономии» вероятность того, что какая-либо часть головы кометы столкнется с Землей равна одной стотысячной – но Фред на эти подсчеты не обратил внимания. Его отвлекли рисунки – очень красочные рисунки: астероид, разбуженный ракетными двигателями космического корабля, извлекает из себя расплавленную магму; «среднего» размера астероид, помещенный для сравнения – над Лос-Анджелесом; голова кометы врезающейся в океан и морское дно обнажилось.

Стало слишком темно для чтения, но Фреду и в голову не пришло зажечь свет. Немногие люди смогли бесповоротно, поверить, что их неизбежно ждет близкая смерть, но Фред теперь – верил. Он сидел в темноте, и вдруг ему подумалось, что Коллинз, должно быть, уже пришла домой. И тогда он пошел к телескопу.

Девушки он не увидел, но в ее окнах горел свет. Глаза Фреда внезапно вспыхнули. И вспыхнула оштукатуренная стена, посреди которой окно. Она горела ослепительным огнем, который медленно угас, уступив место иному огню. Горели отдернутые занавески, простыни, подушка, стол и скатерть на столе. Все пылало. Окна разбиты вдребезги, и осколки – горели. Ибо открылась дверь ванной комнаты.

На ходу одевая халат (он не надевался) вышла девушка. Голая. Фреду показалось, что она вся светится. Она показалась ему святой. На нее нельзя было смотреть – настолько невыносимой была ее красота. Прошла вечность, прежде чем она запахнула халат... И пока длилась эта вечность, Фред укутал ее, окутанную пламенем Молота. Пламенем, которое породило падение Молота. Коллинз горела словно звезда, веки сомкнуты – тщетно! – это не поможет, лицо иссечено осколками стекла, халат обуглился, длинные светлые волосы дымятся, темнеют... горят... Она умерла, а он так и не успел с ней встретиться... Фред резко отвернулся от телескопа.

Мы и не можем встретиться, сказал ему внутренний голос. Голос разума. Я ведь все понимаю. Я не имею права снова попасть в тюрьму.

Тюрьма? И это когда приближается комета и приближается конец света? На судебное разбирательство уйдет немало времени. Фред никогда не попадет в тюрьму. Он успеет умереть раньше.

Фред Лаурен улыбнулся – улыбнулся странной улыбкой. Мышцы на скулах его перекатились плотными желваками. *Он успеет умереть раньше!*

МАЙ

К 1790 году философам и ученым были известны многочисленные свидетельства того, что с неба падали камни. Но большинство наиболее видных ученых было настроено скептически. Перелом наступил лишь в 1794 году, когда немецкий юрист Хладны опубликовал результаты исследования о подтвержденных падениях метеоритов. Падение одного из метеоритов сопровождалось появлением шаровой молнии. Хладны считал, что свидетельства о падении метеоритов с неба истинны. Он сделал правильное заключение, что метеориты – объекты небесного происхождения, раскаляющиеся при прохождении через атмосферу Земли. Хладны даже предположил, что метеориты, возможно, являются обломками распавшейся планеты. Эта мысль легла в основу некоторых выдвинутых позднее теорий происхождения астероидов. Через семь лет был обнаружен первый из таких астероидов. Предположения Хладны встретили много возражений – не потому, что они плохо продуманы (Хладны смог собрать неопровержимые доказательства!). Причина заключалась в том, что для его современников мысль о том, что небесного происхождения камни могут падать с неба, была просто-напросто неприемлемой.

Вильям К. Хартман «Планеты и спутники: введение в планетологию».

Заметно прихрамывающий молодой мужчина шел по коридору. Войдя в кабинет, он едва не споткнулся о толстый ковер, но Карри, секретарь, ведающий приемом посетителей сенатора Джеллисона, успела подхватить его под руку. Мужчина сердито отстранился.

– Мистер Колин Саундерс, – объявила Карри.

– Чем я могу быть для вас полезен? – спросил сенатор Джеллисон.

– Мне нужна новая нога.

Джеллисон попытался не выказывать удивления – но безуспешно. «А я еще полагал, что понимаю их» – подумал он.

– Садитесь, пожалуйста, – и Джеллисон глянул на часы. – Уже седьмой час...

– Я понимаю, что отнимаю у вас ваше бесценное время, – голос Саундерса оказался какой-то воющий.

– Пожалуйста, забудьте о времени, – сказал Артур Джеллисон. – Просто поскольку уже седьмой час, мы имеем право немножко выпить. Не откажитесь?

– Ну... спасибо, да, сэр.

– Прекрасно, – Джеллисон встал из-за стола (стол деревянный в витиеватом стиле), подошел к старинного вида бару, сделанному в стену. Само здание было не старым, но меблировано оно было так, будто здесь еще жил Даниэль Уэбстер (тот самый, который заслужил себе репутацию человека, не ждущего, когда наступит седьмой час). Сенатор Джеллисон открыл бар. В баре обнаружилось огромное количество бутылок со спиртным. Почти на всех бутылках была одна и та же наклейка – «Самогон?» – спросил посетитель.

– Еще бы... Пусть этикетки вас не обманывают. Вон в той черной бутылке «Джек Дениэлс». Все остальное – тоже лишь высшие сорта. Зачем платить по настоящей цене, когда я могу получить то же самое гораздо дешевле? Из домашних запасов. Что предпочитаете?

– Шотландское.

– Пожалуйста. А я приверженец «Бурбона».

Джеллисон наполнил два стакана.

– А теперь расскажите мне о вашем деле.

– Все дело в комитете по делам ветеранов, – начал рассказывать Саундерс. Это будет четвертая его искусственная нога. Первая, выданная комитетом по делам ветеранов, была великолепна, но ее украли. А три следующие никуда негодились, они причиняли боль, а теперь вот комитет по делам ветеранов вообще ничего не намерен делать.

– Выглядит так, что вам никак не разрешить эту проблему, – мягко сказал Джеллисон.

– Я попытался повидаться с почтенным Джимом Брейденом, – в голосе парня вновь послышалась горечь. – Но не смог даже записаться на прием.

– М-да, – сказал Джеллисон. – С вашего разрешения – одну секунду. – Вынул из ящика стола маленькую записную книжку. «Пусть Эл задаст жару этому сукину сыну, – записал он. Партии не нужны подобные фокусы. И ведь это повторяется не первый раз.» Затем он положил перед собой блокнот.

– Будет лучше всего, если вы перечислите мне имена врачей, с которыми вы имели дело, – сказал он.

– Вы действительно хотите мне помочь?

– Я разберусь с вашей проблемой, – Джеллисон записал все в подробностях. – Где вы были ранены?

– Под Кхе Сапхом.

– Медали? Как вам известно, это иногда помогает.

Посетитель пожал плечами:

– Серебряная звезда.

– И «Пурпурное сердце», разумеется, – сказал Джеллисон. – Не хотите ли еще выпить?

Посетитель улыбнулся и покачал головой. Повел взглядом вокруг, осматривая кабинет, стены украшены фотографиями: сенатор Джеллисон в индейской резервации; Джеллисон в бомбардировщике – склонился над приборами; дети Джеллисона, сотрудники Джеллисона, друзья Джеллисона.

– Не буду больше отнимать у вас время. Вам, должно быть, некогда, – посетитель осторожно встал.

Джеллисон проводил парня к двери. Потом дверь снова открылась – Карри.

– Это был последний, – сказала она.

– Прекрасно. Я еще некоторое время здесь побуду. Сообщите это Элу и можете идти домой... о, еще одно. Попытайтесь сперва соединить меня с доктором Шарпсом и ИРД, ладно? И позвоните Маурин, скажите ей, что я сегодня задержусь.

– Хорошо, – Карри улыбнулась про себя, глядя, как сенатор возвращается вглубь кабинета. Еще до того, как она успеет уйти (окончательно уйти), он ухитрится сделать еще девять дел – из тех, что оставляют на последнюю минуту. И что касается этого – она уже подготовила все, что надо. Карри заглянула в комнаты, где размещались сотрудники сенатора. Все уже ушли – за исключением Элвина Харди. Он всегда уходит позже всех: ждет – на всякий случай. «Сенатор хочет вас видеть», – сказала Карри.

– Что произошло? – Эл вошел в кабинет сенатора. Джеллисон, развалившись сидел в своем роскошном кресле. Куртка и узкий похожий на полочку галстук, брошены поперек стола. Рубашка наполовину расстегнута. Рядом с бутылкой стоял большой стакан, наполненный «Бурбоном».

– Слушаю вас, сенатор, – сказал Эл.

– У меня к вам пара дел, – Джеллисон передал Элу свои записи. – Разберитесь вот с этим. Если все это правда, мне бы хотелось, я хочу, чтобы виновные оказались на костре... огонь разведите средней величины. Пусть на деньги, которые вычтут из их черного жало-

вания будет куплена нога, которая окажется парню в пору. Нельзя обманывать кавалера Серебряной звезды. И медицинское обследование должно быть проведено должным образом.

– Хорошо, сэр.

– Далее. Загляните-ка в район Брейдена. Мне представляется, что для партии было бы лучше, если б там сидел другой парень. Я имею в виду – какойнибудь член городского совета, который...

– Бен Тиссон, – осторожно подсказал Эл.

– Ну вот – мы уже знаем его имя. Тиссон. Как вы думаете, он может взять верх над Брейденом?

– Может. Если вы ему поможете.

– Загляните туда. Подозреваю, что мистер Брейден так дьявольски занят, борясь за сохранение мира, что у него нет времени на общение с избирателями, – сказал без улыбки сенатор Джеллисон.

Эл кивнул. Брейден, подумал он, ты уже труп. Когда у босса бывает такое настроение... Зажужжал интерком.

– Доктор Шарпс, – сказала Карри.

– Хорошо. Не уходите, Эл. Я хочу, чтобы вы все слышали.

– У телефона, сенатор, – сказал доктор Шарпс.

– Как идет подготовка к запуску? – спросил Джеллисон.

– Все прекрасно. Но было бы еще лучше, если б каждая важная шишка из Вашингтона не отрывала меня от дела телефонными звонками, чтобы узнать, как идет подготовка к запуску.

– Черт побери, Чарли, у меня начинает отрастать на вас длиннющий зуб. Уж если кто-нибудь должен быть в курсе дел, то это я.

– Вы правы. Извините, – сказал Шарпс. – Дела на самом деле – идут лучше, чем ожидали. Во многом тут помогли нам русские. Они поставили больший, чем раньше, стартовый двигатель, и они берут много припасов, которыми, частично, они поделятся с нами. Благодаря им мы сможем взять больше научного оборудования. Таким образом – в виде исключения – наблюдается разделение труда. И это имеет смысл.

– Хорошо. Вы даже не подозреваете, какие мне пришлось пустить в ход связи, чтобы вы могли осуществить этот запуск. А теперь объясните мне снова, какую пользу принесет все это.

– Сенатор, польза от этого – вся, какую мы можем извлечь... вернее принести делая то, что мы делаем. Это не принесет открытия способов извлечения рака, но мы наверняка! – многое узнаем о планетах, об астероидах и кометах. Кроме того, этот парень с телевидения, Гарви Рэнделл, хочет сделать документальный фильм с вашим участием. Похоже ему кажется, что телекомпания должна воздать вам должное за то участие, которое вы приняли в подготовке этого запуска.

Джеллисон быстро глянул на Эла Харди. Харди энергично закивал и улыбнулся, сказав:

– Наша популярность среди лос-анджелесцев возрастает.

– Передайте ему, что мне эта идея нравится, – сказал Джеллисон. – Я в его распоряжении когда ему будет угодно. Пусть он свяжется с моим помощником – с Элом Харди. Передадите?

– Хорошо. Это все, Арт? – спросил Шарпс.

– Не-ет, – Джеллисон допил свой стакан виски. – Чарли, тут у нас есть люди, считающие, что комета столкнется с нашей планетой. Эти люди – не психи. Это вполне здравомыслящие люди. У некоторых из них ученых степеней не меньше, чем у вас.

– Я знаком с большинством из этих людей, – признался Шарпс.

– Итак?

– Ну что я вам могу сказать, Арт? – Шарпс помолчал мгновение. – Наиболее точно высчитанная нами орбита показывает, что комета столкнется с нами лоб в лоб.

– Господи, – выдохнул сенатор Джеллисон.

– Но эта предполагаемая нами орбита имеет ошибку в несколько тысяч миль. А расхождение хотя бы в тысячу миль есть расхождение. На таком расстоянии комета до нас не дотянется.

– Но столкновение все же возможно?

– Ну... это не для общего сведения, Арт.

– Даже если б вы попросили, чтобы я довел это до общего сведения...

– Ну и прекрасно. Да, столкновение возможно. Но все шансы против этого.

– Какие именно шансы?

– Вероятность столкновения: единица против нескольких тысяч.

– Насколько мне помнится, вы говорили о соотношении: единица против миллиарда...

– Вероятность увеличилась, – сказал Шарпс.

– Настолько увеличилась, что нам следует что-то предпринять?

– А что вы можете сделать? Я уже беседовал с президентом, – сказал Шарпс.

– Я тоже.

– И он не желает никакой паники. Я с ним согласен. Вероятность того, что вообще что-либо случится, все еще одна сколько-то тысячная – настаивал на своем Шарпс. – Зато существует полная уверенность, что если мы начнем какие-то приготовления, многие и многие люди – очень многие! – погибнут. Мы уже сталкивались с эпидемиями повального сумасшествия. Плюс – патологические насильники. Психи, объединяющиеся в банды. Люди, увидевшие в конце света прекрасный случай для того, чтобы...

– Давайте повествуем дальше, – сухо сказал Джеллисон. – Говорю вам, я тоже виделся с президентом. Он разделяет ваше мнение. А, может вы разделяете его мнение. Чарли, я не говорю о том, что нужно оповестить широкую общественность, я говорю о *себе самом*. Если столкновение произойдет – в какое место комета ударит?

Снова молчание.

– Вы исследуете эту возможность, – стоял на своем Джеллисон, – не так ли? А если не вы, то тот сумасшедший гений, которого вы держите возле себя... Как его... а, Форрестер. Я прав?

– Да, – с явной неохотой сознался Шарпс. – Молот распадается. Если произойдет столкновение, то сперва произойдет целая серия ударов. А потом ударит основная часть головы... И не беспокойтесь насчет каких-либо приготовлений. Никакие приготовления не помогут.

– Ого!

– Да, – сказал Шарпс. – Дело обстоит плохо.

– Но если землю ударит лишь часть кометы...

– Удар придется в Атлантический океан, это наверняка, – сказал Шарпс.

– Что означает, что Вашингтон... – Джеллисон не совладел с собой, голос его сорвался.

– Вашингтон окажется под водой. Все Восточное побережье – до самых гор – будет покрыто водой, – сказал Шарпс. – Цунами. Но вероятность столкновения очень мала, Арт. Очень мала. Давайте лучше верить, что все ограничится впечатляющим световым представлением – ничего больше не будет.

– Конечно. Конечно. О'кей, Чарли. Не буду больше мешать вам заниматься работой. Кстати, где вы собираетесь быть в Тот День?

– В ИРД.

– На какой высоте над уровнем моря расположен институт?

– Что-нибудь около тысячи футов, сенатор. На высоте примерно тысячи футов. До свидания.

Связь оборвалась раньше, чем Джеллисон успел положить трубку. Какое-то мгновение он и Харди неотрывно смотрели на умолкший аппарат.

– Эл, мне кажется, что хорошо бы нам отправиться на мое ранчо, – наконец сказал Джеллисон. – Там – подходящее место, чтобы ждать приближения кометы.

– Да, сэр...

– Но мы должны быть осторожны. Никакой паники. Если дела пойдут серьезно, вся страна будет охвачена пламенем. Полагаю, что на этой неделе конгресс под благовидным предлогом подыщет для себя подходящее убежище. Мы не должны делать ничего подобного, но я хочу, чтобы члены моей семьи тоже отправились на ранчо. Я позабочусь о Маурин. Вы проследите, чтобы на ранчо поехали Джек и Шарлотта.

Эл Харди содрогнулся. Сенатора Джеллисона не волновала судьба его зятя. Как и не волновала судьба самого Эла. И – неприятное предстоит дело: убедить Джека Турнера отправиться вместе с женой и детьми на калифорнийское ранчо Джеллисона.

– Понадобится, тащите на веревке, – распорядился Джеллисон. – Вы, разумеется, поедите с нами. Нам понадобится различное снаряжение. Снаряжение на случай конца света. Пара вездеходов, с обеими ведущими осями...

– «Лэнд роверы», – предложил Эл.

– Нет, черт побери, не «Лэнд роверы», – сказал Джеллисон. Налил себе в стакан пальца на два. – Нужны американские вездеходы, будь оно все проклято! Скорее всего столкновения с кометой не произойдет. Не произойдет, нет. И когда эта комета пройдет мимо, конечно, же, черт возьми, мы не должны оказаться владельцами автомобилей произведенных за рубежом. «Джипы», пожалуй, или что-либо производства «Дженерал моторс»...

– Я займусь этим, – сказал Эл.

– И прочее снаряжение. Палатки, и так далее – что нам нужно для устройства лагеря. Батареи. Лезвия для бритвы. Карманные компьютеры. Винтовки. Спальные мешки. Купите все, что нужно, а если не...

– Это обойдется в не малую сумму, сенатор.

– Ну и что из этого? Я еще не разорился. Закупайте все оптом, но – держите наши планы в секрете. Если кто-то начнет задавать вопросы, отвечайте... что? Мы собираемся в путешествие... в Африку. Хотим устроить там пикник. И вообще – должен же быть какой-то Национальный исследовательский проект для Африки...

– Конечно, сэр!

– Прекрасно. Вот и все! Это на тот случай, когда кто-нибудь начнет задавать вопросы. В наши планы можете посвятить Расмуссена. И больше из моих сотрудников – никого. У вас есть девушка, которую вы хотели бы взять с собой?

Он действительно ничего не знает, подумал Эл. Он действительно ничего не знает, что я люблю Маурин.

– Нет, сэр.

– О'кей. Так что я поручаю это дело вам. Вы сами понимаете, что все это чертовски нелепо, и когда комета разминется с Землей, мы будем чувствовать себя в чрезвычайно дурацком положении.

– Конечно, сэр. (Надеюсь, что так и будет. Но Шарпс назвал ее Молотом!)

– Это совершенно не опасно. В 1932 году астероид Аполлон прошел на расстоянии два миллиона миль – это очень близко по космическим масштабам. Нет никакой опасности. В 1936 году Адонис прошел на расстоянии в миллион миль. И что из этого? Помните панику 1968 года? Люди, особенно жители Калифорнии, искали спасения в горах. А потом все и

думать об этом забыли – за исключением тех, кто разорился, покупая спасательное снаряжение – которое так и не пригодилось.

– Комета Хамнер-Брауна предоставляет нам великолепную возможность узнать много нового о неземных телах. Ибо она пройдет в сравнительной (я подчеркиваю – в сравнительной) близости от нашей планеты. И это все, что можно сказать о комете Хамнер-Брауна.

– Благодарю вас, доктор Трис. Вы прослушали выступление доктора Генри Триса из Геолого-Картографического управления Соединенных Штатов. А теперь продолжаем нашу обычную программу.

Дорога шла к северу – сквозь апельсиновые и миндальные рощи, по восточному краю долины Сан-Иоаквин. Иногда дорога взбиралась на высокие холмы, иногда проходила меж ними. И если посмотреть налево, то была видна бескрайняя равнина, усеянная фермерскими домиками, покрытая полями, пересеченная каналами. Равнина простиралась до самого горизонта. Единственные высокие здания в поле зрения – недостроенный комплекс ядерного центра «Сан-Иоаквин».

От Портервилля Гарви Рэнделл свернул направо и – мимо холмов – погнал к востоку. Дорога круто вильнула и на мгновение Гарви увидел все великолепие простирающейся на восток Хай Сьерры, и вдаль – горные вершины, еще покрытые снегом. Наконец, Гарви свернул к обочине и подъехал к воротам без надписи. Через эти ворота только что проехал автомобиль с эмблемой Почтового ведомства США, и водитель вылез, чтобы закрыть их. Волосы у парня были длинные и еще – элегантная борода.

– Заблудились? – спросил он.

– Зря вы так думаете. Это ферма сенатора Джеллисона? – в свою очередь спросил Гарви.

Почтальон пожал плечами.

– Утверждают что так. Я никогда не видел его. Вы закроете ворота?

– Конечно.

– Я провожу вас.

Почтальон забрался в свой автомобиль. Гарви проехал в ворота. Вылез, закрыл их. И затем проехал вслед за почтовой машиной. Покрытая пылью дорога взбиралась на вершину холма. Показался белостенный дом. Дорога раздвоилась, правое ответвление вело вниз – к хозяйственным строениям и цепочке связанных между собой озер. Над озерами возвышались гранитные утесы. По берегам – роща апельсиновых деревьев и пастбища. Пастбища были усеяны обломками утесов – выветрившимися глыбами, каждая больше, чем обычный в Калифорнии пригородный домик.

Из дома вышла дородная женщина. Приветствуя, махнула рукой почтальону.

– Горячий кофе, Гарри!

– Спасибо. Поздравляю вас с Днем Хлама!

– О снова? Так быстро? Прекрасно. Куда нести этот хлам вы знаете. – Женщина подошла к вездеходу: – Чем я могу быть вам полезной?

– Мне нужно увидеться с сенатором Джеллисоном. Я Гарви Рэнделл из «НБС».

Мисс Кокс кивнула:

– Вас ждут, в большом доме. – Она указала вниз, туда, где вилось левое ответвление дороги. – Машину оставите там и ничего не бойтесь.

– Что такое День Хлама? – спросил Гарви.

На лице мисс Кокс – странное выражение. Потом оно сделалось равнодушным.

– Так, чепуха; – сказала она. И ушла на веранду. Почтальон еще раньше скрылся в доме.

Гарви пожал плечами и тронул вездеход с места. Дорогу ограждал со всех сторон забор из колючей проволоки. Апельсиновые рощи – справа, пастбища, в основном, – слева. Гарви проехал поворот и увидел дом. Дом был большой с каменными стенами и покрытой шифе-

ром крышей. Обширное, массивное здание казалось не слишком подходящим для этой сельской местности. По бокам дома высились утесы. Сквозь каньон открывался вид на Хай Сьерру – на мили и мили.

Машину Гарви оставил у черного входа. Когда он пошел вокруг дома, направляясь к огромной передней парадной, дверь на кухню отворилась.

– Эй, – крикнула Маурин Джеллисон. – Поберегите ваши ноги и входите здесь.

– Хорошо. Спасибо.

Маурин по прежнему была премиленькой – такой она и запомнилась Гарви. На ней были рыжевато-коричневые брюки (пошив – так себе) и высокие сапоги – не из тех, что для настоящего путешествия, а так, для прогулок. «Обувка на вафельной подошве», – так бы охарактеризовал эти сапоги Марк Ческу. Рыжие волосы Маурин выглядели так, будто она только их расчесала. Они спадали ей на плечи – волнами, и на концах слегка завивались. В них играло солнце.

– Хорошо ли доехали? – спросила она.

– Да, вполне...

– Мне очень нравится дорога, ведущая сюда от Лос-Анджелеса, – сказала Маурин. – Полагаю, вы сейчас не откажитесь немного выпить. Что предпочитаете?

– Шотландское. Спасибо.

– Не за что, – она провела его через прихожую в очень по современному обставленную кухню. Шкафчик на кухне был полон выпивки. Маурин достала бутылку «Оулд Федкал», затем принесла лед.

– Когда сюда приезжаешь, тут всегда слишком холодно, – сказала она. – Тут рабочая ферма, и у Коксов нет времени слишком часто приходить и наводить здесь порядок. Пожалуй будет лучше, если пройдем в комнату.

Она вела его, показывая дорогу – через холл в комнату, расположенную в передней части дома. Перед комнатой была выстроена обширная веранда. В таком помещении приятно жить, решил Гарви. Стены были обшиты деревом светлых тонов и украшены резьбой. Это чтоб соблюсти стиль ранчо – и, пожалуй, не слишком подходящие для такого громадного дома, как этот. Еще по стенам были развешаны во множестве фотографии собак и лошадей. А также почетные ленты и медали – в основном, за лошадей, но некоторые и за крупный рогатый скот.

– А где все остальные? – спросил Гарви.

– Сейчас я здесь в гордом одиночестве, – ответила Маурин.

Гарви затолкал появившуюся мысль в подсознание и принудил себя рассмеяться.

– Сенатор охотиться за голосами, – продолжала Маурин. – Но сегодня вечером его застопорили из Вашингтона. Так что утром он будет здесь. Папа сказал, чтобы я вам все здесь показала. Хотите еще порцию?

– Нет, спасибо. Одной вполне достаточно.

Гарви поставил стакан на стол – и поднял снова, когда понял, что стол-то – украшенный тончайшей полировкой туалетный столик. Гарви ладонью стер оставшийся на полировке влажный круг.

– Хорошо, что моя команда не прибыла сюда вместе со мной. Им сейчас нужно доделать кое-какую работу. Я надеялся завтра утром встретиться с сенатором Джеллисоном. Утром прибудет машина с аппаратурой, но вдруг сенатор в это время окажется занят? У меня репутация хорошего телевизионщика. Мои ребята будут здесь завтра утром, и я думал, что использую вечер для того, чтобы встретиться с сенатором. Я хотел выяснить, о чем бы он хотел поговорить, встав перед камерой...

Что-то я слишком разболтался, подумал Гарви. Что-то я отупел. Опыанел.

– Подготовились путешествовать? – спросила Маурин, взглянув на рабочие брюки и туристские ботинки Гарви. – Знаете – не переодевайтесь. Коль скоро вы готовы для путешествия, я покажу вам лучшие виды во всей долине.

– Договорились. Давайте пойдем.

Они вышли через кухню. Пересекли апельсиновую рощу. Слева бормотала речка.

– В ней хорошо купаться, – сказала Маурин. – Если мы вернемся не поздно, можно будет окунуться.

Они полезли сквозь ограду. Маурин раздвинула колючую проволоку и легко проскользнула по ту сторону. Потом обернулась, наблюдая за действиями Гарви. И улыбнулась, увидев, что он лезет точно в том же месте, очевидно, всецело полагаясь на ее опыт.

По ту сторону ограды земля густо поросла кустарником и сорняками. Было ясно, что здесь никогда ни не пахали, ни скот не пасли. Путь шел круто вверх. Повсюду виднелись узкие тропы, оставленные, очевидно, кроликами либо козами. Для человека эти тропинки явно не годились. Маурин и Гарви поднялись на несколько футов и оказались у подножья огромного гранитного утеса. Стены утеса отвесно поднимались на высоту примерно двухсот футов.

– Мы обогнем его слева, – сказала Маурин. – Но учтите: дорога здесь более трудная.

Еще бы не более трудная, подумал Гарви. Похоже, мне ее не осилить. Но будь я проклят, если окажется, что я слабее вашингтонской потаскушки. Она считает, что я опытный путешественник.

Ему уже давно не приходилось пускаться в пешие походы вместе с девушкой – с тех пор, как Магги Томпкинс подорвалась на минном поле во Вьетнаме. Магги была неутомимым репортером, и вечно была занята поиском новостей. Ей было не интересно посиживать в баре «Каравелла», получая известия из третьих или четвертых рук. Вместе с ней Гарви побывал на фронте. А однажды они пересекли линию фронта и оказались в тылу конгов. И выбирались оттуда... Если бы Магги не погибла... Гарви отогнал эту мысль. Все это произошло давно. Давно.

Они карабкались по расщелине.

– Вы часто бываете здесь? – стараясь чтобы голос его не дрожал, спросил Гарви.

– Была здесь только один раз, – ответила Маурин. – Папа сказал, что в одиночку сюда ходить нельзя.

Наконец они забрались наверх. Но это – увидел Гарви – еще не была самая верхняя точка. Маурин и он стояли на краю гребня, простиравшегося далее на юг и глубоко вдававшегося в Хай Сьерру. Грудь утеса пересекала узкая тропа. Маурин и Гарви шли вдоль тропы, пока не достигли вершины. Отсюда было видно ранчо.

– Вы были правы, – сказал Гарви. – Вид отсюда действительно великолепный. – Он стоял на глыбе в многоэтажный дом, чувствуя, как его лицо обвеивает легкий ветерок, дующий через долину. Повсюду, куда достигал его взор, виднелись громадные белые утесы. Должно быть через эти места, в давние времена проходил ледник, он и усеял всю окрестную местность этими глыбами.

Внизу лежала ферма сенатора. Маленькая долина – отсюда видно – была создана рекой, текущей в нескольких милях к западу. А за рекой, множество холмов, усеянных огромными с одноэтажный дом белыми глыбами. Вдали за холмами (и немного ниже уровня, на котором располагалась ферма) широко простиралась долина Сан-Иоаквин. Отсюда она казалась окутанной туманом, но Гарви показалось, что он различает смутные очертания Темблор Рэйндж – это уже западная оконечность лежащей посреди Калифорнии долины.

– Серебряная долина, – сказала Маурин. – Вся она принадлежит нам, а за ней ранчо Джорджа Кристофера. Когда-то я чуть не вышла за него замуж... – она оборвала фразу и рассмеялась.

Почему меня охватила ревность? – Гарви сам не понимал этого.

– Ну и что же здесь странного?

– Когда он предложил мне руку и сердце нам было по четырнадцать лет, – объяснила Маурин. – Это было почти шестнадцать лет назад. Как раз папу избрали в сенат, и мы собирались переехать в Вашингтон. Джордж и я изобретали различные варианты – как бы мне не ехать туда, а остаться здесь.

– Но вы не остались.

– Нет. Иногда я жалею, что сделала этого, – вздохнула Маурин. – Особенно, когда я оказываюсь здесь, – и она выразительно показала рукой.

Гарви обернулся. Холмы, множество холмов и гор, вздымающихся все выше и выше и сливающихся вдаль с Сьерра-Невада. Громадные горы выглядели так, будто их никогда не касалась нога человека. Гарви знал, что это не так. Если на тропе Джона Мура ты увидишь человека, наклонившегося, чтобы завязать шнурки своих ботинок, то, скорее всего, это турист, облазивший все эти горы.

Громадную скалу, на которой стояли Маурин и Гарви, с края пересекала расщелина. Она была шириной не более, чем в ярд, но так глубока, что Гарви не мог разглядеть ее дна. Вершина скалы круто скашивалась к расщелине – так что у Гарви не возникло даже мысли приблизиться к этой расщелине.

Маурин прогулочным шагом подошла к расщелине и, не раздумывая перешагнула через нее. Она стояла на узкой, не более двух футов шириной полоске камня и впереди нее была трехсот футовая пропасть, а за спиной – неизведанная глубина расщелины. Вид у Маурин был радостный. Она обернулась.

И увидела жалкую фигуру Гарви Рэнделла. Он застыл, пытаясь шагнуть вперед и не в силах этого сделать. Во взгляде Маурин мелькнуло изумление, тут же сменившееся пониманием. Она шагнула обратно через расщелину.

– Извините. Вы боитесь высоты?

– Немного, – признался Гарви.

– А никогда не испытывала этой боязни... О чем вы сейчас думаете?

– Как мне выбраться отсюда, если чтонибудь случится. Если б я смог заставить себя перебраться через эту расщелину хоть ползком...

– Я осуждаю свое поведение, – сказала Маурин. – Я нехорошо поступила. Но, как бы там ни было, давайте я покажу вам наше ранчо. Отсюда вы можете увидеть его почти полностью.

Позднее Гарви не мог вспомнить, о чем они беседовали. Так, болтовня по пустякам, но время пролетело быстро и все было на славу. Более приятной беседы и не упомнишь.

– Пора возвращаться домой, – наконец сказала Маурин.

– Пора. Может быть, здесь есть дорога легче, чем та, по которой мы взбирались сюда?

– Не знаю. Но можем поискать, – и она направилась налево, огибая утес.

Маурин и Гарви пробирались сквозь кустарник, шли вдоль узких козьих троп. Повсюду виднелись кучки козьего и овечьего помета. И оленьего тоже, решил Гарви, хотя точно он знать не мог. Почва была слишком твердой, и следов не оставалось.

– Похоже, что до нас здесь человек не появлялся, – сказал Гарви. Но сказал он это слишком тихо, и Маурин не расслышала. Они шли по дну узкого оврага. Даже не оврага, а расщелины в крутом склоне холма. Ранчо было не видно.

Позади раздался какой-то звук. Гарви испуганно обернулся. По склону спускалась лошадь.

Не просто лошадь. На ней сидела всадница – маленькая белокурая девочка, ребенок не старше двенадцати лет. Она ехала без седла, и казалась частью огромной лошади, они – девочка и лошадь – сливались, будто это был вышедший из сказочного мира кентавр.

– Привет, – крикнула девочка.

– Привет, – сказала Маурин. – Гарви, это Алис Кокс. Коксы управляют нашим ранчо. Алис, что ты здесь делаешь?

– Смотрю, как вы идете, – голос у девочки был высокий, тонкий, но богатый интонациями, не визгливый.

Маурин догнала Гарви и подмигнула. Он кивнул, предоставляя ей действовать по ее усмотрению.

– А мы думали, что мы здесь бесстрашные первооткрыватели, – сказала Маурин.

«Да уж. Я и сам себя доставил сюда с трудом, не говоря уже о том, чтобы тащить эту чертовски большую лошадь, – подумал Гарви. Он смотрел вперед. Склон очень крут и совершенно невозможно, чтобы лошадь могла спуститься здесь. Он обернулся, намереваясь высказать эту мысль.

Алис уже слезла наземь и преспокойно вела лошадь вниз. Копыта соскальзывали, царапая грунт, и Алис показывала лошади, куда ей следует сделать очередной шаг. Похоже, что между девочкой и лошадью царило полное взаимопонимание.

– Скоро придет сенатор? – спросила Алис.

– Скоро. Завтра утром, – ответила Маурин.

– Мне бы очень хотелось поговорить с ним, – заявила Алис. – Все дети нашей школы хотят повидаться с ним. Его часто показывают по телевизору.

– Гарви... то-есть мистер Рэнделл – автор телепрограмм, – сказала Маурин.

Алис с уважением уставилась на Гарви. Помолчав немного она сказала:

– Вам нравится» Звездный путь «?

– Да, но я делаю другие программы, – Гарви, упираясь каблуками, скользнул с крутизны. А ведь лошадь так, наверное, не сумела бы?

– Это моя любимая передача, – сказала Алис. – Но, Томми. Иди, все хорошо, иди сюда... Я написала сценарий для телевидения. О летающей тарелке, и как мы от нее спасаемся и прячемся в пещере. У меня получилось очень хорошо.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал Гарви, бросив взгляд на Маурин. И увидел, что она опять улыбается. – Не сомневаюсь, что нет ничего, что она не могла бы сделать. – Эти слова Гарви сказал уже шепотом. Маурин кивнула. Они шли по высохшему руслу ручья. Потом русло исчезло, затерявшись в зарослях саппарели. Далеко внизу снова была видна ферма. Склон был очень крут, так что если упадешь, то сразу покатишься вниз. Катиться будешь долго, а когда остановишься, выяснится, что у тебя что-либо сломано. Гарви оглянулся, и какое-то время разглядывал Алис, а затем – не без страха – встал рядом с девочкой и ее лошадью. Все его мысли сконцентрировались на предстоящем спуске.

– Ты часто бываешь здесь одна? – спросила Маурин.

– Еще бы, – сказала Алис.

– И никого не боишься? – спросил Гарви.

– О, я хорошо знаю эти места, – поведала Алис. – Пару раз я заблудилась, но Томми знает дорогу домой.

– Очень хорошая лошадка, – сказала Маурин.

– Конечно. Он мой.

Гарви глянул и убедился. Жеребец, а вовсе не кобыла. Он подождал, пока Маурин догонит его. Мужская гордость заставила его идти впереди всех, хотя было ясно, что лучше было бы пропустить вперед Алис.

– Должно быть, хорошо жить в таком месте, где единственная причина для беспокойства – это возможность заблудиться. Да и на этот счет есть знающая дорогу лошадь, – сказал он Маурин. – Она даже не поняла, что я хотел сказать. На прошлой неделе на Голливудских

холмах, не далее, чем в полу мили от моего дома была изнасилована девочка примерно ее возраста. Одиннадцатилетняя девочка.

– В прошлом году была изнасилована одна из папиных секретарш. Прямо в Капитолии, – сказала Маурин. – Наша цивилизация восхитительна, не правда ли?

– Хотелось бы мне, чтобы мой сын жил здесь, – вздохнул Гарви. – Но чем тогда стал бы заниматься я? Сельским хозяйством? – и он рассмеялся про себя. Затем путь сделался слишком крут, и стало не до разговоров.

Внизу крутого склона холма пролежала покрытая грязью дорога. До фермы было еще далеко, но теперь идти было легче. Каким-то образом Алис снова оказалась на лошади. Гарви все время не отрывал от нее взгляда, но когда она ухитрилась это сделать, она не заметила. Только что девочка стояла рядом с конем, и ее голова была ниже его спины, а в следующее мгновение Алис уже сидела верхом. Девочка вскрикнула, и конь поскакал галопом. Впечатление, что Алис и ее конь составляют одно целое, усилилось еще больше: движения девочки полностью соответствовали ритму движения коня. И когда Алис умчалась вскачь, ее длинные белокурые волосы стелились по ветру.

– Когда подрастет, она сделается настоящей красавицей, – сказал Гарви. – Может быть в здешнем воздухе, что-то есть? Вся эта долина пропитана каким-то волшебством.

– Иногда я чувствую то же самое, – призналась Маурин.

Солнце уже садилось, когда они добрались до фермы. Вот он – каменный дом.

– Чуть поздновато, но не хотите ли искупаться? – спросила Маурин.

– Конечно. Почему бы и нет. Но у меня не во что переодеться.

– Чтонибудь подыщется, – Маурин ушла в дом и вскоре вернулась неся плавки.

– Переодеться можете там, – и она указала на ванную.

Гарви надел плавки. Когда он вышел из ванной Маурин уже тоже была готова. Ее закрытый купальный костюм был ослепительно белого цвета. Через руку у нее был перекинут халат. Маурин подмигнула Гарви и кинулась бежать, предоставив ему следовать сзади. Тропинка шла вдоль гранатовой рощи – все вниз и вниз и привела их наконец, к песчаному пляжу на берегу тихо бормочущей речки. Маурин улыбнулась Гарви и с разбегу влетела в речку. Гарви – следом.

– Боже мой! – мгновением позже завопил он. – Да ведь это не вода, а лед!

Маурин плеснула водой ему на грудь и лицо:

– Вперед, это не страшно!

Гарви неуверенно побрел вглубь. Дальше от берега поток бежал быстрее, дно – каменистее. Гарви с трудом сохранял равновесие, но брел вслед за Маурин – вверх по течению, туда где вода мчалась узкой струей между двумя камнями. Поток делался все быстрее, давил, норовя столкнуть с ног, Гарви и Маурин. Глубина по грудь Гарви.

– Холодина какая, – сказал он. – А ведь вы будто не чувствуете.

Наконец они добрались до заводи. И увидели маленькую форель, стрелой пронесшуюся у самой поверхности. Гарви огляделся, надеясь увидеть более крупную рыбину, но большие экземпляры прятались от нескромных взглядов. Речка выглядела, будто специально создана для форели: глубокие заводи, перемежающиеся с маленькими бурными водопадами. Берега густо заросли кустарниками. Лишь в двух местах деревья были вырублены, очевидно, это сделал кто-то, ловивший рыбу спиннингом – чтобы ничто не мешало его забросам.

– Кажется я начинаю синеть, – наконец крикнула Маурин. – Вы накупались?

– Сказать по правде я посинел уже десять минут назад.

Они взобрались на громадный белый валун, почти полностью скрытый потоком. Заходящее солнце овеяло теплом озябшее тело Гарви. Вершина валуна еще хранила накопленный за день солнечный жар.

– Вот об этом я и мечтал, – заявил Гарви.

Лежащая на животе Маурин оперлась на локти, повернулась, чтобы увидеть его:

– О чем именно? О ледяной воде, о высоте, которую вы боитесь, или о том, чтобы натрудить ноги?

– Обо всем сразу... Хм, сегодня я никого не проинтервьюировал, а об этом я тоже мечтал. Я рад, что сегодня я не смог побеседовать с вашим отцом. Завтра... черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

Она снова переделалась в свои рыжевато-коричневые брюки. Когда Гарви вошел, он увидел, что она опять достала бутылку.

– Останетесь поужинать? – спросила Маурин.

– Да... Конечно. Но, может быть лучше, если я вас приглашу поужинать со мной где-нибудь в другом месте?

Маурин улыбнулась.

– Вы не искушены в ночной – в бардачной – жизни Спрингфилда и Портервилля. Останемся-ка лучше здесь. Я люблю готовить. Если хотите, можете помочь мне прибраться.

– Хорошо...

– А готовить мне много не придется, – сказала Маурин и достала бифштексы из холодильника. – Быстро замороженная еда и микроволновая духовка. Современная цивилизация обслуживает и гурманов.

– В этой духовке больше всяких хитрых приборов, чем, например, в» Аполлоне «.

– Неправда. Я побывала в» Аполлоне «. Эге, да вы тоже, не так ли?

– Это была модель, а не настоящий» Аполлон «, – сказал Гарви. Господи, как бы мне хотелось оказаться на их месте. Провести из космоса исследование кометы. И никакой атмосферы, мешающей наблюдениям.

Маурин не ответила. Рэнделл мелкими глотками потягивал виски. Есть ему хотелось – страшно. Он обследовал холодильник и нашел замороженные китайские овощи – неплохая приправа к мясу.

Победав Маурин и Гарви пили на террасе кофе. Сидели на своих креслах с широкими плоскими подлокотниками, на которых удобно ставить чашки. Стало прохладно, Маурин и Гарви одели куртки. Они беседовали – тихо, неторопливо. Об астронавтах, знакомых Маурин. О математиках из Левис Кароль. О вашингтонских политиках. Внезапно Маурин встала, ушла вглубь дома и погасила свет. Вернулась, найдя дорогу ощупью.

Было непроглядно темно.

– Зачем вы выключили свет? – спросил Гарви.

– Вы поймете это через несколько минут, – ответил бесплотный голос. Гарви услышал, как Маурин снова села в кресло.

Ночь была безлунной, в небе – лишь свет звезд. Но постепенно Гарви понял, что имела в виду Маурин. Когда над горами взошли Плеяды, он не узнал их. Созвездие сияло ослепительно ярко. Пылал Млечный путь, и в тоже время Гарви не мог разглядеть чашку кофе в собственной руке!

– Есть люди... горожане... которые никогда не видели подобного, – сказала Маурин.

– Вы правы. Спасибо.

Она рассмеялась:

– Может быть, все это скроется за облаками. Мое могущество не безгранично.

– Если б нам удалось... – нет, я неправ, подумал Гарви. Если б мы могли – вот какая мелькнула у меня мысль – могли показать им все это, им – всем, кто голосует. Но картину звездного неба можно увидеть когда угодно – остановись у любого газетного киоска. Ну, увидишь ярко раскрашенные созвездия и черные дыры и множественные системы – и что из этого? Нужно, чтобы люди оказались здесь, их нужно приводить сюда, по дюжине за один

раз и показывать все это. *Показывать*. Лишь тогда они смогут понять. Смотреть на небо надо здесь, никак не иначе. Отсюда можно дотянуться до звезд.

Дотянулась Маурин. Дотянулась и взяла его за руку. (Она видела в темноте гораздо лучше его). Гарви даже чуть испугался.

– Забудьте о работе, – сказала Маурин. – Иначе окажется, что главную поддержку НАСА начнут оказывать фермеры.

– Но если человек никогда не видел ничего подобного... понимаете – никогда... А, вы, вероятно правы, – он четко сознавал, что они по прежнему держаться за руки. Но на этом надо остановиться, дальше нельзя. Вот безвредная тема:

– А как вы относитесь к галактическим империям?

– Не знаю. Расскажите мне о галактических империях.

Гарви показал, для этого ему пришлось приблизиться ближе, чтобы она могла проследить направление, в котором указывала его рука. Там, где сгустился, где ярче всего сиял Млечный путь, в созвездии Стрельца пролегла ось галактики.

– Вон там и происходит главное, там где расположены древние империи. Звезды там находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Там – Трантор и миры Хаба. Хотя – рискованное это дело, гадать, что там. Можно ведь предположить, что звездное ядро уже полностью взорвалось. Просто волна радиации еще не докатилась до нас.

– А можно предположить, что Земля окажется под инозвездным игом?

– Конечно. Но чаще считают, что все кончится атомной войной.

– О... Может быть мне следует спрашивать откуда вы все это знаете?

– Я прочел массу научной фантастики. Перестал я ее глотать без разбору только что-нибудь лет в двадцать – не хватало времени. Понимаете, империи со столицей на Земле обязательно распадаются, уменьшаются... но даже маленький осколок такой империи состоит из ста миллиардов солнц. А владения громадных империй – меньше всего лишь одного рукава галактики, – он запнулся. Небо сияло ослепительно ярко! Гарви чуть не наяву видел военный корабль Мула, vyplывающий из созвездия Стрельца.

– Маурин, мне кажется, что все это правда!

Она рассмеялась. Теперь он видел ее лицо – бледное, смутно различимое.

Он пересел на широкий подлокотник и поцеловал ее. Маурин подвинулась, и он сел рядом с ней. Кресло – хотя и впритирку – вместило их обоих.

И не было безвредной схемы для разговоров.

Мысли его разбегались. А потом вспыхнула одна мысль, мешающая: завтра, черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

В доме было абсолютно темно. Маурин, держа Гарви за руку, вела его в спальню. Вела – на ощупь и по памяти. Они раздели друг друга. Их одежды упали на пол... а может, вообще вылетели за пределы нашей вселенной. Кожа Маурин была теплой, почти горячей. На мгновение Гарви захотелось увидеть ее лицо, но только лишь на мгновение.

Когда он проснулся, в спальне царил серый рассвет. Спина его замерзла. Они лежали, тесно обнявшись, на двуспальной кровати. Маурин спала спокойно, глубоким сном, слабо улыбаясь.

Он продрог. Маурин, наверное, тоже. Нужно ли будить ее? Голова работала плохо, но Гарви нашел лучший выход. Осторожно разжал объятия, Маурин не проснулась. Он подошел ко второй кровати, содрал с нее покрывала и, вернувшись обратно, укутал Маурин. Затем – отчетливо понимая, что сейчас залезет к ней под покрывала – неподвижно застыл. Простоял так почти минуту.

Но она – не его жена.

– Черт побери, – сказал Гарви. Стараясь не взять чужого, он сгреб в кучу свою одежду. Взял ее и вышел в другую комнату. Его почему-то трясло. Первая дверь, которую он открыл, оказалась входом еще в одну спальню. Он кинул одежду на кресло и повалился в кровать.

ОНА ЕЩЕ НЕ ПОГИБЛА, НО ИЗМЕНИЛАСЬ. КОМЕТА СИЯЛА, АГОНИЗИРУЯ. ВЕЩЕСТВО ВЫТЕКАЛО ИЗ РАНЕНОГО ТЕЛА И РАЗЛИВАЛОСЬ НА МИЛЛИОНЫ МИЛЬ В ОКРУЖНОСТИ. ОБРАЗОВАЛИСЬ НОВЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ СОЕДИНЕНИЯ, И ОТРАЖЕННЫЙ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ ГНАЛ ИХ ОБРАТНО К КОМЕТЕ. ВЕРОЯТНО, НА ЛЕДЯНОЙ ПОВЕРХНОСТИ ДРУГИХ КОМЕТ ТАКИХ СОЕДИНЕНИЙ НЕ БЫЛО ИЛИ БЫЛИ ЛИШЬ НЕМНОГИЕ МОЛЕКУЛЫ.

Ослепительный свет солнца укрывал комету от телескопов Земли. И точную ее орбиту все не могли вычислить.

Сверкал, отражающий солнечный свет, хвост кометы, но еще ярче светила ее голова. Некоторые химические соединения, будучи даже хорошо перемешанными, не вступают в реакцию при температурах, близких к абсолютному нулю. Но стоит их подогреть, и реакция идет бурно, с кипением. Ядро кометы бурлило, менялось.

Каждый день голова ее уменьшалась. Из покрывающей поверхность перемешанной со льдом пыли выделялся, вскипая, аммиак. Водород давным-давно улетучился. Масса кометы делалась все меньше, а плотность увеличивалась. Скоро от кометы ничего не останется, кроме каменной пыли, намертво сцементированной водяным льдом. И голова ее превратится в каменный монолит величиной с гору.

С КАЖДЫМ ЧАСОМ ВСЕ БОЛЬШЕ РАЗОГРЕВАЛИСЬ ГАЗОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ, И ГАЗ ПРОБИВАЛ ДОРОГУ НАРУЖУ. И РАЗРЫВАЛ ГОЛОВУ КОМЕТЫ. ОГРОМНЫЕ КАМЕННЫЕ ГЛЫБЫ, КУВЫРКАЯСЬ, МЕДЛЕННО ОТДЕЛЯЛИСЬ ДРУГ ОТ ДРУГА. ОРБИТА КОМЕТЫ ХАМНЕР-БРАУНА ПОСТЕПЕННО МЕНЯЛАСЬ.

ИЮНЬ: ОДИН

Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облака в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Первое послание к фессалоникийцам святого Апостола Павла.

Гигантский, состоящий из отдельных секций тотемный столб, а на самой вершине его – крохотная кабина. Рик Деланти летал на спине, и улыбка то вспыхивала, то гасла на его лице. Но тренированный, тщательно отработанный его голос не выдавал улыбки – и намек не было. Голос Рика звучал точь-в-точь, как голос Джонни. А сам Джонни Бейкер слегка хмурился с видом человека, занятого требующей особого внимания работой.

- Внутренние силовые линии включены.
- Внутренние силовые линии проверены. Все в порядке.
- Осталось пятнадцать минут, затем отсчет.

Когда бы Джонни не глянул на Рика, тот все улыбался. Переставал и тут же начинал улыбаться снова. А затем уголки губ Джонни тоже дрогнули в улыбке. Но до этого Джонни был серьезен. Он мог себе это позволить. Он был даже высокомерным. Осталось пятнадцать минут, и пока что все механизмы работают безупречно. Между прочим, одно перечисление неисправностей из-за которого могли бы отменить запуск «Аполлона» заняло бы у человека всю его жизнь. Одно только перечисление – всю его жизнь без остатка!

Деланти продолжал улыбаться. Его – выбрали! Все тренажи позади, и работа на имитаторах, и отлет во Флориду. Еще два дня назад он делал бочки и петли над Флоридой и Багамами, пикировал и входил в иммельманы. Это последний, за два дня перед запуском, свободный полет – традиция. Слишком укоренившаяся традиция, чтобы ею можно было пренебречь. Полет должен снять напряжение с астронавтов, которым предстоит запуск в космос. Это напряжение полет перекладывает на плечи наземной команды, которая сходит с ума, гадая, не подведет ли тренировочный самолет – и это после того, как все так тщательно спланировано...

- Осталась одна минута, затем отсчет.

Последние суматошные, скомканные часы – и, наконец, Рик облачен в неуклюжий, раздутый скафандр. Уолли Хоукинз подводит его к подъемнику и провожает вплоть до кабины «Аполлона». Потом Рик лег на спину, и колени его оказались выше головы. Он лежал и ждал, что какой-то механизм сейчас откажет. Но сигнала об аварии все не поступало, похоже, что запуск все же произойдет, это все правда, на самом деле...

- Пять. Четыре. Три. Два. Один. Зажигание.

Движение началось...

Поехали!

- Старт осуществлен...

«Сатурн» поднимался, объятый громом и пламенем. Сто тысяч, а, может быть, больше официально приглашенных гостей. Репортеры, писатели-фантасты, у кого-то выклянчившие пропуск представителей прессы, служба космодрома, Весьма Важные Лица, друзья астронавтов...

- Он уже в воздухе, – сказала Маурин Джеллисон.
- Ее отец глянул на нее с изумлением:
- О космических ракетах обычно говорят «она».

– Да, я хотела сказать именно это, – сказала Маурин. Почему я думаю, что больше никогда не увижу его?

Сзади забормотал вице-президент. Бормотал про себя, но достаточно громко – можно было расслышать. «Лети, лети, птица...» – вот что шептал он. Потом – когда уже всем стало ясно, что ракета оторвалась от Земли – он поднял взгляд, понял, что его слышно и пожал плечами. «Лети, Бэби!» – вдруг закричал он.

Его крик как бы пробудил зрителей. Все как бы осознали, как велика мощь ревающего громом «Сатурна». Как много труда и знаний вложено в ракету-носитель. Для более старших по возрасту зрителей она была чем-то невозможным – будто ожило то, о чем они когда-то в детстве прочли в книжках. Для более молодых не было в корабле ничего странного, и они не могли понять, почему старики вдруг так взволновались. Все закономерно и неизбежно. Космические корабли – это реальность и естественно они должны летать.

Находившиеся внутри «Аполлона» астронавты улыбались. Улыбка их – словно изогнулся в улыбке рот трупа. Возросшая в несколько раз сила тяжести вдавила лицевые мышцы вглубь щек. Наконец, первая ступень отделилась и пошла вниз. А потом то же самое произошло со второй ступенью. И третья ступень дала последнее ускорение... и Рик Деланти, по прежнему улыбаясь взмыл в воздух.

– «Аполлон», говорит Хаустон. Вы выглядите неплохо, – сказал голос из репродуктора.

– Вас понял, Хаустон, – Деланти обернулся к Бейкеру. – Приказывайте, генерал.

Бейкер застенчиво ухмыльнулся. Его буквально перед самым запуском – повысили в звании. Это было сделано для того, чтобы он имел такой же чин, как и советский космонавт.

– Есть одно условие, – сказал президент, вручая Бейкеру его новые знаки отличия.

– Какое, сэр? – спросил Бейкер.

– Вы не должны дразнить своего русского напарника – я имею в виду его имя. Не поддавайтесь искушению.

– Хорошо, мистер президент.

Но похоже, это будет трудно... «Петр Яков» на русском не имеет двойного значения. Но товарищ генерал Яков очень хорошо владеет английским. В этом Бейкер мог убедиться во время их первой встречи в Хаустоне. Наземная встреча с женщиной-космонавтом тоже намечена... но лишь в России. Как было официально объявлено, она не смогла приехать в Соединенные Штаты из-за большой занятости.

– А теперь нам нужно найти этот чертов мусорный бак, подполковник Деланти, – сказал Бейкер. – Он ведь большой, правда?

– Вам виднее, – Деланти глянул в иллюминатор – глаза расширились от удивления. Все это он уже неоднократно видел – на имитаторе. Во время обучения показывали соответствующие фильмы, а бывалые астронавты непрерывно рассказывали о космосе. Чтобы воссоздать условия невесомости, Рака, одетого в скафандр, погружали в воду. Но все это было не по-настоящему. А сейчас по-настоящему.

Космос был абсолютно черен и – хотя лежащую внизу Землю освещало Солнце – ярко сияли звезды. Виден был Атлантический океан, и острова и приближающиеся побережья Африки. Зрелище было точь-в-точь как на школьной карте. По карте были разбросаны комочки ваты – облака. Далее к северу видны были Испания и Средиземное море, а еще дальше пустыню Египта пересекал извилистый темно-зеленый разрез – Нил.

А затем корабль вошел в тень и внизу засветились огни сказочных городов Индии.

Они уже были над окутанной ночью Суматрой, когда Деланти щелкнул пальцем по экрану радара.

– Вот он, – сказал Рик. – «Молотлаб».

– Верно, – согласился Бейкер. Глянул на прибор Допплера: корабль медленно плыл по направлению к капсуле. Корабль догнал ее над Тихим океаном – как и предсказал компьютер Хаустона. Потом пришлось ждать. Наконец Бейкер сказал:

– Тесновато здесь. Так что начнем отлавливать наш дом. – Он шелкнул тумблером передатчика: – «Самородок», говорит «Аполлон». «Молотлаб» в визуальной близости, начинаем конечный маневр сближения.

– «Аполлон», говорит Хаустон. Вопрос: что, как вы сказали, находится в визуальной близости?

– «Молотлаб», – сказал Бейкер. Он оглянулся на Деланти и ухмыльнулся. Официально космическая лаборатория называлась «Спейслаб два». Но кто когда назвал ее этим именем?

Корабль и капсула лаборатория быстро сближались. Впрочем, по масштабам астронавтов, можно сказать, что и медленно: собственная скорость корабля составляла 25.000 футов в секунду. Деланти управлял «Аполлоном». Реактивные двигатели осторожно подвели корабль к цели. К стальному цилиндру, похожему на гигантский мусорный бак, сорок футов в длину и десять в диаметре. По бокам – иллюминаторы, один воздушный шлюз и на каждом конце по соединительному люку.

– Эта космическая лаборатория – не подарок, – пробормотал Бейкер. – Кувыркается. Думаю, одна ротация занимает четыре минуты восемь секунд.

Первое, что нужно, чтобы состыковаться с «Молотлабом» – корабль должен придти в то же вращение, что и капсула. Позиционные реактивные двигатели начали отвергать точно отмеренные порции пламени. Еще ближе к цели... выждать свой шанс... так, чтобы удлиненный соединительный выступ «Аполлона» мог войти в соединительное отверстие, зияющее на оконечности «Молотлаба»... И корабль снова окутали тьма и простор. Рик был изумлен – как много времени занял полет к цели, отстоящей на расстоянии менее мили. Разумеется, за те же самые пятьдесят минут корабль также пролетел 14.000 миль...

Когда опять стало светло, Рик был в полной готовности. Приблизился к капсуле, еще приблизился... он выругался, чуть подвинул корабль к лаборатории, и почувствовал, что «Аполлон» и «Молотлаб» легонько соприкоснулись. Приборы показали: контакт в самом центре, и Рик еще дал вперед, жестче...

– Цепка порвана! – закричал он.

– Хаустон, говорит «Аполлон». Мы состыковались. Повторяю, мы состыковались, – сказал Бейкер.

– Уже знаем, – сухо сказала радио. – Полковник Деланти забыл отключить связь.

– Гм, – пробормотал Рик.

– «Аполлон», говорит Хаустон. Ваши напарники приближаются к вам. «Союз» вас уже видит. Повторяю. «Союз» вступил с вами в визуальный контакт.

– Хаустон, вас понял, – Бейкер обернулся к Рику. – Теперь стабилизируй эту не девственницу, а я тем временем по-дружески побеседую с нашим азиатским братцем... и сестрицей. «Союз», «Союз», вызывает «Аполлон». Конец.

– «Аполлон», говорит «Союз», – отозвался мужской голос. С грамматической точки зрения английский Якова был безупречен, да и акцента почти не чувствовалось. Якова учили говорить по-английски не англичане, а американцы. – Следуем точно за вами. Вопрос: вы уже закончили состыковочный маневр? Конец.

– Мы состыковались с «Молотлабом». Можете смело приближаться. Конец.

– «Аполлон», говорит «Союз». Вопрос: под «Молотлабом» вы имеете в виду «Спейслаб два»? Конец.

– Подтверждаю, – сказал Бейкер.

Деланти понимал, что он потратил слишком много горючего. Даже самый большой придира этого бы не заметил. Маневр, безусловно, укладывался в допуски программы, составленной Хаустоном. Но Рик Деланти был бережлив.

Наконец, стабилизация была достигнута. Нос «Аполлона» был прочно погружен в соединительный люк «Мусорного бака», то есть «Молотлаба». Соединенные воедино корабль и лаборатория заняли, не шатаясь и не кувыркаясь, устойчивое положение в пространстве. За секунду «Аполлон» пролетал 25000 футов. Иначе говоря, каждые девять минут Бейкер и Деланти должны были совершить один оборот вокруг Земли.

– Готово, – сказал Рик. – Теперь наблюдаем за их попыткой.

– Согласен, – сказал Бейкер и включил телесистему. В механизм состыковки была вмонтирована телекамера, соединенная кабелем с экраном. Видно было отлично: к «Молотлабу» приближался массивный «Союз». Он был ближе, чем ожидали Бейкер и Деланти. «Союз» рос, разворачиваясь носом по центру. Он слегка покачивался, словно демонстрируя свое массивное тело. Он был значительно больше «Аполлона». Составляя свои космические программы, Советы всегда учитывали, что у них есть мощные военные реактивные двигатели. И с успехом их использовали. А НАСА предпочитала проектировать и строить свои двигатели самостоятельно – независимо от военных.

– Надеюсь, что эта громадина не забыла, что люди любят обедать, – сказал Деланти. – В противном случае здесь будет голодно.

– Угу, – Бейкер продолжал наблюдения.

«Молотлаб» не мог выполнить свою задачу без «Союза». «Союз» должен был доставить большую часть пищевых продуктов. «Молотлаб» был набит инструментами, приборами и кино оборудованием. Но воды и пищи в нем было запасено всего на несколько дней. Для того, чтобы ждать приближения Хамнер-Брауна, «Молотлабу» была необходима помощь «Союза».

– Может быть, голодно будет в любом случае, – сказал Джонни Бейкер. Он мрачно следил, как на экране маневрирует советский корабль.

Наблюдать ему было больно.

«Союз» дергался, словно захваченный приливом подыхающий кит. Он резко разворачивался носом к телекамере и так же резко отводил его в сторону. Попытался сунуться с боку, остановился... почти остановился. Попытался еще раз – и отошел назад.

– И это их лучший пилот, – пробормотал Бейкер.

– Я сам тоже выглядел не слишком хорошо...

– Дерьмо коровье. Твоя цель кувыркалась. А сейчас мы устойчивы, как автомобиль, – Бейкер наблюдал еще несколько секунд, потом покачал головой:

– Разумеется это не их вина. Дело в системах контроля. У нас на борту есть компьютеры. У них – нет. Но ведь позор какой...

Будто вырезанное из красного дерева лицо Рака Деланти сморщилось:

– Джонни, я не уверен, что у меня получилось бы намного лучше.

То, что они видели, вызывало ощущение муки. Руки их зудели вмешаться. Такие чувства иногда испытывает едущий сзади водитель.

– Он-то пообедал, – сказал Бейкер. – Когда он, наконец, собирается сдаться?

Корабли вошли в полосу тьмы. Связь с «Союзом» была ограниченной: допускались лишь официальные разговоры. Когда корабли вновь вышли на свет, Советский корабль попытался приблизиться снова.

– Похоже, что здесь будет голодно, – сказал Деланти.

– Заткнись.

– Слушаюсь, сэр.

– Оттрахать бы тебя как следует.

– Пока я в скафандре, это не возможно.

Они продолжали наблюдать. Наконец последовало сообщение Якова.

– Мы истратили необходимое для стыковки горючее. Прошу привести в действие План Б.

– «Союз», вас понял, приготовьтесь к выполнению плана Б, – с нескрываемым облегчением сказал Бейкер. Подмигнул Деланти: – А теперь покажи коммунистам, на что способен настоящий американец.

Официально план Б рассматривался как мера на крайний случай, но все американцы, планировавшие полет, втихомолку утверждали, что без него не обойтись. И в Соединенных Штатах готовились к его выполнению так, будто План Б является неотъемлемой частью предстоящего совместного полета. По ту сторону Атлантики надеялись, что без него удастся обойтись – но и там о нем ни в коем случае не забывали. Замысел плана Б был прост: «Союз» останавливался, а «Аполлон-Молотлаб» – как это ни странно, идет на сближение с ним.

Космический корабль и соединенный с ним огромный, неуклюжий и массивный «бак» сдвинулись с места. Пилотировал Деланти. Выглядело все это, будто авианосец пытался поднырнуть под снижающийся самолет. Но в распоряжении Рика была лучшая в мире компьютерная система – лучшая в мире для выполнения данной задачи, мудрая, заботливо обученная мастерами высшего класса, имеющими тысячи часов летного времени. В распоряжении Рика были приборы, разработанные во многих и многих институтах и лабораториях. В таких институтах и лабораториях, где создание точнейших приборов обычное дело.

– Хаустон! Хаустон, приступаем к выполнению Плана Б, – доложил Бейкер.

«И вот сейчас весь мир – весь мир! – не сводит с меня глаз», – подумал Деланти. – «Смотрит и слушает. И если я промахнусь...»

Мысль эта была невыносимой.

– Расслабься, – сказал Бейкер.

Он не предложил сделать это сам, – подумал Деланти. Хорошо. Начали. Делать все, будто это имитатор.

Все правильно. Сразу прямо вперед, теперь все проверить, и еще крошечный импульс, чтобы оба корабля вошли в соприкосновение. Опять – всем телом почувствовал контакт, и одновременно на приборной доске вспыхнула зеленая лампочка.

– Сделано, – сказал Рик.

– «Союз», мы присоединились, готовьте соединительный буфер, – сообщил Бейкер.

– «Аполлон», подтверждаю стыковку. К встрече готовы.

– Сказал невылупившийся цыпленок. А яйцо-то протухло, – прокомментировал Бейкер.

Плавав внутри «Мусорного бака» (он же – «консервная банка») они церемонно обменивались рукопожатиями – поочередно, по кругу. Историческое событие, как утверждали теле и радио комментаторы там, внизу. Но Бейкер не смог придумать никаких фраз, достойных войти в историю.

Предстояло сделать слишком многое. Данная экспедиция – не рассчитанное на внешний эффект рукопожатие в космосе, как было в предыдущем полете «Союз-Аполлон». Сейчас предстоит работа, намечено многое, и расписание жесткое. Все выполнить – даже если повезет – они, скорее всего не смогут.

И еще... Бейкер неожиданно для себя рассмеялся. Можно и посмеяться – если не понадобиться слишком много времени объяснять причину смеха. А рассмеялся он потому, что вдруг понял, как хорошо они все смотрятся.

На нас лежит благословение Божие, подобных нам нет. Леонилла Александровна Малик загадочно – и как-то зловеще – прекрасна. Она была высокомерна и самоуверенна

– она могла бы играть царицу! Но гладкая, сильная мускулатура скорее подходила исполнительнице роли прима-балерины. Восхитительно красивая и хладнокровная женщина.

Разбивательница сердец, подумал Джонни Бейкер. Но – так чтобы не заметил посторонний взгляд – в чем-то глубоко ранимая. Словно Мойра Ширер в «Красных сапожках». Хотел бы я знать, со всеми ли она ведет себя так холодно вежливо, как с генералом Яковым.

Генерал Петр Иванович Яков народный герой (герой – какого именно класса? – подумал Бейкер). Совершеннейшая кандидатура для рекламного плаката – записывайтесь, мол, добровольцем. Красивый, с хорошо развитой мускулатурой, с холодными глазами. Он немножко походил на самого Джонни Бейкера, и это было не более удивительно, чем то, что Рик Деланти несколько похож на Мохамеда Али.

Мы, четверо, неплохие образчики человеческой породы, мы в полном расцвете сил и здоровья... и чертовски фотогеничны. Жаль, что здесь нет этого парня из НБС, Рэнделла, он бы сделал групповой снимок. Но он его, возможно, еще сделает.

Они плавали, располагаясь под самыми невозможными углами по отношению друг к другу. Тела их двигались под действием случайных потоков воздуха. Они беспричинно улыбались. Даже Бейкера и Якова, испытавших все это прежде, охватило радостное возбуждение. А Рик и Леонилла вообще оказались на седьмом небе. Они старались подплыть поближе к иллюминаторам, чтобы увидеть Землю и звезды.

– Вы доставили нам обед? – наконец спросил Деланти.

Леонилла улыбнулась. Холодно улыбнулась:

– Разумеется. Надеюсь, он вам понравится. Но мне не хотелось бы испортить сюрприз, подготовленный товарищем Яковым.

– Сперва нужно подыскать место, где мы сможем его съесть, – оглядывая загроможденную капсулу, сказал Бейкер.

От приборов было не повернуться. Электронное оборудование было привернуто к переборкам. Приборы были закутаны в пласты губчатой пластмассы и были закреплены желтыми нейлоновыми лентами. Они походили на бесформенные комья. Пластиковые коробки, штативы, кассеты с пленкой, микроскопы, разобранный на части телескоп, инструментальные сумки, паяльники... И еще висели многочисленные диаграммы, на которых показывалось, где что размещено. Бейкера и Деланти тренировали до тех пор, пока они не научились находить буквально любой предмет в полной темноте. Но тем не менее – кабина загромождена и порядок здесь навести невозможно.

– Мы можем поесть в «Союзе», – предложила Леонилла. – Здесь так тесно... – и она беспомощно обвела вокруг рукой.

– Это не то, чего мы ожидали, – сказал Яков. – Я переговорил с Байконуром, сейчас мы должны на несколько часов вернуться на свой корабль, надо развернуть солнечные крылья. Но я предлагаю сперва поесть.

– Чего именно вы не ожидали? – спросил Деланти.

– Этого, – Яков показал выразительно.

Джон Бейкер рассмеялся.

– У нас не было времени все по-настоящему распланировать. Просто погрузили, что надо, на корабль грудой... Будь у нас время, все, что вы здесь видите, было бы иное специально спроектированное для изучения кометы. И имело бы вдвое меньше веса...

– И стоило бы в десять раз дороже, – добавил Деланти.

– И тогда мы бы оказались вам не нужны, – сказала Леонилла Малик.

Яков холодно посмотрел на нее. Начал было что-то говорить, но передумал. Леонилла сказала правду, и все знали, что это – правда.

– Господи, тогда бы все было разложено по полочкам, – заявил Деланти. – Давайте приступим к еде.

– И вам ничего не мешает есть? – спросила Леонилла. – На вас не действует состояние свободного падения?

– На него? На старое Железное Ухо? – Джон Бейкер рассмеялся. – Черт возьми, да он свободно обедал, сидя внутри раскрученного тренажера. Что касается меня, то на мою персону свободное падение несколько действует. Но, поскольку это не первый мой полет, я знаю, что это скоро прекратится.

– Мы можем поесть, сейчас мы войдем в полосу тьмы, а солнечные крылья лучше разворачивать на свету, – сказал Яков. – Я тоже предлагаю перейти в «Союз», там больше места. И у нас есть для вас сюрприз. Икра. Вообще ее полагается есть из тарелки, но, несомненно, мы сможем ее съесть и выдавливая ее из тюбиков.

– Икра? – переспросил Бейкер.

– Это самая лучшая на свете еда, – сказала Леонилла. – Скоро будет прорыт новый канал и уровень воды в Каспийском море и Волге повысится. Условия жизни для наших осетров улучшатся. Надеюсь, вы любите икру?

– Еще бы, – подтвердил Бейкер.

– Так давайте съедем ее, – и Яков впереди всех направился к «Союзу».

И никто не заметил, как приотстал Рик Деланти – будто ему вдруг расхотелось обедать.

Деланти и Бейкер были снаружи. Тонкие тросы соединяли их с «Молотлабом». Вокруг – пустота космического пространства, ослепительный свет солнца, а в тени тьма, будто тьма глубочайшей из пещер.

Крылья «Скайлэба» были покрыты солнечными элементами. Предполагалось, что крылья развернутся автоматически, но они не развернулись.

Конструкция «Молотлаба» предусматривала различные способы управления. Крылья были прижаты просто к его корпусу, но проектировщики предусмотрели, чтобы их можно было развернуть и просто руками. Этим и занимались Бейкер и Деланти.

Без энергии, вырабатываемой солнечными элементами, не обойтись. Без этой энергии лаборатория работать не сможет. Более того, даже не удастся охладить капсулу до такой степени, чтобы в ней можно было жить. Космос не холоден. Он вообще не обладает определенной температурой: нет воздуха, поэтому о температуре не может быть и речи. Тела, которые попадали в полосу солнечного света, накапливают тепло, и это тепло нужно каким-то образом выбрасывать наружу. Много тепла (даже больше, чем его создает солнечное излучение) исходит от человеческого тела: человек живет отнюдь не в условиях полной изоляции от окружающей среды, неважно, находится ли он в скафандре или в космической капсуле. На каждый кубический дюйм своего тела человек генерирует больше тепла, чем генерирует Солнце на каждый кубический дюйм своей поверхности. Разумеется этих кубических дюймов у Солнца гораздо больше.

Так что без солнечных элементов не обойтись, и поэтому нужно поработать. Бейкер и Деланти могли перемещать тела, обладающие массой (большой массой): в космосе тела не имеют веса. Но масса остается той же самой, и сила трения действует по-прежнему. Скафандры мешались, сопротивляясь каждому движению, но постепенно дело двигалось. Им удалось ничего не сломать, ничего не помять. Система была спроектирована как можно проще – и так, чтобы умный человек, оказавшись в космосе, мог с ней справиться.

– Все, – сказал Джонни Бейкер. – И у нас есть еще несколько минут, прежде, чем кончиться кислород. Рик, потратим чуть времени, чтобы полюбоваться видом.

– Хорошо, – выдохнул в микрофон Рик.

Бейкеру не понравилось то, что он услышал. Деланти дышал слишком тяжело и слишком прерывисто. Но он ничего не сказал.

– Я думал, что последний сектор нам так и не удастся развернуть, – отдуваясь сказал Деланти.

– Ничего, развернули. А если не развернули б, пришлось бы заняться его починкой, – ответил Бейкер. – Проклятые выродки с их безупречными черными ящиками. Ладно, на этот раз меня снабдили инструментами для работы. Нет ничего, что нельзя было бы сделать, если есть нужные инструменты.

– Конечно, плевое было бы дело. Сейчас-то что...

– Верно. Причин для беспокойства теперь нет... Если не считать международной напряженности, возможного нападения кубинских налетчиков, и того, что как раз нам навстречу несется огромное скопление перемешанного с грязью люда – со скоростью пятьдесят миль в секунду.

– Это все утешает... Уфф!... Эй, Джонни, я вижу Южную Африку. Только... никто отсюда не сможет определить, где там границы. Никаких границ между странами. Джонни, я сейчас сделаю крупное философское открытие.

– Ты отсюда не видишь и линий широты и долготы, но это не значит, что они не имеют никакого значения.

– Гм.

– Знаешь, по этому поводу можно поднять большой шум. Если мы будем настаивать на том, что из космоса международные границы не видны, соображаешь, что может случиться?

Рик рассмеялся.

– Да. Все начнут окрашивать свои границы светящейся оранжевой краской. В милю шириной. А потом все эти детки с высшим образованием поднимут визг, что сие представляет опасность для окружающей среды.

– И обвинят тебя в том, что именно с тебя все и началось. Нам пора возвращаться в корабль.

ИЮНЬ: ИНТЕРЛЮДИЯ

Но что означает прямое – лоб в лоб – столкновение с кометой? Насколько большой и массивной может оказаться голова кометы? Голова кометы состоит из двух частей. Это твердое ядро и светящаяся оболочка. Главную опасность представляет ядро. Разумеется, кометы весьма различаются по своим размерам. Считается, что ядро средней кометы имеет 1,2 мили в диаметре. Но по-настоящему огромная комета может иметь ядро в тысячи миль в диаметре. Прямое столкновение Земли с кометой – вызовет страшные разрушения.

Даниэль Козн. «Как произойдет конец света».

Горе тебе, народ мой! Ибо разве не видишь ты, как по всей земле распространилась мерзость запустения? Разве не видишь ты, как погрязли в грехе города твои, разве не чувствуешь, какой смрад окружает тебя?

– Услышь же слова пророка Малахии: «И вот смотри, наступит день кометы, день пламени. И все надменные, это истина, кто поступает греховно, будут искоренены полностью. И повелел Бог Воинств, что в день кометы в пламени погибнут они, и не останется от них ни корня ни ветви.

Но для тех, кто страшиться имени моего, народиться Сын справедливости, несущий на крыльях своих спасение».

– Народ мой, близится удар Молота Божьего, который покарает надменных и греховных. Но смиренные будут возвеличены. Покайтесь, пока еще есть время. Ибо никто не спасется от всемогущего молота, в сиянии которого уже сейчас меркнут звезды. Покайтесь, пока не поздно. Пока еще есть время.

– Благодарю вас, преподобный Армитаж. Вы слушали проповедь преподобного Генри Армитажа «Близится час».

Марк Ческу подогрел sake в химической колбе. Горлышко колбы он заткнул стеклянной пробкой. Потом часть водки он разлил по крошечным чашечкам, долил еще sake в колбу и снова опустил ее в кипящую на плите воду.

– У меня на письменном столе стояли два цветочных горшка, – сказал он. – В одном росла марихуана, на этом горшке была надпись «каннабис сатива». В другом – «Аралия элегантиссима». Если вы не знаете, что это такое, то это – нечто очень похожее на марихуану, – Марк передал одну чашку Джоанне, другую – Лилит. – Однажды меня посетил босс вместе с важными шишками из главной канторы. Они тогда ничего не сказали, но на следующий день сказал босс. «Уберите это»– вот что сказал он, – Марк передал третью чашку Френку Стонеру, четвертую чашку поставил на ручку своего кресла. – «Что убрать?»– спрашиваю я. А он говорит: «Знаете, я уж не совсем такой невежественный. Я знаю, что это такое.» Кароль Миллер закатила истерику. Она позвала еще ребят, и мы заставили повторить все это. Все знают «что это такое».

Френк Стонер с удобствами развалился в своем кресле. Одной рукой он обнимал Джоанну Макферсон, другой обвинял талию Лилит Хатавей. Лилит была неплохого роста – пять футов девять дюймов. А узкие плечи Джоанны оказались как раз на той высоте, чтобы удобно лечь под толстую руку Френка.

– И когда это было?

– Пару лет назад. А двумя месяцами позже меня уволили.

Френк оскалил в ухмылке зубы.

– Из-за такой мелочи?

– А? Нет, к марихуане это не имеет никакого отношения. Просто им пришлось уволить некоторое количество работников. А потом... А дольше всего я проработал с Гарви Рэнделлом. – Марк подался вперед, глаза его сверкнули. – Ох, и весело это было отлавливать человека с улицы. Нам попался полковник, который боялся открыть рот – вдруг чего-нибудь не то ляпнет! Был еще парень, борец-профессионал, так тот не мог дожидаться падения Молота. Вот мол когда настанет время для настоящего мужчины, способного править миром, – Марк улыбнулся Лилит. Лилит была светлая блондинка со смазливой, похожим на кошачью мордочку, лицом. Она была дура – дурой. Марк познакомился с Лилит в баре, где она танцевала. Бар назывался «Взаимообмен», и девушки танцевали там с обнаженной грудью.

Френк Стонер выпил как раз столько, чтобы стараться быть вежливым. Но Марк ни на что не обращал внимания. Он осушил свою чашку одним глотком (саке нужно пить быстро, в противном случае оно остынет) и заявил: «В тот вечер мы даже проинтервьюировали мотоциклистов. Они называли себя» Безбожные гонщики «. Впрочем, не думаю, чтобы они все-ррез воспринимали это название».

Джоанна рассмеялась:

– Конец света. Никаких машин, дороги пустые. Никакой суеты. Твои приятели – мотоциклисты наверняка считают, что города от этого только выиграют.

– Может ты и права, но ничего подобного они вслух не сказали.

– Пожалуй, это верная мысль, – сказал Френк Стонер. Френк познакомился с Марком во время гонок – по дорогам с гравевым покрытием, через всю страну, победителю денежный приз. – На мотоцикле проедешь туда, куда автомобиль пройти не может. Мотоциклу нужно меньше бензина. И еще: мы держимся друг за друга, мы не затеваем меж собой драк. Если, скажем, где-нибудь припрятать некоторое количество бензина... Ага! А каковы шансы?

Марк махнул рукой, едва не разбив свою чашку.

– Практически нулевые. Если только не верить тому, что печатают в газетах астрологи. Хотя Шарпс утверждает, что мы, может быть, пройдем через хвост этой кометы. Но, парень, и это вовсе не означает столкновения?

– Шарпс – один из астрономов, которых они интервьюировали, – объяснила Джоанна. И встала, чтобы вновь наполнить чашки.

– Да, и он был поумнее всех прочих. Сами увидите это по телевизору. Эй, вы разве не знаете, что в этом месяце вам на головы свалится мороженное? Во вторник? – Марк сделал полную драматизма паузу (во время которой Джоанна начала хихикать). Затем Марк Ческу продолжил повествование.

Часом позже подошло время Лилит идти на работу. Саке почти не осталось. Марку было хорошо. Он беседовал с Френком, а легкая, как перышко, Джоанна сидела у него на коленях.

Марк жил с Джоанной уже почти два года. Иногда ему приходило в голову, что это странно, что он, похоже, становится убежденным сторонником моногамии. Конечно, вследствие этого, его образ жизни изменился... но Марку такое изменение, как ни странно, нравилось. Само собой, он уже и думать не смел переспать еще с кем-нибудь – зато теперь и драться приходилось поменьше. И он по-прежнему имел право встречаться с интересными людьми. Изредка ему становилось страшно: когда-нибудь это все кончится.

– Тебе нужно чертовски много времени, чтобы опять войти в форму, – сказал Френк.

– А? – Марк пытался вспомнить, о чем они беседовали. А, да: о круговой гонке, в которой они сражались друг с другом. С той поры прошел не один год. А теперь Марк может лишь смотреть, как мчат мотоциклы по трекам с гравевым покрытием, он – зритель. Мускулатура у него еще сохранилась, но уже отрастил «пивной живот» – словно не живот, а большая мягкая подушка. Он поглядел вниз – на эту подушку – и сказал:

– Да... Это я забеременел от Джоанны.

– Откровенно сказано, – отметила Джоанна. – Ты меняешься к худшему.

– Я становлюсь слишком старым, чтобы попусту тратить время. Надо мне подписать постоянный контракт с Рэнделлом, – Марк поднял Джоанну и поставил ее на ноги (да, мускулатура еще сохранилась). Вышел на кухню, чтобы взять оставшееся саке. И оттуда крикнул:

– Что будем делать, если Молот все же ударит?

– Главное не оставаться здесь, – ответил Стонер. И через несколько секунд добавил: – Вообще, надо держаться подальше от побережья. Подальше от любого побережья. Скорее всего комета ударит в океан. Дай мне пива.

– Ага.

– У тебя, вроде, есть карта, на которой обозначены геологические разломы Калифорнии?

Марк был полностью уверен, что такая карта у него есть. Принялся искать ее.

Хорошо бы иметь мотоцикл вроде того, что был у меня в Мексике, – сказал Френк. – Большую четырехтактную «Хонду». И достать запасные части к ней – не такая уж проблема, – Френк замолчал, мысленно исследуя открывающиеся возможности. Он, Джоанна и Марк – они знакомы друг с другом уже довольно давно. Им не нужно говорить, только чтобы заполнить паузу. Хотя – с Марком в этом отношении теперь становится чуточку сложнее. – Теперь подумайте: наступит время беспорядков и грабежей. Страшные ливни, цунами, землетрясения... все общественные службы будут уничтожены – включая полицию. Пожалуй, где-нибудь за городом я припрячу некоторое количество бензина и запасные части к мотоциклу – там, где никто не сможет найти и украсть их.

– Оружие?

– Я припас кое-что на память о Вьетнаме. Незарегистрированное.

– Я – тоже, – Марк бросил поиски карты. – Понадобится насос для перекачки бензина. Скоро на улицах можно будет без труда найти брошенные машины...

– Я о таком насосе уже позаботился.

– Ага. А предположим, голова кометы не столкнется с Землей?

Френк помедлил с ответом.

– Даже если ничего не случится, – вмешалась Джоанна, – комета обеспечит нам великолепное зрелище. Будем любоваться ею целый вечер. И Лилит пригласим.

Френк Стонер поразмышлял на несколько секунд дольше, чем это принято. Он не легко раздавал обещания. Комета из области предположений переходила в сферу реальности. Марк хороший парень в соревнованиях, в драке, но он не всегда выполняет свои обещания, и он имеет привычку бросать начатое, и потом еще это ново приобретение – пивной живот. По мнению Френка, такой живот служит показателем расхлябанности. Но все же...

– Ладно. О'кей. Но вечер наблюдений устроим не здесь. Скажем так: возьмем спальные мешки и в ночь перед встречей Земли с Молотом отправимся к Мулхолланду.

Марк приподнял как в тосте чашку с саке:

– Отлично. Цунами должно быть слишком растущим, чтобы вода достигла такой высоты. А если понадобится, оттуда легко выйти к дороге, – Марку было бы как-то неуютно, если б он, не приводя своих доводов, покорно соглашался с предложениями Френка.

Мысли Френка были заняты Джоанной. Вряд ли Марк сможет защитить ее. А Джоанна – учитывая ее самоуверенность и знание кон-фу – вероятно, она считает, что сумеет если что, постоять за себя – и тоже вряд ли.

Эйлин понадобилось почти полминуты, чтобы осознать, что на краю ее письменного стола, изучающе рассматривая ее, сидит мистер Корриган. Прямая как стрела Эйлин сидела

за столом, пальцы ее безжизненно лежали на клавиатуре. Казалось, она внимательно изучает голую стену перед собой... И вдруг обнаружила на переднем плане Корригана.

– Слушаю, – сказала она.

– Привет. Это я, – Корриган. – Что вы на этот счет скажете?

– Не знаю, босс.

– Примерно месяц назад я готов был поклясться, что вы влюблены. Когда вы приходили на работу, взгляд у вас был отсутствующий, иногда вы выглядели смертельно усталой и все время беспричинно улыбались. Но я считал, что ваше увлечение должно, в конце концов, пройти – и я был неправ.

– Да, это любовь, – ответила Эйлин и улыбнулась. – Его зовут Тим Хамнер. Он ужасно богат – до неприличия. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, он мне это сказал прошлой ночью.

– Гм, – неодобрительно сказал Корриган. – Основная проблема, естественно, следующая: не слишком ли пострадает дело в случае вашего увольнения?

– Это было первое, о чем я подумала, – задумчиво поглядев на Корригана, сказала Эйлин – и он так и не смог понять, что этот взгляд означает.

– Профессиональный риск, – живо отметил Корриган. – Вы этого человека любите?

– О... да... Очень люблю. Но... Я уже приняла решение – и оно мне не нравится.

И Эйлин с такой свирепостью набросилась на пишущую машинку, что Корриган счел за благо вернуться к своему письменному столу.

Она звонила Тиму трижды, прежде чем застала его дома. И сразу сказала:

– Тим? Извини, но ответ отрицательный.

Долгая пауза, а потом:

– Хорошо. Но ты мне можешь объяснить, почему?

– Попытаюсь. Дело в том... что это будет выглядеть глупо.

– Я этого не нахожу.

– Как раз перед тем, как мы познакомились, я стала помощником генерального управляющего Корригановской компании сантехнического оборудования.

– Ты мне это говорила. Послушай, если ты боишься потерять свою независимость, я обсыплю твою голову ну, скажем, ста тысячью долларов, и ты останешься полностью ни от кого не зависящей.

– Не знаю, как это сказать, но... дело не в этом. Дело во мне. Мне придется менять слишком многое. Я сама добилась всего, и я горжусь этим. И не хочу отказываться от достигнутого.

– Ты хочешь продолжать работу?! – Тиму трудно было выдавить из себя хоть слово. Придется признать, что его идея оказалась глупой. Но... – О'кей.

Эйлин представила себе картинку: каждое утро ее в компанию Корригана доставляет служебный лимузин. С шофером. И рассмеялась: в конце концов, все и так валится к черту.

Коллин читала книгу в бумажной обложке. В волосах – бигуди. Она включила стереосистему, и по временам, в такт музыке, ее пальцы барабанили по стоящему у ее мягкого кресла столу.

Фред тоскливо пытался догадаться, какую музыку она слушает. Что она читает, он знал. Заглавие он прочесть не мог, но на обложке была изображена женщина в длинном, ниспадающем до земли одеянии, а за ее спиной – замок (одно окно замка светилось). Готические романы все одинаковы – что внутри, что снаружи.

Бигуди не вызывали у Фреда возражений: Коллин в них выглядела еще привлекательнее.

Предвкушение с привкусом радости: скоро они встретятся. Скоро.

Иногда чувство вины делалось непереносимым. И тогда сумасшедшее желание охватывало Фреда Лаурена: уничтожить телескоп и покончить с собой. Покончить со всем раньше, чем он успеет причинить вред Коллин. Но эта мысль и действительно – сумасшедшая. В любом случае через месяц с небольшим он, Фред, будет мертв. И тоже самое произойдет с Коллин. Как бы худо он с ней не поступил, все равно это окажется преходящим. И сделано это будет потому, что он ее любит.

Потому что любит. Фред тосковал по этой рассматриваемой им в телескоп девушке. Он покручивал маленькие колесики, делая изображения отчетливее, резче. И пальцы его дрожали. Сейчас еще слишком рано. Слишком рано.

ИЮНЬ: ДВА

Генерал, это не план ведения военных действий! То, что вы предлагаете, это не план, а какие-то страшные предсмертные судороги!

Министр обороны Роберт С.Макнамара, 1961 г.

Политика Соединенных Штатов остается неизменной. Если подтвердиться, что враг начал ядерную атаку на нашу страну, стратегические силы армии нанесут ему непоправимый ущерб.

Представитель Пентагона. 1975 г.

Сержант Мэйсон Джефферсон Лаутон был военнотружущим Стратегического авиационного командования и гордился этим. Он гордился безупречно отглаженной формой, голубым, завязанным на шее галстуком и белыми перчатками. Он гордился висающим у бедра 38 – калиберным.

Омаха. Жаркий день клониться к вечеру. Мэйсон снова глянул на наручные часы, и как раз в этот миг на посадочную дорожку приземлился «КС – 135». Самолет вырулил к разгрузочной площадке, где его и ждал Мэйсон. Первым показался полковник, постоянно дежуривший по авиабазе, Мэйсон узнал его. Внешность следующего полностью соответствовала фотографии, заранее переданной сержанту службы безопасности. Прилетевшие направились к джипу.

– Ваши удостоверения? – спросил Мэйсон. Полковник молча предъявил пропуск. Сенатор Джеллисон нахмурился: – Я прилетел на самолете генерала, и меня сопровождает полковник с вашей базы...

– Да, сэр, – сказал Мэйсон. – Но вы обязаны предъявить документы.

Джеллисона все это позабавило, он кивнул. Вытащил из внутреннего кармана кожаную книжечку – и ухмыльнулся, увидев, что сержант принял позу еще большей бдительности. В удостоверении было сказано, что Джеллисон является офицером запаса Военно-Воздушных сил, и не просто офицером, а генерал-лейтенантом. Мое звание, подумал Джеллисон, потрясет этого сосунка.

Никаких признаков потрясения Мэйсон не высказал. Он просто терпеливо подождал, пока еще один подошедший офицер, принеся чемодан Джеллисона погрузил его в джип. Джип покатиł по взлетно-посадочной полосе, обогнув специально оборудованный самолет системы «Зеркало». На базе имелось три таких самолета, и один из них – поочередно – все время находился в воздухе. В самолете системы «Зеркало» размещались дежурный генерал командования Стратегической авиации и его штаб.

В конце второй мировой войны штаб Стратегического авиационного командования был перемещен в центр Соединенных Штатов, в Омаху. Сам штаб командования размещался под землей – четырехэтажный бункер, армированный бетоном и сталью. Предполагалось, что «Нора» способна выдержать что угодно – но строили бункер еще до эпохи межконтинентальных баллистических ракет и водородных бомб. Теперь для подобных заблуждений не осталось места. Если разразиться большая война, от Норы ничего не останется. Но и в этом случае Стратегическое авиационное командование не утратит контроль над подчиненными ему силами: «Зеркало» сбить невозможно. Никому, за исключением управляющих им пилотов, неизвестно местонахождение дежурного самолета системы «Зеркало».

Мэйсон проводил сенатора к большому кирпичному зданию и далее, вверх по лестнице до самого кабинета генерала Бамбриджа. Кабинет имел старомодный вид. В основном деревянная мебель, обитая кожей. Старинным был и огромный письменный стол. Вдоль стен

шли полки, на которых были выставлены модели Военно-Воздушных сил США: истребители времен второй мировой войны, большущий Б – 36 – неправдоподобного вида пропеллеры и гондолы реактивных двигателей, Б – 52, различного вида ракеты. Не считая телефонов, эти модели были единственными предметами в кабинете, несущими на себе черты современности.

Телефонов на письменном столе было три: черный, красный и золотистого цвета. На столике рядом с письменным столом стоял переносной ящик для красного и золотистого телефонов: эти телефоны всюду сопровождали генерала Бамбриджа, куда бы он ни направился, где бы ни находился. В машине, дома, в спальне, уборной. Всегда – со времени его назначения главнокомандующим Стратегической авиацией. Максимум четыре звонка золотистого телефона – и генерал снимет трубку: он никогда не отходит на большее расстояние от этого телефона. Золотистый телефон соединял его с президентом.

Провод красного телефона шел вниз, соединяя Бамбриджа с подземным помещением Стратегического авиационного командования. С помощью этого телефона могла быть приведена в действие огневая мощь, равной которой не обладает ни одна армия за всю историю человечества.

Генерал Томас Бамбридж жестом пригласил сенатора Джеллисона сесть и присоединиться к беседе группы офицеров, стоявших возле окна. Окно было огромное, выходило оно на взлетно-посадочную полосу. Бамбридж никогда не начинал разговора, пока что-нибудь – по его мнению в этом нуждающееся – не было приведено в должный порядок. Особенно это проявлялось, когда он сидел за своим письменным столом. Рассказывали, что однажды некий «приводимый в порядок» майор, простояв пять минут перед столом Бамбриджа, упал в обморок.

– Какого черта вас принесло сюда? – спросил Бамбридж. – Что произошло, чего мы не смогли бы обсудить по телефону?

– Насколько защищены ваши телефоны от прослушивания? – в свою очередь спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

– Настолько, насколько это в ваших силах.

– Возможно, с вашими телефонами все в порядке, – сказал Джеллисон. – У вас есть люди, которые смогут их проверить. Я полностью уверен, что мои телефоны не защищены. Должен вам сказать, что официально я прилетел сюда чтобы обсудить с вами некоторые статьи военного бюджета: мол, кое-чего я не понимаю, и мне нужны разъяснения.

– Понятно. Пить будете?

– Виски, если оно у вас есть.

– Конечно, есть, – из шкафчика, стоящего за письменным столом, Бамбридж достал бутылку и стаканы. – Сигару? Прошу, наверняка вам понравится.

– Гавана? – спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

– Ребята покупают их в Канаде. Никогда не курите американские сигары. Возможно, кубинцы и ублюдки, но делать сигары – это уж наверняка – они умеют. – Он поставил бутылку и стаканы на кофейный столик, налил. – О кей, так о чем вы хотели поговорить?

– О Молоте, – сказал Артур Джеллисон.

Лицо генерала Бамбриджа побледнело:

– А именно?

– Эта комета пройдет очень близко от Земли.

Бамбридж кивнул.

– Как вы знаете, у нас есть тоже неплохие математики. И компьютеры тоже.

– И что вы намерены предпринять?

– Ничего. Согласно приказу президента, – генерал указал на золотистый телефон. – Ничего не случится, и мы не должны вызывать тревогу у русских, – Бамбридж сморщился. – Нельзя вызывать тревогу у этих ублюдков. Они убивают наших друзей в Африке, но мы не имеем права выводить их из душевного равновесия, поскольку это может нарушить нашу дружбу.

– Нелегко жить в этом мире, – сказал Джеллисон.

– Да, нелегко. Так чего вы хотите?

– Том, комета пройдет близко. По-настоящему близко. Мне кажется, что президент не понимает, что это значит.

Бамбридж вынул сигару изо рта и обследовал ее изжеванный кончик.

– Президент не слишком интересуется нами, – сказал он. – И это хорошо, поскольку этим он предоставляет Стратегическому авиационному командованию значительную свободу действий. Но, хорошо это или плохо, но он – президент, и в силу этого является моим Верховным главнокомандующим. У меня препотешные представления такие, например: я должен повиноваться приказам.

– А ваша клятва Конституции? – спросил Джеллисон. – Или вы не выпускник Уэст-Пойнта? Долг, Честь, Страна. К вопросу о приказах.

– Итак?

– Том, эта комета пройдет по-настоящему близко. По-настоящему близко. Мне сказали, что против нее окажутся бессильными все ваши радары раннего предупреждения...

– Мне это тоже говорили, – сказал Бамбридж. – Арт, мне не хочется быть наглецом, но зачем вы берете на себя роль яйца, поучающего курицу? – он отошел к письменному столу и вернулся с переплетенным в красную кожу докладом. Мы обнаружили, что на нас напали – а на самом деле никакого нападения не было. И, видимо, проворонили настоящее нападение... если оно состоится. Естественно, в тот самый день, когда русские решат, что смогут выиграть у нас в чистую, они нанесут удар. Но разведка Военно-Воздушных сил заверила меня, что сейчас дела у них обстоят точно таким же образом, – генерал перелистнул страницы доклада – веером, понизил голос: – Разумеется, если мы не сможем засечь их нападение, они не смогут засечь наше...

– Что вы порете!..

– Ну, меня нельзя отдать под военный суд только за то, что я размышляю вслух.

– Том, это серьезно. Не думаю, чтобы русские начали что-нибудь... если только Молот пройдет не совсем близко. Однако...

Бамбридж склонил голову набок:

– Иисусе! Мои люди не утверждают, что Молот *столкнется с нами!*

– Я тоже этого не утверждаю, – сказал Джеллисон. – Однако вероятность столкновения сейчас – одна к сколько-то сотым. Сперва было: один шанс против нескольких миллиардов. Потом: один против нескольких тысяч. Сейчас: только сотые доли. Эта тенденция несколько пугает.

– Все так. Так что вы предлагаете мне предпринять? Президент приказал мне не поднимать тревогу...

– Он не мог дать вам такой приказ. Согласно уставу вы имеете право принимать любые меры, необходимые для защиты находящихся в вашем подчинении сил. Вплоть до открытия огня.

– Господи, – Бамбридж выглянул в окно. Очередной КС – 135 системы «Зеркало» готовился к взлету. Значит, самолет, сейчас находящийся в воздухе, сдав дежурство, скоро пойдет на посадку. Все в порядке. – Вы требуете, что бы я нарушил прямой приказ президента...

– Говорю вам: если вы это сделаете, у вас появятся друзья в конгрессе. Самое худшее, что с вами может случиться – это вас выгонят со службы. Всего лишь, – Джеллисон говорил

очень тихо и очень настойчиво. – Том, вы думаете, мне нравится все это? Сомнительно, что эта проклятая комета столкнется с Землей, но если это произойдет, а мы окажемся не готовы... Бог знает, что тогда произойдет.

– Да, конечно, – Бамбридж постарался представить как будут развиваться события. Падение астероида придется на какой-то отдаленный район Советского Союза – разве в этом случае русские не решат, что имеет место подлое нападение со стороны Соединенных Штатов? Но почему отдаленный район? А если столкновение придется на Москву?! – Но если мы объявим боевую тревогу, русские разузнают об этом, и решат, что наши действия вызваны иными причинами. А причин этих достаточно...

– Естественно. Ну, а если мы не объявим тревогу, и они поймут, что им предоставился исключительно счастливый случай? Том, если Молот ударит, возможно, Вашингтон, Нью-Йорк, фактически все восточное побережье...

– Дерьмово. А для полноты картины – война, – сказал Бамбридж. – Если Молот действительно ударит, мир и без большой войны перевернется вверх тормашками. Но если удар, минуя их, придется только на нас, им захочется довершить начатое. Я бы так и поступил, будь на их месте.

– Но вы не...

– Да не из этого кабинета, – пояснил Бамбридж. – Не отсюда, даже если б я получил приказ – который, слава Богу, я никогда не получу, – генерал перевел взгляд на стену, где были выставлены макеты ракет. – Скажу, чтобы я сделал, если б вдруг случилось, что все дежурные посты заняты людьми, которым я доверяю. Отправил бы весь начальствующий состав на гауптвахту и сам принял дежурство на «Зеркале». Но как мне объяснить подчиненным, что пуск ракет нужно произвести из-за какого-то метеора?

– Думаю, вы найдете объяснение, – сказал Желлисон.

Снаружи тьма и сияние. А в капсуле «Аполлона» Рик Деланти не в силах встать с койки. Глаза его плотно закрыты, он неподвижно лежит, кулаки стиснуты. «Прекрасно, черт побери. Я заболел, как только мы вышли в космос. Не сообщай Хаустону. Они ничего не смогут сделать».

– Ты проклятый дурак, ты же умрешь с голоду, – сказал Бейкер. – Черт, здесь же нет ничего позорного. Каждый может заболеть космической болезнью.

– Но не на целую неделю.

– Тебе все известно не хуже, чем мне. Мак-Аллиард проболел весь полет. Не в такой тяжелой форме, как ты – но его лечили. Я сообщу доктору Малик.

– Нет!

– Да. На проявление мужества и гордости у нас нет времени.

– Дело не в этом. Ты сам все понимаешь, – сказал пронзительным голосом. – Она сообщает о моей болезни. И тогда...

– И – ничего, – сказал Бейкер. – Никто не станет срывать полет только потому, что у тебя неполадки с желудком.

– Ты уверен в этом?

– Угу. Они не могут признать, что полет окончился неудачей... пока я не потребую, чтобы они это признали. А я этого не потребую. Пока что...

– Пока все более-менее в порядке, – сказал Деланти. – Вот ведь в чем дело. Господи боже, Джонни, если экспедиция из-за меня окажется сорванной... Черт возьми, жаль, что они не выбрали кого-нибудь вместо меня. Тогда все это не было так важно. Но я – я *обязан* продержаться...

– Почему? – спросил Бейкер.

– Потому, что я...

– Человек, у которого кожа не белого цвета?

– Черного цвета. И об этом забывать нельзя, – Рик попытался улыбнуться. – Ладно, зови госпожу докторшу. Пусть как-нибудь лечит. Может, вылечит, покормив меня грудью?

– Так будет лучше, если ты будешь лежать с закрытыми глазами.

– Что я и делаю, и это самое большое, что я могу сделать, – в голосе Деланти звучала горечь. – Я старое железное ухо – и подхватил космическую болезнь. Бред какой-то, – он осознал, что Бейкера рядом уже нет, и лихорадочно стал застегивать ширинку.

Официально это одеяние называлось «повседневной служебной формой». Ктонибудь мог сказать: «это – теплое белье». Или: «это белье – комбинезон». Во всяком случае это – одежда астронавтов. Очень хороша с практической точки зрения одежда – но Рик Деланти не мог скрыть как он нервничает: не часто он представлял перед женщинами в нижнем белье. Тем более, если это – белые женщины.

– Парень, друзья-приятели, проживающие в глубинке Техаса, сошли бы от этого с ума, – пробормотал он.

– Почему вы не сообщили раньше? – женщина сказала это отчетливо, с профессиональной интонацией, и от этого голоса из головы Рика Деланти выдуло остатки мыслей – если они еще там оставались. Войдя в кабину, Малик отсоединила трубку комбинезона Рика и сунула освободившейся конец в отверстие переносной термостанции. Второй конец трубки уходил внутрь белья Рика Деланти и далее, вглубь его тела. Любого астронавта пугает, если врач подобрался к его заднепроходному отверстию: измерение температуры не сулит ничего хорошего.

– Вы хоть что-нибудь едите? – спросила Леонилла. Посмотрела показания термометра, записала.

– Во мне ничего не задерживается.

– Ваш организм обезвожен. Так что сперва мы попытаемся справиться с обезвоживанием. Разжуйте эту таблетку... Нет, не глотайте ее. Разжуйте.

Рик разжевал:

– Иисусе Христе, что это? Ничего более тошнотворного я...

– Глотайте пожалуйста. Через две минуты попытаемся принять питье. Питательный раствор. Вам нужна вода и питание. Часто ли случалось, что вы не сообщали о своем заболевании?

– Нет. Мне казалось, что я могу справиться с болезнью самостоятельно.

– В каждом космическом полете космической болезнью заболевает приблизительно одна треть из состава экипажа. Различия лишь – слабая это окажется форма болезни или сильная. Вероятность того, что заболеет кто-нибудь из участников этого полета, вероятно, была высока. Теперь выпейте это. Медленными глотками.

Рик выпил. Питье было густое, на вкус отдавало апельсинами.

– Неплохо.

– Основные компоненты его – американского производства, – сказала Леонилла. – Я добавила фруктовый сахар и витамины. Как вы теперь себя чувствуете? Нет, на меня смотреть не надо. Надо, чтобы то, что вы сейчас выпили, усвоилось вашим организмом. Закройте глаза.

– Теперь мне чуть лучше.

– Хорошо.

– Но на черта мне лежать с закрытыми глазами?! Я должен...

– Вы должны восполнить нехватку воды в своем организме. Вы должны выжить, чтобы полет не был сорван, – сказала Леонилла.

Деланти почувствовал, как что-то холодное коснулось его предплечья.

– Что это?...

– Инъекция снотворного. Расслабьтесь. Вот так. Вы будете спать несколько часов. Пока вы спите, я сделаю вам внутривенное. Потом, когда вы проснетесь, попробуем использовать еще кое-какие лекарства. Спокойной ночи.

Леонилла вернулась в главный отсек «Молотлаба». Теперь в середине отсека было свободно: оборудование было перемещено туда, где ему и следует находиться. Масса загромождающей пространство идущей на упаковку губчатой пластмассы было выброшено в космос.

– Итак? – требовательно спросил Джон Бейкер. Петр Яков – по-русски – повторил этот же вопрос.

– Плохо, – сказала Леонилла. – Полагаю, что в течении последних двадцати четырех часов его организм был вообще не в состоянии усваивать воду. Двадцати четырех – по меньшей мере. Возможно – дольше. Температура – тридцать восемь и восемь десятых. Организм очень обезвожен.

– Что будем делать? – спросил Бейкер.

– Думаю, что лекарство, которое я дала, поможет ему удерживать в организме воду. Сейчас он выпил почти литр – и без всяких затруднений. Почему он не сообщил о том, что заболел раньше?

– Черт возьми, он первый чернокожий, оказавшийся в космосе. И не хочет оказаться последним, – объяснил Бейкер.

– Он полагает, что только для него путь не был усыпан розами? – спросила Леонилла. – Он первый негр в космосе, но физиологические различия, обусловленные принадлежностью к разным расам, невелики по сравнению с, например, различиями, вызванными половой принадлежностью. Я – вторая женщина, оказавшаяся в космосе, а первая забо...

– Пора вести наблюдения, – перебил Петр Яков. – Леонилла, вы поможете мне. Если только вам не нужно заняться вашим больным.

Оборудование было размещено на нужных местах, но все равно свободного места в «Молотлабе» оставалось очень мало. Все же были найдены способы хоть как-то уединяться: Деланти оставался в «Аполлоне», Леонилла Малик уходила в «Союз». Бейкер и Яков посменно вели наблюдения и спали в «Молотлабе» – когда им вообще удавалось поспать. Три члена экипажа выполняли работу за четверых, и на сон много времени не оставалось.

А Хамнер-Браун все приближалась. Она приближалась хвостом вперед, мчалась прямо на «Молотлаб», и разреженный газ, извергаемый кометой, уже окутал и Землю и Луну и космическую лабораторию. Участники полета часами вели визуальные наблюдения и ежедневно выходили в космическое пространство, чтобы взять пробы – пробы пустоты. В сосуды запечатывался вакуум космического пространства. Потом эти сосуды будут отправлены на Землю, где чувствительные приборы смогут обнаружить молекулы вещества, составляющего хвост кометы – пусть даже этих молекул окажется очень немного.

Сперва наблюдать было, в общем не за чем. Было ясно видно лишь, что в одну сторону от кометы отходит хвост, покрывающий пространство в сотни миллионов миль. Но потом, когда комета подошла поближе, куда не посмотришь, всюду хвост.

Если не проводились наблюдения за кометой, то велись наблюдения за Солнцем. Нужно было провести еще множество экспериментов – в области кристаллографии, тонко пленочной электроники и так далее... Свободного времени не оставалось.

Сутки пролетали быстро.

Члены экспедиции не часто могли оставаться наедине с собой, хоть изредка это удавалось. Согласно проекту, личных, так сказать удобств в кабине лаборатории не было – лишь в кораблях. Для Бейкера и Деланти все обстояло достаточно просто: на орган мочеиспускания одевалась, идущая к специальному резервуару, трубка. Потом содержимое резервуара выливалось.

Бейкер как раз облегчался по указанной схеме, когда почувствовал на себе взгляд Деланти.

– Предполагалось, что ты спишь. А не наблюдаешь тем, как я писаю.

– Меня это не интересует. Джонни... как это ухищряется делать Леонилла? Я имею в виде здесь в космосе.

– М-да. Я как-то еще не выяснил. Не знаю. Спрошу-ка у нее, а?

– Конечно спроси. Мне-то это было б не по силам.

– Мне – тоже, – Джонни открыл клапан. Урна реактивной струей вылетела из «Аполлона» в космическое пространство. Мгновенно замерзшие капли образовали облако, окутавшее корабль. Облако походило на какое-то новое созвездие, оно медленно рассеивалось. – Почему, черт возьми, ты снова пристаешь ко мне с этой проблемой?

– Хочу понять, только ли я в этом полете испытываю затруднения.

– Как ты себя чувствуешь?

– Неплохо.

Двумя днями позже, когда Деланти чувствовал себя немного лучше, Бейкер все еще не знал ответа.

Он вернулся в корабль, взяв очередную пробу космической пустоты. С ним был только Яков и Бейкер сказал:

– Невыносимо.

– Прошу прощения? – спросил русский.

– Мне не дает покоя одна вещь. Леонилла, как и мы все, находиться в состоянии свободного падения. Как же ей удастся мочиться?

– Это вас волнует?

– Еще бы. Тут даже не любопытство от безделья. Одна из причин, по которым мы не посылаем женщин в космос, заключается в том, что проектировщики не могут разрешить эту проблему – учитывая требования санитарии и так далее. Кое-кто предлагал использовать катерер, но ведь это вредно. – Яков промолчал. – Так как она это делает? – требовательно спросил Джонни.

– Это государственная тайна. Прошу извинить меня, – сказал Петр Яков. Может быть он шутит? Непохоже. – Пора проводить очередную серию наблюдений Солнца. Если вас не затруднит, помогите мне в работе с телескопом.

– Разумеется.

Я спрошу у Леониллы, подумал Джонни. Спрошу – в любом случае до того, как мы пойдем на посадку. Он искоса глянул на русского. Может быть, Яков и сам не знает ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.